

18+

ЛЮБОВЬ СУШКО

Световид — хранитель света

БОГИ И ДУХИ СЛАВЯН

Любовь Сушко
Световид – хранитель
света. Боги и духи славян

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58860064

ISBN 9785005147882

Аннотация

Эта книга открывает цикл Божественных хроник, так как главными героями стали славянские боги, их жизнь на земле, подвиги, страсти и противостояния. Духам и заповедному лесу тоже отводится немалая роль, а вот люди появляются только в эпизодах. Мир богов и духов от Сварога до Световида распахнул свои объятия. Для автора эта работа была очень интересна, и она продолжается: Велес, Перун, Лада, Стрибог – все впереди.

Содержание

Часть 1. И отступила тьма	10
Глава 1. Двое во тьме	10
Глава 2. Рождение бога	18
Глава 3. Поиски людей	24
Глава 4. На пути к Люциферу	29
Глава 5. Обратный путь	34
Глава 6. На новом месте	39
Глава 7. Думы Чернобога	45
Глава 8. Сестры-богини	49
Глава 9. А тем временем на земле	55
Глава 10. Триглава на земле	61
Глава 11. Любовь-ненависть	66
Глава 12. Схватки на небесах и на земле	71
Глава 13. Большие перемены	77
Глава 14. Второе поколение богов	82
Глава 15. Сын Марены	87
Глава 16. Похищение	93
Глава 17. На круги своя	99
Глава 18. Похищение на земле	104
Глава 19. Жива и Марена	108
Глава 20. Схватки и перемирие	115
Глава 21. Рождение Зари	119
Глава 22. Спор богинь	123

Глава 23. Зимцерла	127
Глава 24. Сомнения	131
Глава 25 Мольба о празднике	134
Часть 2 Небеса и Земля	137
Глава 1. Ночь на Земле	137
Глава 2. Влюбленность	142
Глава 3 Проделки беса	146
Глава 4. Изгнание из Сварога	150
Глава 5. Перун с нами	156
Глава 6. Размышления Даждьбога	161
Глава 7. Новые лица	164
Глава 8. Проделки Кощея	168
Глава 9. Происшествие в Свароге	172
Глава 10. Пленница	175
Глава 11. В ожидании перемен	178
Глава 12 Ссора супругов	183
Глава 13 Подвиг Дида	186
Глава 14. Неожиданность	190
Глава 15. Молодые боги	197
Глава 16. Коварство Лады	203
Глава 17. Старые обиды	208
Глава 18. Праздник без Лады	213
Глава 19. Лада одна	217
Глава 20. Взгляд на землю	221
Глава 21. Заговор Домовых	226
Глава 22. Труды и дни	231

Глава 23. Выбор колдунов	235
Глава 24. Избушка Яги	240
Глава 25. Встреча с богиней	243
Часть 3. Земля и небо	246
Глава 1. Проделки Ажбеты	246
Конец ознакомительного фрагмента.	247

Световид – хранитель света

Боги и духи славян

Любовь Сушко

© Любовь Сушко, 2024

ISBN 978-5-0051-4788-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СВАРОГ И СВЕТОВИД — Цикл СОЛНЕЧНЫЕ БОГИ СЛАВЯН

И была сначала тьма, одна только тьма, и хаос был в этом мире делом привычным. И стояла она над землями, которые еще не скоро будут называться славянскими.

Ничего и никого нет здесь пока: ни одной звезды, ни одной живой души, ни зверя лютого, ни человека дикого, ни птицы легкокрылой. Только бездна вверху и бездна внизу, только ветер вольный, летит, куда ему хочется и нигде не встречает преград на пути своем. И никто не может его удержать, да и удерживать некому.

Никого пока нет в мире этом. Бесконечно пространство и непроглядна тьма вокруг. Сколько времени уже прошло, – никто не знает, никто время это не считал, и считать не соби-

рается. Но так хотелось, чтобы оживилось все вокруг, чтобы солнц на небесах засияло, трава зазеленела. Да нет в черном мире ни травы, ни солнца – ничего нет.

Может быть, какие-то соринки и пылинки летали и сбивались в одну кучу, и на темной воле должны были какие-то островки возникнуть, но никто их не видел тогда. И все-таки первые хилые растения появились уже, и жизнь какая-то зарождаться стала очень медленно.

Первый день творения, так и оставшийся незамеченным, был самым трудным и безнадежным, ведь творцу из ничего надо было сделать все, и не испортить и не ошибиться, чтобы потом собственные ошибки не пришлось исправлять слишком долго, в ужасе от творения своего не отшатнуться.

А как много предстояло ему еще сотворить, прошел только первый день. И надо было давать имена деревьям, животным и предметам разным, которых в тот миг не так уж и много, к счастью, было. Но все в мире этом еще оставалось безмянным.

Шорохи, звуки, стоны – все рождалось с великим трудом. А мир был так несовершенен, он только возникал из тьмы, и возникнет ли, неизвестно было до конца.

Дух захватывает, замирает душа, и, кажется, мы снова можем увидеть, как это было тогда. Но слышится шум бесконечных лесов, воздух свеж и прозрачен, но света и огня еще не хватает этому миру, для того, чтобы все всколыхнулось, и он ожил, и зажил, наконец, своей собственной жизнью.

Но это случится только тогда, когда появится здесь кто-то из богов, еще никак не названных и духов, готовых что-то сделать для богов и людей, ведь и они рано или поздно здесь появятся.

Хотя боги завистливы, и непременно враждовать начнут и смуту всякую учинят, но без них мир пуст. Те, кто все доделают, могут потом оставаться незамеченными и уйти в сторону, но все равно, пока они должны приложить усилия. И он появился – тот смельчак, который готов был дотворить этот мир, до конца начатое довести.

*Дела давно минувших дней,
Преданье старины глубокой...
А.С.Пушкин.*

Вступление

Часть 1. И отступила тьма

Глава 1. Двое во тьме

Поэма Начала

Рождались боги на заре кровавой,
И проступали в жуткой тишине,
И всем хотелось неги, света, славы,
И выли волки при слепой луне.
Угрюмый Сварог, не узнавший лада,
Ковал устало новые миры,
Метался Световид, смеялась Лада,
И начиналась спесь большой игры.

Еще о Солнце даже не мечтали,
И не хотели, все приняв сполна,
Познать и боль, и вечные печали,
Но появилась Мокошь, и она
О судьбах их во тьме заговорила,
О Доле и Недоле бытия.
И молнии – Перуна злая сила,
Столкнула жизнь на землю, может зря.

И шкурою Медведя одарила

Там Велеса бестрепетно Луна,
Когда рыдала Жива сиротливо,
Была Морена с ним в печали сна.
Мир проступал яснее и тревожней,
Под молотом творца в ночной глуши,
И заиграл вдруг Лель там осторожно,
И о любви запел он от души.

Еще о людях только говорили,
Разбросанные духи по лесам.
И без людей они так славно жили,
Порой лишь обращаясь к небесам.
Откуда искры Сварога летели,
И надо бы гасить такой пожар,
Но отвлекли на время птичьи трели,
Когда беда шагала по следам.

И вот тогда явились эти двое,
И размножаться стали в грозный час,
Там народились Змеи и герои,
Чтоб в схватке утвердиться, и за нас
Они сражались зло и побеждали,
И души не могли их усмирить,
Рождались в мире новые печали,
И радости связующая нить.

И Сварог им послал однажды Дива,
Который должен их остановить.
На мир смотрела Лада сиротливо,

Она же призывала их любить.
А Велес удалился, понимая,
Что это лишь начало их конца,
Они ослепли, снова прозревая,
Прозрели, лишь ослепнув и конца.

Покорно ждали, не было печали,
И не было потопа и огня,
Когда жрецы своих богов встречали,
Чтоб этот мир неведомый понять.
Им чашу Сварог подарил однажды,
И начиналась новая война,
Когда сам Ний пошел за этой чашей,
И Велес, и Перун лишились сна.

И кот Баюн историй тех начало
Стал распевать, Священный дуб кляня,
И это было темное начало,
В мерцании страсти, неги и огня.
Преобразился мир, в котором снова
Вдруг проступили страсти и пиры,
И побеждало песня или Слово,
И начиналась спесь большой игры.

Так во тьме все и зарождалось на земле, в муках невероятных пробивалось. То ту, то там стали появляться неведомые звери и птицы. Они подавали голоса, пролетали где-то близко, стараясь за ветрами буйными угнаться. И только раз-

глядеть их пока невозможно было, и некому разглядывать. И каждый день был похож на глухую ночь в ту пору. На земле или под землей находилось все живое, – этот никто знать не мог. И вдруг появились невесть откуда двое.

И первым был ни кто иной, как Мефистофель, стащивший с Олимпа огонь – несколько угольков и несший их осторожно в лукошке. Рядом с ним шагал огромный черный Демон, которого он случайно встретил в горах, когда сюда добирался. Мефи на него просто наткнулся в крошечной тьме и решил взять с собой. Только уже успел о решении своем пожалеть, потому что кроме нытья, проклятий от спутника своего неутомимый бес ничего не слышал. Он понял, отчего тот нигде: ни на небесах, ни на земле долго задержаться не мог – кто же такое занудство от такого могучего детины терпеть станет

Так и шли они вдвоем. И думал бес только о том, в каком месте лучше угольки ему оставить, чтобы как можно больше света от них на землю падать могло. Пусть пока немного его будет, но если не погаснет, а разрастется он со временем, то и перемены наступят большие, и отступит тьма навсегда. Решение пришлось принимать самому, Демон не был ему в том помощником. Ничего он не понимал, и решать ничего не хотел.

– И согласился же я с тобой в эту темень отправиться, – ворчал между тем Великан, – и какой черт занес меня сюда. Сидел бы на горах своих снежных и в ус не дул, а тут, надо же

было так опростоволоситься, так поддаться твоим обещаниям несбыточным.

Бес не помнил, чтобы он его уговаривал и что-то обещал. Наоборот, он сам, не раздумывая, бросился за ним, как только узнал о том, куда тот направляется, и обрадовался первой живой душе, пусть и душе бесовской, но что об этом было теперь говорить?

Бес молчал. Он хотел посмотреть, насколько у того запала хватит, и сколько он один проговорить сможет. По всему было видно, что говорить он может очень долго. Но он отключился и размышлял в это время о своем. Демон не видел его и не мог знать, что тот его не слушает особо и слушать не собирается.

– Зачем тебе это нужно, – донеслось до беса со стороны Демона, – пусть тьма тьмой и остается, тебе – то какая разница?

Но, видя, что бес не отвечает, и разговора давно не поддерживает, он начал злиться по-настоящему

– Какой интерес оставаться здесь, когда мир во тьме и ничего разглядеть нельзя, – подал он голос.

Наблюдать, подслушивать, – всегда было его самым любимым занятием, и он не собирался себя лишать такого удовольствия.

– Не было печали, не видишь, и делать ничего не надо, а так невольно придется за что-то браться, а оно тебе надо? – стоял на своем Демон.

– Мне надо что-то делать. Может быть, это хлопот мне и прибавит. И насобираю неприятностей на голову свою, только у нас с тобой впереди бессмертие. И не мешало бы хоть как-то развлечься. А среди людей и время незаметно течь будет. И самому можно каким-то делом заняться, – предположил он, уверенный в своей правоте.

Демон знал, что бес прав, впрочем, как и всегда, но что-то подсказывало ему, что неизвестно, как там все еще сложится. А к тьме они привыкли и ни о чем особенно не волновались больше.

И в тот самый миг, словно отвечая его помыслам, огонек в корзине, от порыва ветра стал быстро гаснуть, бес закрыл его собой, понимая, что возвращаться назад и снова столкнуться с суровыми богами, в его планы не входило. Кто знает, пройдет ли все на этот раз так гладко, как тогда. И он не подарит свет этому миру. А тьма должна отступить, и сотворит это он.

Мефи резко остановился, чтобы не позволить ветру совершить свое черное дело, и послал Демона набрать веток с деревьев, чтобы можно было поскорее разжечь огонь, и новых головешек наделать. Он упрекал себя за страшную беспечность, – давно надо было обо всем позаботиться, тогда не пришлось бы так суетиться.

Тот побрел прочь, на что-то натываясь и ворчал при этом без умолку. А бес оставался в полном одиночестве. Это его не особо расстраивало – можно и передохнуть немного и по-

быть в тишине.

Он ощутил себя творцом и почти Богом, хотя, что они своими руками сделали – эти всемогущие боги. Если бы не было рядом таких, как он, совсем туго бы им пришлось, тогда бы еще посмотреть надо было, кто творец и кому следует почести приносить и жертвы творить.

№№№№

Бес очнулся в тот миг, когда мимо пронеслась какая-то огромная черная тень. И Демон где-то во тьме отпрянул от нее.

– Дьявол, – завопил он, – кто это тут шастает?

Бес понял, что в тишине ему удалось побыть недолго. Но он научился не обращать внимания на него. Он стоял на том же месте, радуясь тому, что все ему удалось, и он заслонил огонь от ветра.

Они пошли дальше, когда отпыхал огонь, и число угольков в лукошке прибавилось. Но во второй раз налетел ветер, откуда не возьмись, и снова пришлось защищать завоеванное. И снова взвыл Демон:

– Зачем ты его бережешь, пусть погаснет и дело с концом.

– Я не хочу оставаться в бесконечности и в бессмертии без богов и

людей, а ты можешь делать все, что хочешь, только меня в это не впутывай.

Он поражался его занудности и тупизне, словно ребенок неразумный был в тот миг перед ним, а не здоровый детина.

И все же он почувствовал, что терпение спутника его на исходе, и как-то поспешно замолчал. Ни у кого, а у беса точно, терпение не было бесконечным, а он привык к его обществу, и оставаться одному совсем не хотелось.

– Потом, когда ты с копыт собьешься, и голова твоя треснет от забот, – злорадно пообещал ему Демон, – не говори, что я тебя не предупреждал о том, что от дел твоих героических случиться может.

Кажется, в первый раз за все время он был собой доволен, и молчал почти победно. Бес усмехнулся. Но Демон не мог видеть эту усмешку, и считал, что тот начал к нему серьезно относиться.

Демон мечтал снова оказаться в горах и блуждать там беззаботно. Но он лгал себе, потому что знал, что снова вернется рано или поздно к бесу. А все оттого, что тот успел заразить его строительством нового мира, и покой его был нарушен надолго, может быть, навсегда. Он много раз мог смотаться, исчезнуть без следа, он все-таки оставался рядом, и с любопытством смотрел на то, что могло получиться у него. И сам он что-то сотворить может, чтобы хоть какой-то след, какая – то память о нем оставалась. И хотя он знал, что редко у него что-то путное получалось, но с тупым упорством каждый раз брался за дело.

Глава 2. Рождение бога

И вдруг с Демоном что-то произошло. То ли какой злой дух подсказал ему, то ли сам он решился на подвиг, но собрался он отнять огонь у беса. Ни с того, ни с сего каприз этот возник. Тот и глазом моргнуть не успел, он бросился на него и стал с ним яростно бороться, так, что задрожала земля под ногами у них, и не было с ним никакого слада – так всегда у него и начинался бунт.

Бес понимал, что дело, стоившее ему стольких усилий, находится под страшной угрозой. Он так изловчился и пнул его, что тот кубарем полетел прочь. А когда вернулся назад, то ничего не оставалось, только раскаяться, отступить и признать, что он больше не будет так скверно поступать, а как такое случилось, он и сам не ведает.

Но в тот же момент произошло еще что-то непонятное. Какая-то комета или иная сила пролетала мимо, столкнулась с бесом и очень больно его ударила. Она задела и огоньки, которые были у него в лукошке, на их глазах все ослепительно вспыхнуло в один миг, так, что оба они невольно зажмурились, а когда открыли глаза – перед ними стояло какое-то полыхавшее ясным пламенем создание. Он стал разрастаться, превратился в огромный огненный столб, от которого путникам пришлось отскочить как можно дальше, но и то паленой бесовой шерстью страшно завоняло. И они убеди-

лись, что это создание может все уничтожить на своем пути, если не убрать вовремя.

Но пламя умирилось в один миг, и уже не касалось таким опасным.

Подождав немного, сначала бес, а потом и Демоном приблизились к нему, слишком любопытно было рассмотреть, что же это было такое.

Вместо огня возник свет, очень яркий, особенно в той тьме, которая была вокруг. Создание это меняло свои формы, словно бы старалось обрести новый облик, и, наконец, обрело более приемлемый для них вид, и перед ними появился новый бог. Первый бог, других здесь просто не было.

Огненный бог или бог света – это можно будет со временем уяснить для себя. Но золотистый плащ переливался и развивался на ветру, и надо признать, что он был очень красив, просто великолепен – дух захватывало, его первозданная красота слепила, хотя эти двое на своем веку и прежде немало видели, но в отступившей тьме, то, что они сварили, было великолепным

– Кто это? – наконец подал голос Демон

– Сварог, – просто ответил он, словно бы давно это знал, а не только что дал ему такое имя странное, но что уж первое пришло на ум, то и сказал. Он хотел казаться для этих двоих как можно спокойнее и увереннее, надо же было пока, кому – то на себя взять всю полноту власти, он решил, что больше всего для этого подходит.

Бес в тот день был вдохновенен, он видел то, что больше никто и никогда не узрит – явление в мире первого Бога, потом появятся другие, но только это явление было неповторимым.

Первый бог не мог не быть никем иным, только Богом огня. Он мог спокойно передохнуть и уйти в тень – бес не собирался надолго оставаться здесь властелином. Половина дела была сотворена, а там все как сложится – это уже не так важно. Все тревоги о том, что огонь погаснет, оставались позади.

– И отступила тьма, – на разные лады, словно какую-то веселую песенку, то с тревогой, то с радостью, то с гордостью повторял он.

Впрочем, волноваться, тревожиться пока было ему не о чем.

– У нас есть бог огня, – сообщил он бесу.

– Не задавай лишний вопросов и не занудствуй, а то опалит, и спрашивать не будет, – припугнул он, хотя понимал, что Богу не слышно нытье Демона, а если кого-то он и оберегал от него, то именно себя. Но пусть знает, что вести себя стоит поприличнее.

Но, кажется, Демон и без его предупреждений понял, хотя соображал не так быстро, как бес, что теперь ему не так вольготно будет. Когда возникала какая-то опасность, думать он начинал значительно быстрее.

Словно хорошо поработавший художник, совершивший чудо и сотворивший шедевр, смотрел Бес на Бога, делавше-

го в этом мире первые шаги. И своим творением он остался доволен. Величественный – раза в два больше самого беса, и на полголовы выше Демона, стоял перед ними Сварг – бог огня. И такой яркий свет от него исходил, что постепенно стало хорошо видно все, что их окружало: очертания дальних лесов появились перед глазами, и долина бескрайняя за их спинами была, и озеро блестящее оказалось рядом. И смогли они, наконец, увидеть, как устроен этот мир.

Демон от яркого света и от зависти стал щуриться, и напряженно размышлял он, каким дураком был недавно, когда беспечно открестился от творчества. Это явный просчет с его стороны. Он был уверен теперь, что тоже должен что-то сделать, внести свою лепту в творение. И он пролил воду около огненного столба, там, где какие-то камни перед Сваргом валялись.

Эти камни быстро стали черными головешками, но вода-то у него была волшебная, и потому рядом с Богом в тот же миг возникла женщина (о чем еще Демон в отличие от беса мог помышлять), только была она вовсе не так красива и у нее оказалась не одна, а три головы.

Даже на первый взгляд была она скорее чудовищна, чем прекрасна. Но что сделано, то сделано. Демон сокрушался, но довольный своим творением, Бес его утешал добродушно:

– Ничего страшного, богиня должна чем-то отличаться от смертного, пусть такая и останется, что сделано, то сделано. Теперь у нас еще есть и Триглава, – спокойно говорил

он, а потом уж и более обычные боги и богиня появятся. Мы сделали свое дело, а там они сами как-нибудь разберутся, не все же нам стараться.

В такие удачные мгновения он умел быть великодушным.

«Пусть остается, – мысленно передразнил его Демон, – попробовал бы он ее поймать, а если и поймаешь, кто знает, как переделать ее, и не получится ли еще хуже. Нет, не стоит, и начинать, пусть такой уродкой, и остается, с женщинами вообще шутки плохи. С их куриными мозгами может только три головы и необходимы, чтобы хоть немного они соображали».

Богиня не обращала на них никакого внимания, а сразу же присоединилась к Сварогу. И все они отправились к пещере, находившейся между небом и землей. В те стародавние времена хоромы их небесные и города воздушные еще и в помине не были. И первые боги обитали на земле, правда, в горах и пещерах предпочитали оставаться.

NoNoNoNo

Убедившись, что первые боги устроились неплохо, бес потащил Демона прочь. У них было еще немало дел, пока те оглядывались вокруг, и осваивались

– Куда ты меня тащишь? – возмутился тот, как только они покинули пределы теплой пещеры.

– Мы должны поискать людей и сообщить им о том, что тьма отступила, и свет появился, – как о чем-то обычном, говорил он, так спокойно, словно все время только этим и за-

нимался.

Сколько задору было в его голосе. Но Демон представлял себе, чем все это может закончиться, и особенного вдохновения не испытывал.

– Это слишком хлопотно и неизвестно чем закончится, – ворчал, как обычно он.

– Ну и что же, сделали половину и бросить надо все? – искренне удивился он, – и что, по-твоему, будут значить наши боги без людей? Ничего, напрасный труд.

Демон больше не проронил ни звука, он успел убедиться в том, что спорить с ним – себе дороже и будет только хуже. Но как ему удастся быть таким беспечным и веселым, когда ничего путного в мире не происходит. Силы его были на исходе, и еще неизвестно в каком месте, на краю света, они отыщут людей. Но раз столкнула их судьба, значит, и терпеть его выходки придется еще долго, расписываться в своей беспомощности ему не хотелось.

Глава 3. Поиски людей

Хотя свет на земле и появился, но он не успел еще разойтись по многим местам, половина мира еще оставалась во тьме. И блуждать странникам пришлось довольно долго. Бес устал, но невзгоды переносил мужественно, а вот Демон просто извелся и не собирался скрывать свои чувства. Он так притомился и так проклинал этот мир и всех, кто там был, что земля ходуном ходила под ногами его из-за гнева, который он источал. И успокоиться он не мог до тех пор, пока Бес не предупредил его, что она и вовсе расколоться может, и тогда он провалится в недра ее, а там вряд ли ему легче и проще будет. Только тогда он неожиданно притих, перестал вопить, как резанный, и лишь слегка еще постанывал.

Бес вскоре понял, что на двадцать четыре часа, только он решил для суток отвести, света все равно не хватит. И стоило разделить их на две равные половинки. И Богу огня на колеснице его стоило и передохнуть определенный срок, а то надолго его не хватит, да и хорошего должно быть не слишком много.

Так они смогли установить первые законы, и оставался творец рогатый доволен тем, что уже сделано было. Люди во тьме нашлись не сразу, но все-таки отыскались со временем. Некогда было особо выяснять, кто они такие и от какого стада отбились, какое это имело значение? А были это три

небольшие семьи, которые держались друг с другом по соседству. Такими несчастными да хилыми они показались, когда свет неяркий на них упал, что бес мог бы разрыдаться, на них глядя, если бы хоть капля жалости была в его душе. Только ему одному да собратьям его могла нравиться жизнь в глуши среди болот, а эти создания все время хотели чего-то большего.

Он не стал выражать им своего сочувствия, а просто предложил отправиться вместе с ними. И они пошли, хотя ничего он им не обещал. И в сравнении с ноющим демоном вели они себя довольно сносно. Пристыженный, и он немного успокоился и только спросил:

– Чем же те места, куда ты направился лучше этих?

– Там светлее и уютнее, и теплее, и вам всем придется поверить мне на слово, – уклончиво ответил тот, – пусть люди все это узрят и оценят со временем, и мне еще спасибо скажут.

Путь на самом деле оказался немного длиннее, чем все они надеялись в самом начале, но непроходимые леса со временем закончились, может быть, потому что они их все уже и прошли. И они, наконец, и сами смогли увидеть свет, о котором столько было сказано. Счастье охватило в тот же миг усталые души их, и были забыты все тяготы и несчастья недавние. Они рванулись из последних сил к этому свету.

Не только свободная земля, освещенная Сварогом, оказалась перед ними, они узрели и мощную реку. А люди успели

понять, как трудно без воды в этом мире обходиться.

Работа у них спорилась, как только они стали устраиваться на новом месте. Среди них оказались и настоящие умельцы. Первые жилища свои они строили с упоением, ловили животных и птицы, которых оказалось здесь огромное количество. И все налаживалось и обустраивалось.

И тут только понял бес, что Свет, исходивший от Сварога, был холодным. Совсем другим должен быть огонь – он должен согревать, может даже сжигать дотла, ведь о таком он и думал, прежде всего. Он необходим был и для костров их, и для приготовления пищи. Об этом он и сказал Демону.

– А где ты этот горячий огонь возьмешь? – поинтересовался тот, и в душе его недобрые предчувствия тесниться стали.

Он понял, что тот затевает что-то еще, а так как он все еще при бесе оставался и не решился от него сбежать, то понял, что и ему в этом придется участвовать. И хотя он не особенно хорошо рассуждать мог, но понимал, что просто так палящего огня не найти. Для этого надо пройти немало верст, одолеть немало трудностей и неприятностей пережить. И, скорее всего теперь уже отказываться от всего поздновато было. Это и тревожило его больше всего. Поздно отказываться и прощаться. Так чаще всего с ним и случалось – везде он умудрялся опаздывать.

– Нам снова на Олимп отправиться придется, – заявил бес спокойно.

– А это еще зачем, – удивился Демон, понимая, что и на этот раз самые худшие его предположения сбываются.

– Снова головешки тащить, – понял он, а где уверенность, что мы возьмем именно те, которые дотянут и не потухнут раньше срока? А если схватим какой-нибудь холодный или мертвый огонь? Он хотел любыми путями избежать этого похода.

– Хорошо, – вдруг воскликнул бес, – я придумал кое что получше!

Можно представить, что этакое он придумал на этот раз. Но стоило все-таки поинтересоваться, во что он влипает на этот раз. И он заерзал на месте от нетерпения.

– Там есть бог – Люцифер. Он хранит до сих пор весь свет, – спокойно пояснил бес.

– Что ты от него хочешь? – поинтересовался Демон вкрадчиво.

– Я знаю, что он очень честолюбив и горд, но греки давно его держат на заднем плане. И так как он честолюбив, то ему все труднее переживать такое положение, – размышлял на ходу бес. И говорил он, скорее всего сам с собой в тот момент.

– Ты и его, как этих людей, хочешь притащить с Олимпа сюда? – осторожно поинтересовался он, понимая, что на самом деле все еще хуже, чем он мог подумать сначала.

Демон проявил редкую сообразительность.

– Вот именно, все так и будет, – подтвердил его опасения

Бес, – здесь он нужен больше и может оказаться самым главным.

– И ты уверен, что если эти несчастные пошли за тобой, то и он все бросит и отправится в эту глушь? Но что же такое ты ему пообещать сможешь?

При этих словах Демон скривил на физиономии своей такую гримасу, что любой бы отшатнулся в ужасе. Но беса это нимало не смутило.

– А почему бы ему ни отправиться с нами? Тут он станет одним из первых богов, если не самым первым, думаю, ему лучше быть здесь первым, чем последним там, – предположил он, уверенный, что и Люцифер считает точно так же. Сварог не рвется к верховной власти, его можно будет уговорить или обмануть рано или поздно. Если не согласится, мы каждому из них внушим, что он и есть первый из всех. Но нам, в этом мире нужен Люцифер, чтобы все сдвинулось с мертвой точки, – сделал вывод он.

Возразить на эту пламенную речь Демону было нечего. И так интересно было посмотреть на то, как он станет соблазнять этого гордого и строптивого Бога. Он не хотел оставаться здесь, с людьми, и согласился на это путешествие быстро.

Они предупредили обо всем Сварога, хотя ничего ему объяснять не стали – потом обо всем сам узнает, и поспешно отправились в путь. Бес уводил Демона, пока тот не одумался и не стал упираться – он терпеть не мог одиночества, особенно в дальнем пути.

Глава 4. На пути к Люциферу

По дороге на Олимп бес засуетился и занервничал немного. Он пытался понять, как боги отнесутся к тому, что он похитил огонь. История с Прометеем ему была прекрасно знакома. А ему хотелось и на этот раз выйти сухим из воды. И в глубине души он вовсе не был так уверен в том, что Люцифер поддастся на его уговоры и отправится вместе с ним в неведомые дали. Захочет ли он променять обжитой Олимп на неизвестность и неудобства, которые ожидают его на новых землях? Меньше всего ему хотелось опозориться перед Демоном. И оставалось ему только верить и надеяться на то, что ему удастся убедить или обмануть его. Но требовалось так много самообладания, чтобы даже вида не подавать о том, что его на самом деле тревожит. Но если с новым богом и не получится ничего, он все равно собирался выкрутиться, потому что ныть и обвинять весь мир в своих неудачах – это не его стиль.

Он не хотел заражаться от Демона неверием в собственные силы, и постепенно совсем успокоился. Решение следовало исполнять в точности, иначе грош тебе цена будет.

Какой-то странно длинной показалась на этот раз дорога туда, но вот уже заблестал Гелиос великолепный на небесах над Олимпом, и тот свет, который излучал их новый бог, показался тусклым и ничтожным, даже никакого сравнения

быть не могло.

– Ничего, у него все впереди. Он еще разгорится, – успокаивал себя бес, и не стал даже слушать злорадных речей Демона. У него дела и поважнее были.

На первый взгляд показалось, что тут ничего не переменялось, а жизнь текла своим чередом – боги пировали, ссорились и мирились. И опасался и волновался недавно он напрасно. Они не заметили кражу огня. Он не был Титаном Прометеем и мог творить то, что его душе вздумается. Никто даже внимание на его появление не обратил.

Демон заметил, что бес слишком долго крутился около Гелиоса и подумал, что именно его он и собирался уговорить, чтобы прихватить с собой в новый мир. Но он не мог знать истинных намерений своего друга, а потому терпеливо ждал развязки, прикидывая, что и как может оказаться на самом деле.

Он надеялся на то, что тот станет вести себя благоразумно. От молний Зевса они не смогут спастись даже при их шустрости. Убить они их, конечно, не убьют, но неприятностей доставят немало. И ему не хотелось нестись куда-то после долгого и утомительного пути.

Бесу на самом деле не нужен был Гелиос, он просто убедил себя в том, что с этим гордым и высокомерным типом вовсе не стоит связываться.

И можно себе представить, что переживал Люцифер, все время, оставаясь рядом с ним. Он же пока старался запутать

их всех и не показывать собственных намерений.

«Люци рядом с ним не станет даже вторым, не то, что первым, – шепнул он Демону, – и его в том следует убедить. Все его надежды напрасны.

Вроде бы в тот момент их никто не подслушивал. И когда Демон улегся отдохнуть в отведенных для гостей покоях, бес тихонько пробрался к Люци и стал с ним беседовать, постоянно задевая какие-то особенно болезненные места в его реальности.

– Что тебе надо? – спросил его Бог света, – или ты вернулся, чтобы участь Прометея разделить, но даже он прощен, и его вернули назад, с тобой же вовсе возиться они не станут, – просто и откровенно говорил он.

– Ничего я не хочу, – не моргнув глазом, соврал бес, – но мне не нравится та роль, которую отвели тебе тут боги. Кто ты для них? У тебя нет ни храмов, ни жертвенников. Они знают, что ты от них все равно никуда не денешься. Он ударил в самое болезненное место, и ждал, когда тот сможет достойно на это ему ответить.

– Может это и так, но ты можешь предложить мне что-то получше? – поинтересовался он

– Уже нашел, – с готовностью выпалил бес, – он не хотел тратить время на долгие разговоры и игры дурацкие.

– Ты отправишься со мной в мир, где я только что породил свет и первого Бога, и станешь там первым, там еще никого такого важного и значительного нет, а тот о ком я говорил

тебе, не собирается главенствовать, чаще всего он удаляется подальше и проводит время в уединении.

– Это пока у него соперников нет, – недоверчиво заметил Люци.

– Вовсе нет, почему, например Пану не нужно первенство. Он по-другому устроен, некоторые без власти над миром жить никак не могут, а для иных она непосильная обуза, – говорил он, все больше убеждаясь в том, что тот ему верит. Да и как можно было не верить, если это так и было на самом деле, если и лукавил Мефи, то только самую малость.

– Может я там и нужен, но видно это такое захолустье, куда и птицы, наверное, не летят, и гады не ползут.

– Просто это нехоженые места, но все меняется со временем. Скоро может быть и Олимп Колхидой станет, а Колхида – Олимпом. Кто может знать это и в чем можно быть уверенным? И как бы не были хороши эти места, какое тебе дело до них, – спрашивал вкрадчиво бес, и еще настойчивее позвал:

– Пошли с нами, сам все своими глазами увидишь, а если тебе не понравится – вернешься назад. Твое место тут вряд ли кто-то за это время займет. Оно так ничтожно, что почти совсем незаметно. И снова на этот раз бес попал в самую точку. Нечего на это было возражать Люци.

– Не стоит им ничего рассказывать. Если тебе захочется вернуться, пусть они считают, что ты отправился только

на короткий срок к кому-то в гости пошел. Люци и сам хотел так же поступить, как ему бес советовал, но от сказанного он немного насторожился, уж не скрывается ли там еще что-то. Но раздумывать некогда было. Пусть кто-то попытается его задержать. И Люци поспешно собрался в дорогу.

Глава 5. Обратный путь

Люци объявил на очередном пиру о том, что он отправляется погостить к царю Колхиды, чтобы утешить его после того, как у него было украдено Золотое руно, утрачена его дочь коварная, погиб сын единственный. И бес вроде бы увязался при этом за ним. Гелиосу эта затея не понравилась, но он считал ниже своего достоинства возражать тому, кого и в грош не считал.

Так они втроем, с молчаливого согласия Гелиоса и разрешения Зевса и отправились в Колхиду.

Но туда путешественники, как вскоре выяснилось, не добрались. И напрасно старый и несчастный царь Эт поджидал их удивленно, пытаясь понять, что могло еще этим у него понадобиться, когда, кажется, уже все украдено было и не на что особо рассчитывать им. Но возможно в царстве его опустевшем было еще то, о чем он и сам не ведал?

На всякий случай, как считал бес, можно было объявить о том, что они заблудились, и бес попутал их на этом пути, привел их вместо Колхиды на иные земли. Да там и оставил обживать.

По дороге бес решал сразу несколько проблем. Ему следовало сделать все для того, чтобы Люци задержался и не смел отправиться назад. О возвращении он говорил для приманки, а вовсе не за тем, чтобы это и на самом деле осуществи-

лось. Надо было постараться, чтобы он забыл о своем блестящем Олимпе. И он был уверен, что от имени много зависит. А если с этим именем бог ничего не добился, значит надо назвать его как-то иначе. Вот это-то и показалось ему самой трудной задачей. Он перебирал много имен, пока, наконец, не объявил и Демону и Люци, что коли он на новой земле станет богом огня и Гелиос умрет от зависти к новой его роли, то называться он должен Дажьбога – это было на славянский манер имя Гелиоса. Только этого даже он сам никогда узнать не сможет, сколько не будет стараться.

Люци отнесся к незнакомому слову спокойно. Он пока еще ничего для себя не решил, и новое имя было не плохо и не хорошо, к нему еще следовало привыкнуть. Но становилось все очевиднее, что хитрец опутывает его по рукам и ногам, и, наверное, так просто не выпустит из этой, благодарственной на первый взгляд, страны.

Сам же Мефи при этом размышлял

– Свет Сварога холоден и был вовсе не так ярок. Он хорош только для начала. А когда Дажьбог взойдет на небеса, они поймут, что такое настоящий свет и тепло. И даже если они будут этому противиться, им все равно придется признать его первенство. Они узнают, как можно жарить на огне мясо, как тепло и уютно в пещере. Если полыхает огонь.

– Они узнают, как легко он может спалить все на своем пути, – ехидно подсказал ему Демон.

А он даже не заметил, что все это время рассуждал вслух.

И тот молча слушал его пылкие речи, и от любопытства даже ворчать перестал.

– Пусть привыкают к осторожности. Но, узнав, что такое огонь, они не смогут от него отказаться, достоинств у него много больше это даже тебе, при твоей тупости понятно.

– Олимпийцы уже забыли о тебе, – говорил бес по мере того, как он приближался к неведомым землям. Это оказалось немного дальше Колхиды, а ведь она считалась самым краем света. Но это лишь доказывало, что свет проник еще дальше, и в новые времена край этот все время будет отдаляться. Там, где еще недавно была полная тьма, она постепенно отступала. И хотя в этих местах еще не было яркого света, но и тьмою кромешной их уже невозможно было называть.

– Олимпийцы зажрались, а эти люди будут тебе благодарны до конца своих дней, они станут строить храмы для тебя и приносить свои жертвы, и праздники для тебя непременно будут самые прекрасные.

Мефи был щедр на обещания, но во многом они должны были оправдаться. И с каждым новым словом он все больше и больше давил на самолюбие Люци. Со временем тот уже не смог бы и сам от всего этого отказаться.

– Но сначала мне придется пахать, как проклятому, чтобы все это как-то сдвинулось с места, – все-таки стал возражать он.

– Только до того времени, пока у тебя не родится сын.

Тогда ты сможешь перевести дыхание, если такое желание появится. И здесь все зависит только от тебя самого. И ты получишь для этого лучшую из богинь, – вкрадчиво произнес бес.

О, как это было заманчиво. И все-таки, Люци считал, слушая сладостные речи, что все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Он понимал, насколько там был далек, одинок и несчастен, и так скверно с ним на Олимпе обращались, как ни с одним из богов не бывало. Но нужно было все забыть и забросить, чтобы здесь не тяготил этот непосильный груз. И бес чувствовал, что он переборщил уже с негативом, надо было вселить уверенность в душу его, чтобы он ощущал себя властелином. Он должен был, просто обязан стать сильным и могущественным Богом, по крайней мере до того момента, пока люди не найдут себе другого.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Тьмы тут не было, это так, – отметил Люци, оглядываясь вокруг, но и света тоже – так серый полумрак. То, что бес называл миром, сверху казалось только небольшим поселением, в котором копошилась дюжина людей. Люци немного преуменьшил их число. И так бедно и убого они выглядели, что он впервые понял, почему из-за таких же несчастных Прометей пошел на муки. Смотреть на них было не просто больно, душа слезами обливалась. Бес понял, что во всем этом добился главного – он останется и постарается что-то доброе совершить для них.

В тот миг и вспыхнуло солнце, да такое яркое, что свет его залил все вокруг. В то же мгновение они забыли о полумраке, который царил в Свароге. И тот, увидев, что произошло, понял, что наступили новые времена, и ему не сравниться с незнакомцем. А когда в пещерах и на полянах вспыхнул огонь, горячий, да жаркий, они согрелись впервые и разморились даже, то так окончательно и победил Люцифер, которого на новый лад стали называть Дажьбогом.

И в тот момент они склонились перед ним в едином порыве и навсегда готовы были связать с ним свою судьбу.

Глава 6. На новом месте

он появился, то закатили славяне такой праздник, какого никогда прежде не бывало тут и быть не могло. Перед ними пришлось появиться и Сварогу, и Триглаве. Но если Сварога не волновало происходящее, и он даже порадовался тому, что теперь не один у них остался, а такой яркий и сильный солнечный бог появился, то Триглава, не скрывала своей ярости. Она чувствовала, что в первую минуту своего появления не только в прямом, но и во всех иных смыслах затмил Даждьбог своего предшественника. Вряд ли кто-то противился бы тому, что это он – первый Бог в их мире.

Когда

– Ничего, – говорила она Сварогу, – придет кто-то еще, кого они важнее для себя посчитают, и этому типу недолго радоваться придется.

– Не стоит злорадствовать, – оборвал ее тот, – как мы можем мешать ему улучшить свою жизнь. Я дал им то, что мог, он смог дать больше. Значит все справедливо.

– Какой прок нам от этой справедливости, – явился неизвестно откуда, и решил все к рукам прибрать, – возмущалась она.

И как не успокаивал ее Сварог, она никак не могла утихнуть. Но от нее почти ничего больше не зависело, и, видя, что он бороться с ней не собирается, Тригалава стала о дру-

гом подумывать, нравится ли она ему или нет, (она думала о новом боге, конечно). Ему нужны сыновья. Значит, он все равно придет к ней.

Без богини здесь обойтись не могли. Может быть, во многом они от людей отличаются и подняться значительно выше смогли, только то, что касается продолжения рода своего – все здесь остается неизменным, и так будет всегда, – подумала она и порадовалась своему открытию.

Поразмыслив еще немного, решила Триглава пока ничего не предпринимать, ведь рано или поздно он сам все поймет и попросит ее об этом. А так как в запасе у них вечность, то можно и подождать немного. Выбор у него невелик, и он сам все поймет, не стоит к нему приставать.

Еще на первом празднике сообщили Дажьбогу, что на рассвете они заложат жертвенник для него. Но он на это не обращал внимания. Они были в его власти, и со временем он, если будет вести себя разумно, заставит их делать все, что от них потребуется.

При ярком, почти ослепительном свете, мир показался почти прекрасным. Они поняли, что сюда теперь потянутся и другие люди. Скоро на этих местах так много народу будет, что боги захотят наслать глад и мор, чтобы их немного поменьше стало. Тогда и останутся самые сильные и выносливые.

Бес радовался больше других. Он не просто предвидел и угадал, как все должно складываться, но он все это и сотво-

что и он этому миру был необходим. Смерть ему не грозила, а вот о смерти других он должен был со временем позаботиться сам. И земля без подземного мира обходиться не сможет, как только обитателей на ней больше станет.

Глядя на детей своих, размышляла Триглава о грядущем, старалась представить, как меняться этот мир станет, но очень трудно тогда ей это было сделать. А дети младенцами быть перестали уже через несколько дней – долго с ними возиться ей не пришлось. И на глазах стали они расти, и матереть.

«В мир придет зло вместе с сыном моим, – с грустью думала она, а Сварог о том же самом говорил бесу, как только тот навестил Старика.

– Но без него мир и не сможет продержаться долго, – возражал ему тот. Жизнь всегда будет разная, только зло да смерть может что-то изменить в этом мире, никому и никогда не обойтись без него. Надо только внимательно следить за тем, чтобы зла не становилось много и не сокрушало оно все на пути своем, а это уж мы и должны делать. А в небольшом количестве оно даже полезно бывает, – тут же прибавил он, и радовался тому, что так мудр и все понимает лучше, чем даже этот первый и мудрейший из богов.

«Только кажется, что боги всемогущи, – размышлял между тем бес, а если бы он не украл огонь, разве появились бы они и смогли обрести этот мир и править в нем? Вот и Сварог метался бы в кромешной тьме еще века. Пока не нашел-

ся бы еще такой же бес, и не помог ему обрести то, что он теперь свои миром с гордостью называет, а может, и совсем не отыскал бы он пристанища, это еще как сказать. И был бы мир тогда во тьме кромешной, копошилось бы где-то и что-то неразличимое – и только.

NoNoNoNo

Триглава большую часть времени проводила вместе со своими детьми. Она чутко замечала, как добр и великодушен первый ее сын, а второй так и не научился улыбаться, хотя не может быть, чтобы его совсем ничего не радовало. Но все ему плохо было. Он яростно бросался в драку и старался пнуть его побольнее, словно в этом была какая-то невероятная радость для него.

И напрасно она думала о том, что сможет переделать его и как-то характер его скверный изменить. Это никому не под силу было. Он всегда успевал увернуться от ответного удара, оправдаться за дурной свой поступок, и получалось так, что виноват весь мир, только не он сам.

Со временем Триглава так устала бороться с ним, что сама ждала момента, когда же решат боги, что ему можно во владения его отправляться. Ни на что другое у нее времени больше не оставалось. А так как Дажьбог все еще не обращал на нее никакого внимания, то она стала бояться, что может появиться какая-нибудь залетная Медея – черная волшебница, и уведет его. А вдруг она уже появилась, и он скрывает ее где-то в пещере?

Но толком ничего выяснить она пока не смогла, хотя и успокоиться тоже не смела – как тяжело было все, что происходило с нею в те дни.

И наступил тот миг, когда Дажьбог, столкнувшись с Чернобогом, спросил у него, отчего он так сердит на весь мир. Хотя никто не стремится его обидеть.

– Я только второй, – услышал он в ответ, – ему все можно, а за мной повсюду следят с подозрением и шагу ступить не дают. Они сами заставляют вредить им и делать как можно хуже. Тебе хорошо, ты первый, и твой отец признавал это.

– Да, признавал, – задумчиво произнес Дажьбог. Но он ничего не стал рассказывать обиженному парню о том, как много обид в его душе скопилось, как знакомо было ему все, о чем говорил тот. Ему удалось вовремя сбежать оттуда, где когда-то он был, признал первым, а потом забыт и всеми заброшен. В этом так мало хорошего.

«И он сбежит сам под землю, – про себя подумал Дажьбог, потому что с такими устремлениями долго не выдержишься здесь, в заднем ряду. И еще горше становилось на душе у него от таких мыслей. Но такова жизнь и с этим ничего не поделаешь.

Глава 7. Думы Чернобога

Расспросы Чернобога не могли не задеть его за живое. В последнее время он только и думал о том, как ему что-то исправить и что-то в этом мире переделать. Он должен перестать быть вторым, и смог сам править этим миром, ведь он и сильнее и умнее братца своего, если бы они не мешали ему и не стояли у него на пути.

Он никого и ни о чем не собирался больше просить. Пусть они лучше уйдут, куда их глаза глядят, а ему нет до них никакого дела.

И тогда он стал подолгу разглядывать разные моря и земли, чтобы отыскать себе укромное место в этом мире, куда не смогла бы дотянуться Триглава, и отец его не мог бы за что-то его упрекать.

Он не хотел, чтобы там появлялся Дажьбог и мучил его своими вопросами и подозрениями. Пусть на краю света появляются только души, самих людей с их болезнями и нытьем он терпеть не мог. Мертвые же появятся и полностью ему подчинятся. Прощаясь с богами, он не собирался расставаться с людьми. Это не будет иметь значения, если ему не с кем прощаться будет. У него должны быть свои люди или хотя бы их подобия. Тогда все наладится и встанет на свои места.

В один из таких вечеров и подсел к нему бес, и не нуж-

но ему было больше ничего объяснять – тот хорошо знал, о чем думает Чернобог. Он решил, что неприметно должен ему присоветовать такое место. Он указал на самую дальнюю пещеру в непроходимом лесу.

– Это как раз то место, которое ты ищешь, глухое и дальнее, не один из богов не захочет туда отправиться, а Дажьбог только на мгновение там появится, чтобы поскорее уйти прочь, даже ради издевательства он не станет там задерживаться.

– Но люди, – тяжело вздохнул он, – как же с ними быть?

– А что, люди, они, конечно, не пойдут туда сами, но ведь тебе не люди, а их души нужны. А для душ не имеет значение, какой там темный и непроходимый лес, им все равно. Они доберутся туда непременно, – заверил он в тот самый миг

Может быть, впервые за все время Чернобог ему поверил, да и почему бы противиться, если тебе предлагают то, о чем ты давно мечтал. Так бес навел в своем мире порядок, и казалось ему, что все стало теперь на свои места. Он ничего не просил взамен, по крайней мере, пока. А потом видно будет. И сам он не лыком шит, чтобы отдаться бесу. И не стоит об этом особенно переживать.

Даждьбог краем глаза взглянул на происходящее и заметил, что бес о чем-то серьезном говорит с Чернобогом, но не собирался подслушивать то, что было в тот миг сказано. Хотят они того или нет, но рано или поздно ему станет

обо всем известно. Их слишком мало для того, чтобы можно было что-то утаить. А пока он таинственно проплыл мимо и скрылся в своей пещере, которая была похожа на таинственный и очень приличный замок.

– Там ты будешь первым, и тебе будет меньше хлопот с душами, ты сможешь миловать и назначать самые суровые наказания, а они не смогут даже пикнуть, находясь в твоей власти, и никто ни в чем не станет тебя попрекать. И чем больше он говорил, тем больше это нравилось ему.

В отличие от Дажьбога, Демон не мог не подслушать, да еще такой интересный разговор. Он сразу же подступился к бесу.

– Зачем ты его туда спроваживаешь? – спрашивал он сердито.

При этом он прикидывал, хорошо это или плохо, может, ему стоило опередить Чернобога и занять то место?

– Не стоит, – отвечал ему бес, – это не для тебя, сидеть во тьме и общаться с мертвецами, это при твоей любви к полетам и жажде одиночества будет губительно. Там терпение нужно и постоянный труд, а на тебе где сядешь, там и слезешь, и никакого проку, ты всех богов распугаешь и замучаешь, что останется делать тогда всем нам?

– Ну и пусть, – вдруг усмехнулся тот, – только ему-то это тоже не подходит, – вдруг выпалил он обиженно.

Он для этого и создан, хотя о том и понятия никакого не имеет. Но настанет день, когда тайное станет явным.

И такая вера в голосе его прозвучала, что никто бы в правоте его не усомнился.

Но первым исчез из пещеры не Чернобог, как было задумано, а брат его, и вскоре все узнали, что его часто видели на земле. И он со многими людьми подружиться успел, и многому их за это время научил.

– Прометей выискался, – усмехнулся Дажьбог, когда перед ним предстал бес, – хорошо, что на него Зевса не нашлось, а Сварогу до всего этого и дела нет никакого.

– И хорошо, что нет, наш мир должен чем-то от него отличаться, по крайней мере, у него нет такого безрадостного, даже кровавого прошлого, может, и грядущее не будет таким безнадежным.

За все это время Триглава так и не успела сблизиться с Дажьбогом, потому что опять была беременна, и на этот раз по всем приметам у нее должна была родиться девочки-богини, ведь без женского начала в мужском мире становилось совсем тошно. Она не хотела, да и не могла все делать теперь сама, да еще для тех, кто позднее появился и должен был почитать ее хозяйкой небесной, а не работницей яростной. И она приложила все заклятия для того, чтобы появились создания, на нее похожие, только голов им каждому и одной хватит, не надо было так много, – думала она в те тревожные дни. Они не должны быть слишком умными.

Глава 8. Сестры-богини

К тому времени на небесах уже возвели первые замки, и Сварог переехал в один из них вместе с женой своей и сыновьями. А во второй, на другой стороне этого мира перебрался в одиночестве Дажьбог. И сначала остальным казалось, что там пустынно и неуютно, но они понимали, что на земле, среди людей оставаться больше не могут, если они и на самом деле считали себя Богами. Они должны были свой Олимп построить и занять там лучшие места. Воздушные замки оказались высокими, очень удобными и прекрасными. Именно там, а не в угрюмой полутемной пещере родились у Триглавы две девочки. Сначала на свет появилась прекрасная, светлая и вечно юная Жива, именно ей предстояло хранить жизнь людей и вдыхать ее в появившихся в этом мире младенцев, пытаться спасти и сохранить тех, кто попал в беду. Все сразу поняли, как нужна людям эта добрая и светлая богиня, как мучительно долго они ждали ее и без нее страдали. Немного позднее появилась темная и мрачная Марена. Все было похоже на прошлый раз, когда на свет появились их братья.

Девочка пронзительно закричала, как бы возмущаясь тому, что участь ей досталась не самая лучшая. И бес, всему этому бывший свидетелем, даже посочувствовал ей. Ведь Марене суждено было отнимать жизнь у людей и носиться

с их грешными душами, общаться с Чернобогом и свитой его. Ничего счастливого и радостного не могла она видеть в этом мире. И он вдруг припомнил странную вещь – до сих пор на этих землях еще никто не умирал, а если и приносились какие-то жертвы богам, то убивали исключительно животных. Людей пока еще было так мало, что не нужно было убирать старых и немощных, срок жизни их был долгим, и они как-то еще коптили небеса, сколько лет им не было.

Но ясно было и другое, скоро ее услуги непременно понадобятся, и тогда, помня о своем горьком опыте с Чернобогом, Триглава только на вторую свою дочь и обращала особенное внимание, для нее казалась она теперь светом в окне, будто испытывая вину невероятную перед этой девочкой. Все, что могла, она хотела отдать ей, а Жива все время оставалась в стороне. Никак она не могла понять пренебрежение, а то и просто равнодушие своей матери, как не старалась.

– То, что могу я дать, тщетно и не имеет для нее никакого значения, – с грустью твердила она, – она не сможет оценить жизнь, потому что никогда не узнает смерти, – говорила она с горечью, и самой себе казалась такой несчастной и далекой от реальности. Вот смерть и любопытна ей, она тешится и возится с нею.

Несмотря на свой юный возраст, девочка была поразительно мудра, но никак не могла она примириться с несправедливостью. Если жизнь так таинственна и прекрасна, если она так коротка, то почему Богиня пренебрегает ею, поче-

му смерть имеет такое значение. Не могла она понять этого, а Марена вовсе не радовалась такому вниманию. Оно тяготило ее и казалось настоящим кошмаром.

Потому однажды она и увязалась за Белбогом, и отправилась с ним на землю, решив, что там ей вольно и спокойно будет. С самого начала она любила власть и не терпела, чтобы кто-то над ней власть свою обрел. Она хотела в полной мере себя проявить. Белбог не мог ей ни в чем отказать, и даже не обратил внимания на то, что это могло быть опасно для его близких, о которых он так нежно заботился. Скоро он был наказан за свое легкомыслие.

Юноша, прогуливавшийся по лесной полянке, увидел веселившуюся прекрасную Морену. Он с первого взгляда страстно в нее влюбился и пошел за ней, не оглядываясь. Она спокойно вела его в чащу, но он не заметил этого и ничего не видел вокруг. Не заметил он и дикого кабана, который к нему приближался стремительно. А юноша не мог оторвать глаз от нее, и когда зверюга со всего размаха врезался в него, он вздрогнул, но все еще не понял, в чем там было дело. Сначала ему не было даже больно. Боль охватила его потом. И только когда Белбог запоздало к нему бросился, и что-то стал кричать, он бессильно рухнул на землю и испустил дух. А маленькая сестренка его стояла и улыбалась беззаботно, глядя на происходящее. Она ничего не понимала.

– Что же ты делаешь, как ты могла, ведь он был так молод, у него все было впереди, – в ужасе закричал он, понимая,

что произошло.

– А разве мне нельзя было взглянуть на то, как умирают люди? – удивленно спросила она, – ведь не ты, никто другой не смог бы мне этого показать. Надо научить их разжигать погребальный костер и приносить жертвы, спокойно, по-деловому размышляла Марена.

– Ты хочешь ради любопытства и жертв убивать людей? – не скрывал Белбог своего ужаса. И убедившись в том, что она не собирается раскаиваться.

– Конечно, они должны как-то хоронить их, разве будет лучше, если звери станут их сжирать? – не унималась богиня смерти.

И было видно, что она не имеет никакого понятия о жалости.

NoNoNoNo

В те давние времена люди забыли о смертях и опасностях. Им стало казаться, что смерть исчезла, обошла стороной их края и никогда больше не вернется к ним, даже немощные древние старики напрасно ее ждали теперь. Но когда увидели они бездыханное тело, то смутно стали припоминать, что это такое было, страх и гнев охватил души многие. И стали они роптать, сначала тихо, а потом все громче, на творца своего. Почему они должны покидать этот мир, в котором только – только им теплее и уютнее стало. Но девица, все это затеявшая, не обращала на них никакого внимания. Она делала свое дело. А на все их сетования рассмеялась только

Мара:

– Вы что, как боги, решили быть бессмертными? Кто это вам такую чушь пообещать мог? Просто меня тогда еще не было в мире, и некому было тут порядка наводить, вот и задержались вы дольше обычного, но рано или поздно каждый получает свое, и не о чем тут говорить даже. Я пришла, и каждый из вас теперь получит свое, то, что ему судьба отпустила. Раньше я вас забирать не стану, но и позднее срока своего вы тут не сможете задержаться. А если я исчезну, то вы скоро сами меня разыскивать станете, потому лучше идите в лес и готовьте дрова для поминального костра, мертвое тело необходимо огню предать, чтобы следа от него у вас не оставалось.

И так твердо и непреклонно она с ними говорили, что ропот их смолк, и не могли они больше ее послушаться.

Белбог растерялся еще больше, чем когда встретил ее в чаще перед мертвым парнем. Он убедился в том, что она спокойно может повелевать ими. Он знал, что никогда не смог бы так распоряжаться, хотя столько времени среди них провел и столько для них сделать успел.

Что-то было в девице этой необычное и зловещее. А Марене так понравилось властвовать, она знала, что в мире этом ее ждет что-то необычное, но не думала, что произойдет это так быстро и так легко окажется. Она вкусила власти, для Богини смерти это показалось самым дорогим удовольствием.

NoNoNoNoNo

По дыму костра и Дажьбог и Сварг поняли, что она уже начала действовать и могли бы возмутиться, но промолчали. Она только исполняла то, что ей было в этом мире предназначено. Может, спешила немного, но не растерялась, и все у нее получалось, как видно, удачно.

И тогда загрустила Жива, о ней пока никто не вспоминал и не думал. Она совсем не хотела, чтобы ее боялись. Но ничего не поделаешь с тем, что теперь творила ее сестрица. Она подозревала, что если скромность и украшает кого-то, то во все не богиню. И бес ей о том самом напомнил, как только появился в Свароге просто так поболтать о последних происшествиях.

Когда Марена вернулась в Сварог, пропахшая дымом и довольная собой, с тревогой взглянула на дочь свою Триглава. Она понимала, что с этого дня на земле все будет совсем по-другому, и пыталась угадать, что такое там еще может и должно происходить.

Глава 9. А тем временем на земле

мечтала о появлении своих детей, то она была уверена в том, что они станут помощниками и избавят от забот и хлопот, которых пока становилась все больше и больше. Она подзревала, что они принесут им и новые хлопоты, потому что никогда еще не бывало, чтобы молодые боги были слишком смиренными и послушными. Но чтобы все так переменялось с их появлением, о том она и думать не могла. Только теперь поздно было что-то менять. **Когда Триглава**

В день, когда Марена впервые показала свою неотражимую силу, Триглава узнала и еще об одном происшествии. Куда-то бесследно исчез Чернобог. Наверное, никто бы не подумал о том, что и он занялся каким-то добрым делом. Только через несколько дней до Сварога дошли слухи о том, что он оказался в пещере в непроходимом лесу, где еще и не ступала и долго не ступит нога человека. И определил для себя, что именно здесь и должны быть души умерших людей. Он будет решать их судьбы, карать и миловать тех, кто уже прошел свой путь на земле.

– Но чего ему тут не хватало? – удивился немного обиженный Сварог

– А что ему тут было делать? Только слонялся по бесконечности и ныл, и то ему не так, и это не этак, а там все, как надо оказалось и говорить не о чем больше. И будет он при

деле немаловажном. Люди не должны страх потерять – это слишком важно для того, чтобы они знали свое место и богов своих почитали. Да и за душами, а их все больше и больше становиться будет, нужен глаз да глаз, разве можно их просто так бросить?

И Сварогу понятно было, что души славян без своего бога не должны оставаться. Но все-таки он понимал, что не сможет следить за своим злым и таким непредсказуемым сыном.

– Вряд ли он особенно заботиться о них станет, – высказал свое сомнение бес, – подвернувшийся им в том разговоре.

Он успел уже заглянуть в пещеру Чернобога и оценить все, что там теперь происходило, Но им и не нужна особая забота. Смерть им не грозит больше, боли они никакой не испытывают, Чернобог для них в самый раз и будет. И ему надо кем-то командовать и о ком-то слегка заботиться.

Сварог не признавался даже себе самому, что ему очень скучно без мрачноватого сына его, но от беса укрыть ничего нельзя было. Правда, ни тот, ни другой ничего друг другу так и не сказали.

Все постепенно преображалось в этом мире, приобретало очертания, которые со временем будут казаться привычными.

Долго грустили о Чернобоге в Свароге, но поняли, что здесь всегда так будет – одни появляются на какой-то срок, другие – исчезают. Думать им приходилось, прежде всего, о земле, которую и следовало как-то обустраивать.

Сварог, оставшись в одиночестве, думал, что же ему делать и что еще предпринять можно, для своего мира полезного сделать. Им уже не удалось избежать ошибок других Богов и миров – здесь было порождено зло и солнечными богами.

«Видно, по-другому и не бывает, если больше одного Бога в мире появляется, они начнут ссориться рано или поздно и делить что-то станут. И чувствовал Сварог, что печалиться не о чем, в главном он остается прав. И если породили они каких-то богов, то поздно думать о том, что лучше всего ему в одиночестве оставаться.

Самое разумное – смириться с таким положением, хотя сделать это было и не так просто, трудно даже сказать, что еще пережить и испытать им всем придется.

– Не переживай, – довольно нагло ворвался в его размышления бес, оказывается, он снова был где-то поблизости, – самое главное, чтобы зла в твоём мире не стало слишком много.

Сварог не стал возмущаться или обижаться из-за наглости его, он успел к ней за это время привыкнуть вполне. Он помнил прекрасно, кому был обязан своим появлением в этом мире, хотя можно было уже и позабыть о том, или хотя бы сделать вид.

– Твоя роль в том и состоит, чтобы следить за добром и умножать его, смотреть, чтобы свет не погас, и мир не погряз во тьме, ты помнишь, как это было когда-то. И с этими

словами, не прощаясь, он ушел прочь.

Сварог позвал к себе Дажьбога.

– Так получилось, что вы с Чернобогом разделились, на Белбога полагаться я не могу, он к людям приблизился на опасное расстояние. С тобой пока этого не случилось, надеюсь, никогда не будет такого. Мы должны сохранять свет, тьма сама о себе позаботиться, она только и ждет своего часа, чтобы поглотить его. Тогда мы потеряем наш мир. А это будет катастрофой.

– Но мне вроде бы ничего не угрожает, – поджал плечами Дажьбог.

– Это тебе только кажется. А на самом деле они объединились и попытаются похитить тебя и спрятать от всех нас. Мой свет – это тоже не тьма. Но всем видно, насколько он незначителен и слаб. Ни в какое сравнение он с твоим не идет. Ты не можешь оставаться так беспечен, зная, как много от тебя зависит.

Ничего на это не ответил Дажьбог, хотя ему хотелось спросить, почему так волнуется Сварог. Сам он не привык особенно за людей переживать, а если кто-то и должен переживать – те, кто пользуется всеми благами. Но он не стал злиться или расстраивать старика. Потому он и молчал – спокойный и бесстрастный, при том жаре, который от него исходил, особенно странно это было заметить. Незаметно Триглава появилась во владениях мужа своего и пристально взглянула на этих двоих. Она думала о том, что все ее дети –

темные и светлые – все-таки странно не похожи на пришельца из другого мира. Он словно бы отстранился от всего происходящего, ничего не волнует его, и дети тоже, он должен был полахать над ними, но он оставался холоден, как лед, и не интересовался их дальнейшей жизнью.

– О чем ты так беспокоишься? – спросила Триглава, когда Дажьбог покинул владения

– Меня тревожит Марена, – задумчиво заговорил Сварог, какая – то она странная в последнее время.

– Ее пожалуйть надо, – оборвала его Богиня, на ее долю так много всего выпадает, вряд ли она сможет со всем справиться.

– И Чернобог даже не сказал мне о том, что он должен сделать и не спросил позволения.

– Он делает то, что должен, разве бы ты сам отправился бы туда вместо него? – перебила его капризно жена.

И он понял, что не стоит вести с ней такой разговор. Но правильно ли поступает старейший из богов, если на тревожные вещи закрывает глаза.

Триглава в тот миг думала о своем. Она решила для себя, что ей больше не стоит рожать детей. У нее есть две дочери, и настал их черед заняться этим хлопотным и таким неблагодарным делом. Сама же она думала о новом возлюбленном, а может и муже. Старик способен только сетовать на мир и прятаться от всего, что здесь происходит, а ей так хотелось жить, веселиться и не думать о каких-то заботах

и хлопотах. Скучавшей богине снились такие страстные сны, что дух захватывало, и весь мир в ее снах был то ярко пылающим, то ровно и пламенно горящим. Но, скорее всего, это ее душа сгорела, в ожидании грядущих потрясений.

Глава 10. Триглава на земле

Узнав, что Белбог не просто пристроился на земле среди людей, Триглава решила, что не станет больше скучать и тоже совершит это странное путешествие, чтобы немного развлечься.

Ему повезло больше, его они признали за своего. Триглава не обольщалась – она всегда остается для них чужой. Но и это не так плохо, они сразу увидят, что она богиня и несли не уважать, то бояться будут точно.

Она ступила на твердую почву, от которой за последнее время порядком отвыкла и стала ходить от одного поселка к другому, по дороге заглядывая на капища и в разные увеселительные места, старалась оценить все, что видела и слышала там. Сначала ее сердило то, что о ней на земле успели позабыть, а многие и не знали вовсе. Они восторженно и радостно говорили о Живее, со страхом и обидами – о Марене, ей же хотелось услышать хоть что-то о себе самой.

«Я должна лаской или силой подчинить их – думала богиня, пусть мои дочери делают все, что и прежде, но они должны знать обо мне, справедливости ради. Так же равнодушны оказались к ней и жрицы в храмах, это особенно больно ее задевало. Она была такой странной, ни на кого не похожей, они не знали, как к ней относиться, чего от нее можно ждать, а потому не скрывали то ужаса, то ярости, а то и вовсе ка-

кой-то странной боли.

«Я первая появилась в этом мире, – думала она, я его завоевала, и надо было так опростоволоситься, рожая им богов и богинь, что меня опередили все, и оставили где-то за чертой. Она не могла тогда знать, что такова участь всех стариков. Всех, кто был первыми.

Не зная, что предпринять, в одном из капищ она погасила огонь, когда жрец торжественного его зажег, а в другом поразила в самое сердце прекрасного юношу, и все бывшие там затрепетали перед ней от ужаса. Всем стало ясно, что шутки с этим чудовищем плохи. Власть очаровала ее. Ей так нравилось убивать и миловать, привходить в трепет, что ни о чем другом больше думать она не собиралась, оставалась непреклонной, когда они просили ее о пощаде. И люди стали поспешно строить капища и кумиры ее на перекрестке возводили, и украшали дома ее головами, взиравшими в разные стороны, они стали передавать друг другу жуткие истории о жестокой богине, которая может расправиться с сотней людей, и не перед чем она не остановится.

Сначала она радовалась такому повороту, потом стала огорчаться, но ничего другого от них добиться не могла. Она ступила в противостояние с ними, и отступить от намеченного не могла.

Сварог позднее всех узнал о кровавых похождениях своей жены, и угрюмо молчал. Он не мог ума приложить, что для этого предпринять можно.

– Раньше надо было позаботиться, чтобы она там не появлялась, что теперь о том говорить и думать.

– Если запретить ей, – говорил Дажьбог, – она еще больше чудить начнет. Пусть все будет, как будет.

На том они и порешили.

«№№№№№№№№

До сих пор люди считали богов своими заступниками и помощниками, только Марена выбивалась из этого ряда, но и она делала полезное дело, а о Чернобоге при жизни своей они ничего не знали. Триглава все спутала в душах их, она заставила трепетать от страха перед случайной неизбежностью гибельности. Она выбирала жертв без всякой причины, никто не мог угадать, кого она заберет в следующий раз и насколько страшны будут его муки. Страх перед тьмой сменился страхом перед богами. Они понимали, что от них требуется покорности, им придется служить богам. Они только до определенного момента подыгрывали им. Но те времена закончились.

Протест оставался только в самых отчаянных душах. От него они все никак не могли избавиться, хотя и чувствовали, что им грозит страшная беда.

Им казалось, что пройдет немного времени, и все будет по-прежнему, но они видели, что ничего не возвращается.

«Что будет дальше? – спрашивали у своих богов жрецы, они знали о произволе, который творили античные боги, как исчезли из-за своей строптивости скифские племена, а вме-

сте с ними и боги их. Но ведь с ними такое не могло случиться никогда, такое бывало только с другими.

Оказывается и трехглавая богиня не так уж мудра, и они могут сгинуть вместе с нею.

Узнав о гибели юноши в храме, (а дело было в храме Живы) богиня растерялась и возроптала, видя, что слова ее до небес не доходят, она поднялась к Сварогу. Она надеялась на то, что он пока просто ничего не ведает, а как узнает – сумеет остановить и приструнить ее. Но, выслушав ее, он только молчал угрюмо

– Она мать ваша и вольна, поступать, как ей вздумается, – говорил он так твердо, что Жива, не решилась возражать ему. Она поняла, что все еще хуже, чем казалось с земли. Марена была возмущена еще больше. Она поняла главное – их строптивая матушка хочет быть впереди всех. Но если для нее убивать было неприятной обязанностью, то та делала это видно добровольно и с удовольствием. Это выглядело отвратительно.

От самой Живы она узнала о разговоре ее с отцом, и странно сверкнули ее глаза

– Он ничего не хочет и не может делать, – растерянно говорила она.

Узнав об этом, Триглава весь мир разрушит. Но что она о себе думает? Она понимала, что ради их общего блага должна как-то помешать этому. Вот об этом и думала Марена, когда металась по земле. Но в те дни смуты, произошло

еще одно значительное событие. Белбог и Жива сообщили о том, что они собираются пожениться.

Глава 11. Любовь-ненависть

Для Марены известие о первом в ее бытность союзе богов оказалось не меньшей неожиданностью, чем похождения ее матушки. Она только и делала, что расспрашивала о том, что же там происходит, что они собираются предпринять. Они же не скрывали своих намерений – молодые, сильные, прекрасные, повсюду они появлялись вместе, и союз этот был великолепен. Люди, завидев их, устраивали хоро-воды, игрища, и никак не могли уговориться. И чем веселее и счастливее становились влюбленные, тем злее делалась Марена, потому что ее не могло коснуться такое прекрасное чувство. Но она хотела подчинить себе Белбога и сделать его своим мужем, но с ужасом поняла, что добрый бог ей совсем не нравился, казался нудным и скучным, но коли ее сестра – соперница с ним так счастлива, может, она просто чего-то не поняла и не оценила.

Не только Марена металась и выла от ярости, когда ее никто не мог видеть, никак не мог утихомириться и Чернобог. Он был возмущен тем, что во всем остальном от Белбога толку было мало, и только в личном он оказался вполне счастливым созданием. В этом было что-то очень обидное.

Чернобог на этот раз даже покинул своим подземные владения и отправился на землю, чтобы своими глазами увидеть тех, о ком так много говорили. Но там он не нашел никого,

кроме Марены. Влюбленные где-то укрылись в тот миг, скорее всего им никто и не был нужен.

– Как ты смотришь на такую дерзость? – спросила Марена, как только увидела своего брата по несчастью.

– Я был далеко, ты же поблизости болталась, я не пойму, куда ты все это время смотрела, – набросился он на нее.

Потоки и вопли оглушили всю округу. Наверное, они не смолкали бы еще долго, и может, они изрядно бы потрепали друг друга, если бы бес не поспешил к ним, и не раскидал их в разные стороны. Но сначала он вдоволь позабавился, видя все происходящее. Как живописно скандалили эти двое. И только потому, что кто-то посмел быть счастливым.

– Остановитесь, – взвизгнул он, наконец, – и замолчите, нет и не должно быть никаких упреков больше. Вам ничего не остается, только быть вместе, выбор у вас не велик, – вынес он свое решение.

Словно облитые кипятком, смотрели они друг на друга, не понимая, что от них требуется. Но потом пришли оба в невероятную ярость, но по мере того, как стали задумываться над его словами, им становилось все яснее, что так и должно случиться. У них нет другого выхода, потому что вдвоем все-таки лучше, чем быть по одному.

– Вы будете замечательной парочкой, – между тем утверждал бес, то ли в шутку, то ли всерьез. Но если бы не его слова, они, наверное, в том, никогда бы не признались друг другу. Так и стал он для них гласом судьбы. И определил од-

ним махом их грядущее.

NoNoNoNo

В тот миг, когда на земле появилась еще одна пара богов, Сварог внимательно смотрел на представших перед ним Живу и Белбога, и говорил с радостью о том, что именно так и должно было случиться, они подходят друг другу и обязательно будут счастливы. Они улыбались отцу своему и давали клятвы. Никого в этом мире не было ближе и счастливее, чем эти двое.

Бес, успевший только к самому финалу этой во всех отношениях приятной встречи, поздравил их поспешно, словно у него были дела поважнее, и сделал вид, что каждый день видит что-то подобное, и это не может его особенно волновать. Он же сообщил о том, что появилась и еще одна парочка. Может, Марена и Чернобог и не пожалуют сюда, но вместе они точно останутся надолго. Так странным известием беса был немного омрачен светлый день, но происшествие никого не удивило. Черные боги повторяли все, что делали белые, они уж от них никогда не отстанут. И в дальнейшем они всегда действовали рядом. Разница была лишь в том, что если Жива и Белбог друг в друге души не чаяли, то Марена с Чернобогом едва терпели друг друга. И каждый другому старался какую-то пакость подстроить. Но от этого их союз только крепче становился. О потасовках этой пары ходили невероятные истории и среди людей, и среди богов. Так и появилось два вида любви, и еще надо было проверить

и узнать, какая из них оказалась сильнее и ярче.

Тишина и покорность или страсть, почти ярость – и то, и другое имело право на существование с начала и до конца дней.

– У них ничего не выйдет, – в самом начале сказала Триглава. Но потом она должна была признать, что именно они и казались потом самой крепкой парой.

NoNoNoNoNo

Так прошло какое-то время. Но Марена, устав от тьмы и Чернобога, вдруг переключилась на Белбога. Сначала обольщение его ей показалось делом очень простым и обыденным, хотелось его тихой и ласковой любви, чтобы ничего другое ее не волновало и не трогало, не ярился и не рычал бы тот, кто был с нею рядом. Но со временем она убедилась в том, что увести Белбога очень сложно. Он в упор ее не замечал, так умело избегал всех столкновений с ней, что она с ног сбилась, придумывая все новые и новые трюки, и никак не могла за ним угнаться. Но она увлеклась и поняла все слишком поздно. Муженек ее узнал об измене и обрушился на нее с такой яростью, что будь она смертной, давно бы жизни лишилась. Спасло ее только бессмертие, ей небесами данное.

– Марена хочет обольстить Белбога. Об этом стало известно даже в подземелье, – заявила Триглава мужу своему, погруженному в какую-то дрему.

Сварог очнулся на миг. Он старался услышать то, что она

ему говорила.

– Может ей и хочется этого, но Белбог никогда на такое не решится, – усмехнулся он, – наш сын слишком хорош для нее, и он с такой вздорной бабой связываться не станет.

– Но скучная Жива ему тоже надоела, – вступилась за свою дочь Триглава, в Марене есть какая-то невероятная прелесть.

– Она отважится изменить Чернобогу? – усмехнулся старик, – но только тогда, когда будет с кем изменить, и сам Чернобог у нее в долгу не останется, эти двое стоят друг друга.

Глава 12. Схватки на небесах и на земле

Однажды, когда Чернобог уныло бродил по земле и старался угадать, где может находиться его ветренная жена, пошла ли она к тому, кто покинуть этот мир должен или осталась в объятиях какого-то наглеца, что почти одно и то же, в тот миг он и столкнулся с Живой.

Она стояла на берегу озера и о чем-то тихо разговаривала с русалкой. Он затаился за кустами и стал тихо наблюдать за девой, на которую до сих пор не обращал внимания. Она ему показалась спокойной и красивой по-своему. Может, она и не была такой яркой как его подруга неверная Марена, но она была горда и величественна, на нее можно было положиться. Странная нежность, до сих пор ему неведомая, появилась в тот миг в душе Бога тьмы. Ему просто хотелось говорить и идти с ней рядом. Она была замечательной, для него недоступной.

В то время, пока он предавался своим размышлениям, русалка исчезла, а Жива в раздумье тихо пошла прочь. Только сейчас он заметил, что она была беременна. У Белбога будет сын. И нежность в душе его растворилась, она почувствовал, что готов разорваться от злости. Их соперники подарят Сва-рогу первого внука. Даже на это оказалась не способна его женушка. Но стоит ее упрекнуть, она его во всем обвинит.

Он невольно отпрянул, когда Жива проходила совсем рядом. И у них должен быть наследник. Ему давно пора разделить с сыном свои заботы о бескрайнем подземном мире.

Когда гнев немного отступил, он понял, хочет его спутница того или нет, по-хорошему или по-плохому, но Чернобог заставит ее подарить первенца. И кроме всего прочего, он получит еще себе помощника. Если он сделал такую глупость и взял ее себе в жены, никто другой не стремился его в том опередить, то пусть хоть какая-то польза от нее будет.

Он видел, как шли, рядом обнявшись, глядя, друг другу в глаза Белбог с женой его. Бежать или красться за ними Чернобогу не позволило бы самолюбие. Да и что он такого мог от них услышать. Он хотел вернуться к себе и своим делом заняться. И он приступит к этому, как только отыщет Марену. А та на несколько дней раньше узнала о беременности своей соперницы, и только хмыкнула, то ли радуясь, то ли огорчаясь. Кто мог понять богиню мести? Она не собиралась в ближайшее время связывать себя таким хлопотным делом как роды. В бессмертии на это у них еще будет достаточно времени – рассудила богиня и была уверена в том, что она права, как никто другой. Отцом ее ребенка оказался бы Чернобог и в ближайшее время будет он в подземном мире и света белого не узрит – велика радость, – думала она насмешливо. Она даже и не догадывалась о том, что сам Чернобог принял совсем другое решение, а ее во внимание он брать не собирался. И он злился от того, что нигде не мог отыскать

ее – Марена словно сквозь землю к тому моменту провалилась, так все оказалось запутанно и странно. Сбился с ног Чернобог, пока искал он свою суженную. Куда только не заглядывал он, рискуя стать посмешищем, но нигде ее отыскать так и не мог. Видя, что от Белбога ему ничего не добиться больше, она обратила свой взор в другую сторону. Там, на небесах оставался хранитель тепла и света – Дажьбог. Разве не надоело ему, согревая всех, оставаться в одиночестве и ни к кому никаких чувств не испытывать.

Не может такого быть, чтобы после тяжелого дня не хотел он обнаружить в постели своей богиню прекрасную и страстную. И себя она сумела убедить в том, что именно этого ему больше всего и хочется. И она шагнула в его чертоги, не задумываясь о том, что будет дальше, как может поступить обманутый Чернобог. Уж мириться и делать вид, что ничего не случилось, он точно не собирался в те странные дни.

Дажьбог принял ее благосклонно. В какой-то момент ей показалось, что все ее надежды и чаяния должны оправдаться непременно. И некогда ей было разбираться в его чувствах и настроениях – как только появится Чернобог (а ему скоро донесут обо всем) ей придется спасаться бегством, и хорошо, если к тому часу она уже будет беременна.

И пала безрассудно Марена в его объятия, и такая страсть разгорелась, что кажется, ничто в мире остановить и остудить ее не смогло бы. Но и тогда уже было известно, что такая страсть бывает очень быстротечна и скоро от нее ниче-

го не остается. Но и в грядущее она не собиралась заглядывать – жить хотелось только этим днем.

Только к утру, когда настало время расставаться, опомнилась Марена и почувствовала, какой он холодный и бесчувственный на к своей возлюбленной. Это только она все реплики мимо ушей пропускала, пока сама в том не убедилась до конца.

И хотя смотрел он на нее, как на весь мир безразлично и бесстрастно, но она и после этого продолжала думать, что это только маска, и убеждала себя, что он может быть совсем иным на самом деле.

Она исчезла из дворца его так же неожиданно, как и появилась, но обещала вернуться к нему при первом удобном случае. Марена гордилась тем, что у Живы был только Белбог, в то время как сама она провела это время с богом солнца и света. Да и чудовище – Чернобог все еще оставался ее мужем.

И оказавшись на земле, она хохотала и кружилась в диком танце. В тот день на всех землях славянских не умер ни один человек – не часто потом случались такие празднества.

Правда, было и еще одно происшествие, нарушившее ход ее мыслей. Когда она кружилась на лесной поляне, около озера, там появился из-под земли Чернобог и набросился на нее с такой яростью, словно он был не богом тьмы, а самым диким зверем. Но она, в глубине души ощущая свою вину, не стала ни в чем ему перечить. И оставалась с ним

при этом холодно-насмешливой. Она не сразу поняла, чего он от нее хочет, но когда он заговорил о беременности Живы, усмехнулась растерянно.

– Не теперь, потом, дорогой мой, – усмехнулась она, – мы так молоды и нам не нужен никакой помощник, ты так силен, что сам со всеми без труда справишься. А когда он стал настаивать на своем, и ярость его сдержать никак нельзя было, да никто и не пытался остановить ее. Она сделала вид, что сдается.

№№№№

– Зачем тебе нужна Марена? – набросился бес на Дажьбога. Он не скрывал своего раздражения.

– Она богиня, почему бы и нет, других ты ко мне тоже не приводил, пожал плечами тот, не проявляя никаких чувств, чем насторожил даже беса.

– Но ты еще хлебнешь с ней лиха, – предупредил он, не зная, что больше сказать.

– Она родит мне сына, – прибавил он, потому что бес по-прежнему рассерженно молчал.

– Это точно, только ты забыл, что Чернобог его под землей запрет и не выпустит на белый свет, думаешь, ему хорошо под землей будет, – напомнил бес о том, о чем не хотел думать сам Дажьбог.

Они немного помолчали.

– Но ты приведешь его назад, – противился Дажьбог.

– Словно он нужен тебе, а Чернобог его рано или поздно

скоро украдет, ведь он не так холоден и равнодушен как ты, из – за поединка вашего такая неразбериха начнется, что мало не покажется.

Они еще долго препирались, но ни к чему так и не пришли больше. Да и о чем говорить если дело было сделано.

Глава 13. Большие перемены

После исчезновения Марены Даждьбог оставался таким же отрешенным от мира и невозмутимым, как и до ее вторжения. Ничто не смогло бы поколебать его спокойствия, а Богиня где-то спряталась – ни люди, ни боги не встречали ее, хотя у них и не было большого желания ее разыскать и увидеть. Марена почувствовала, что она беременна. Как не хотела она обременять себя детьми, но это случилось помимо ее воли и приходилось подчиниться. Вот она и затаилась в ожидании, которое нельзя было назвать приятным. Утешить ее могли тогда только две вещи – то, что это будет ребенок Даждьбога, а не ее противного муженька. И она не хуже Живы, и способна подарить Сварогу внука. Но волнения и хлопоты и тяготы ожидания все-таки угнетали ее сильнее, чем слабые утешения.

№№№

В суете последних преобразований и развития созданного им мира, бес позабыл о своем ворчливом спутнике Демоне, успевшем за это время куда-то исчезнуть и пропасть с глаз его. То ли обиделся на что-то, то ли устал от таких перемен и столкновений, то ли решил уйти от ответственности. Но бесу стало без него скучно и одиноко – ему нужен был советник и собеседник. Пока в этом мире не было никаких происшествий, он отправился на поиски Демона. И хотя

разыскать кого-то чаще всего для него не оставалось труда, но тут он озадачился не на шутку. Нигде в излюбленных его местах, демона не оказалось, а земля не так уж мала и много на ней потаенных уголков. А срок был не велик – бес не любил проволочек.

В тот миг, когда бес решил плюнуть на все и удалиться, так и не найдя Демона, сколько можно копыта бить? В тот миг он узрел дымок костра среди ущелий и отправился туда, чтобы проверить, кто там может быть – человек ли какой-то заблудился или его друг укрылся от мира и решил, что здесь его не найдут. Но он забыл о способностях беса, из-под земли достать любого. И поиски на этот раз увенчались успехом.

Демон, а это был именно он, не выразил никакой радости при их новой встрече. Он казался еще более угрюмым и несчастным.

– Тебя что, дракон, какой сюда забросил? – поинтересовался он.

Бес слышал от других духов о том, что откуда-то извне Драконы уже проникали в его мир и оставались тут, потому что не было еще богатырей, готовых их укокошить – люди казались очень миролюбивыми. Драконам такое соседство не могло не нравиться.

– Никто меня не забрасывал, я, что побыть в одиночестве не могу? Никак в покое оставить не можешь, – ворчал он, а бес убедился в том, что за это время он совсем не изменился.

– Радовался бы тому, что хоть одно создание, которому ты не безразличен, отыскало тебя, – упрекнул его бес, – другого такого дурака днем с огнем не найдешь.

Бесу и самому понравилось то, что он сказал – днем с огнем, – в этой фразе было что-то чарующее. Если учесть, что день создал он сам, то в ней есть какой-то смысл, который туповатый Демон оценить все-таки не сможет. Потом на все лады ее станут повторять люди, и даже не вспомнят о том, кто был первым. Но не только слова он готов был подарить им бескорыстно, но и многое другое. Бес всегда был щедр, особенно в первые дни творения.

– Тебе совсем не хочется знать, что там происходит? Мы с тобой неплохо потрудились.

Демон обиженно хранил молчание, но бес все равно решил ему рассказать, не церемонясь с ним, если он шел так далеко, это надо было ценить.

– Дочки и сыновья у богов наших подросли, – говорил он, – у них скоро третье поколение появится, тогда и начнется настоящая жизнь. Только и люди к тому времени размножатся – и такая неразбериха будет. А пока все только начинается, но скоро и нам с тобой дела найдутся, можешь не волноваться.

Собственно Демон волноваться и не собирался.

– Можешь делать, что угодно, но меня ты на это больше не толкнешь, мне и тут спокойно и хорошо, я никуда не собираюсь отправляться.

И в тот момент могло показаться, что никто, даже бес не сможет поднять его с места и куда-то вести.

– Ну и оставайся, – от досады плюнул бес, ему стало тоскливо и скучно, и решил он поискать себе другого помощника где-нибудь в ином месте, раз этот тип так упрям и туп. Пусть один среди скал и остается, и подвывает ветру, как дикий зверь. А для него главное – вмешиваться в происходящее, развлекаться, творить всякие дела и не обращать на него никакого внимания. Для этого он создан сам и все вокруг создавал.

Демон долго смотрел ему в след. И в какой-то момент ему захотелось потушить костер и броситься за ним, он боялся, что разыскал и позвал его бес в последний раз. А потом больше никогда о нем и не вспомнит даже. Но он сел на прежнее место, подбросил в костер дровишек и решил, что не стоит суетиться. Даже если тот его на самом деле не позовет никуда, и тогда это не имеет значения. Он останется тут, и будет жить в гордом одиночестве. А бес пусть суетится и козни свои строит, ему же нет дела до людей, до их забот и радостей, ведь он особенный, единственный и неповторимый. Он сам – целый мир, и этого ему достаточно.

Где-то закричала птица, долетевшая до его ущелья, и он тут же забыл о своих восторгах и хвале одиночеству. Но она испуганно взглянула на него и полетела прочь, и демон снова вернулся к своим размышлениям. А что еще ему оставалось в те минуты?

Он выбрал свой путь и решил оставаться непреклонным. Бес больше не станет им командовать. Он не позволит ему этого.

Так и завершилась та бесполезная встреча бывших соратников по творчеству.

Глава 14. Второе поколение богов

А на земле тем временем происходили важнейшие события. Марена вихрем ворвалась к Живе, которая с минуты на минуту ждала появления на свет своего ребенка и гордо сообщила о том, что и она беременна, а отцом этого младенца станет Белбог.

– Пусть он с тобой навсегда остается, – усмехнулась она, – но сына ему рожу я, а у тебя появится только никчемная девица, такая же, как и ты сама, – торжественно заявила она.

– Ты лжешь, этого не может быть, – зарыдала бедная богиня, понимая, в глубине души, что именно так все это и будет. И по тому, как она страдала, Марена понимала, что цели своей она достигла, ей больше не о чем думать.

Главное не то, что и как было на самом деле, важнее, как преподнести это, смешав правду с ложью, тогда невозможно будет не поверить. А стоит только поверить чему-то одному, и придется остальное принять как должное, тем более если ты так наивен и глуп, как Жива, а Марена считала себя удивительно умным созданием, а если все познается в сравнении, то примерно так оно и было на самом деле.

Когда Белбог вернулся в свои хоромы, Марены уже и след простыл. Она не собиралась дожидаться, пока он разразится праведным гневом. А Жива лежала на ложе своем не жива и не мертва.

– Что с тобой случилось? – удивленно воскликнул он, только увидев ее.

– У нас была Марена и сообщила, что у нее тоже будет ребенок, – прошептала, пристально вглядываясь в его лицо, но ничего не заметила. Это его, судя по всему, не волновало.

– А почему бы и нет, пусть рождает своих чертенят, – услышала она голос мужа, – не думал, что тебя может так зависть к ней терзать. Какая разница от кого она рождает деток своих.

Судя по всему, он не лгал или очень искусно притворялся.

– И ты не догадываешься о том, кто отец ребенка, – не могла отступить от него она.

– Да кто угодно, она страстная и со всеми бывала, но почему меня это волновать должно, что-то я этого никак понять не могу. Он был так же спокоен, как и прежде, и скорее всего это на самом деле его не касалось.

Напрасно он так сказал, потому что при всех подозрениях, которые ее до сих пор терзали, он словно бы подтвердил невольно ее коварные слова. И Жива разразилась новым потоком слез. И едва она немного успокоилась, тут роды и начались.

Белбог страшно перепугался, побледнел и бросился из дворца. А она-то думала только о своем, была уверена в том, что он чувствует себя виноватым и решил от нее спрятаться. Боги, как и люди, думают только о том, что их волнует и тревожит в эти минуты.

Еще более несчастной почувствовала себя Жива, когда

на свет и на самом деле появилась девочка. Ни красота ее, ни здоровье не могли порадовать бедную мать. Только мысли о коварных словах Марены и теснились в памяти ее. Когда она смотрела на ребенка, она была уверена в том, что раз сбылось первое ее предсказание, то осуществиться и второе – она родит ее мужу сына. Белбог сделает свой выбор и ей придется навсегда оставаться одной и прослыть брошенной. Богиня смерти во всем обойдет ее. Марене всегда все удавалось, а она лишится последнего.

Страх оставил душу Белбога, после того, когда жена его родила, он обо всем забыл и никак не мог понять, отчего она по-прежнему так печальна. Радость должна была охватить ее душу, но этого не случилось.

– Посмотри, как она прекрасна, – снова говорил он, любясь своей дочерью, – она настоящее чудо, и мы назовем ее Лада, чтобы люди, забывая обо всех обидах и несчастиях, снова бросались в объятия друг друга. Наша любовь, которая и создала ее, будет продолжением того чистого и прекрасного чувства, которое она будет в себе нести.

Но никакие самые пылкие и самые радостные слова не могли утешить ее и привести в чувства. Она напряженно ждала момента, когда на свет появится мальчик Марены. И когда Белбог увидит его, куда денется радость. Но если даже он почувствует себя виноватым, разве ей от этого станет легче?

Марена добила своего – от их любви не останется и сле-

да.

Жива испытывала такие страдания, о которых никто и догадаться не мог. Конечно, поправить дело мог бес, все знавший и понимавший, но он в те дни носился, как угорелый, по всем ущельям в поисках своего друга – демона, и ему не было никакого дела до того, что творилось в душах богов, им же и приведенных в этот мир.

Так как Жива оставалась печальной и ни с кем не хотела общаться, то Белбог со временем должен был признаться и Дажьбогу и другим, что их светлой и прекрасной любви, по неведомым для него причинам, приходит конец. Слушал его Дажьбог, не переставая усмехаться. Он догадывался о том, что это Марена вмешалась в происходящее, но не собирался в чем-то помогать своему не проницательному брату.

– Всему рано или поздно приходит конец, ей стало скучно с тобой, и ничто так не убивает наши души, как скука, – рассудительно говорил он.

Мысленно он перенесся в другое пространство, вспомнив о другом мире, когда бросил Тезей Ариадну в объятия Диониса, а Медея осталась в полном одиночестве, хотя все сделала для своего никчемного возлюбленного. И много еще жутких несправедливостей мог припомнить он в те дни, догадываясь о том, что и этот мир не будет отличаться от того, в котором он обитал прежде.

Но как объяснить все это Белбогу, который ни о чем поня-

тия не имеет. Да и не интересна ему была богиня Жива, тихая и несчастная. Может ее дочка-красавица и сможет соперничать с Мареной, но она должна была еще подрасти. И хотя Марена тоже была не подарком, но она хоть что-то из себя представляла.

Глава 15. Сын Марены

Марена торжествовала. Все произошло так, как ей того хотелось – у Живы родилась девочка, отношениям их с мужем пришел конец, оставались только воспоминания о парочке влюбленных, не разлучавшихся и на миг, а ведь казалось, что они жить друг без друга никогда не смогут. Какая наивность и легковёрность. Она сделала свое дело и сделала его хорошо.

Оставалось ждать появления ее сына, чтобы и торжество было полным. Она побаивалась того, что и у нее может родиться девица, тогда все рухнет. Жива поймет, что она лгала, и чем черт не шутит, они могут после всех испытаний полюбить друг друга еще сильнее.

Она не собралась допускать этого. Чернобог не мог не знать, что его ветренная жена ждет ребенка, и все за его спиной ухмылялись и твердили, что никому неизвестно, чей это будет ребенок, он считал его своим и свирепел невероятно. Но в минуты затишья, когда никто его не выводил из себя, он мог все обдумать, рассуждал он здраво и подчеркивал, что должен признать его своим хотя бы, потому что ему нужен помощник. И он примет его с распростертыми объятиями. Он твердо решил забрать у Марены ребенка и никогда больше не отдавать его назад.

Правда, он не допускал мысли, что родиться может де-

вица. Он покинул свои владения в тот день, когда ему приснился сон о том, что ребенок появлялся на свет. И он начал разыскивать ее.

Марена вовсе не хотела его видеть, втайне она ждала Дажьбога, но так как тот не собирался показываться. Сделал вид, что не имеет к этому никакого отношения, то она примирилась с притязаниями своего супруга, и поняла, что никакого другого ей все равно не дожидаться, только этот с ней и останется навсегда.

Чернобог возрадовался тому, что она перестала капризничать и показывала, что между ними могут быть добрые отношения.

В тот миг на руках одной их Кикимор, сновавших поблизости и верно служивших Марене, оказался поразительно красивый ребенок. Чернобогу показалось, что все Кикиморы в чертогах его собрались. От мальчика исходил удивительный свет, хотя его трудно было назвать приятным. Но малыш казался таким прекрасным, что даже его привередливая мать никак не могла отвести от него взора, хотя она к нему относилась придирчиво.

Все боги и богини пришли в покои Марены, чтобы взглянуть на чудо-ребенка. Среди них оказался и Белбог. В какой-то миг ему показалось, что ребенок похож на него. Он не верил своим глазам. Зато Жива окончательно в тот миг поверила словам Марены, когда-то брошенной ей в лицо. Все сошлось в одном. Мальчик, как она и предрекала, ро-

дился. Его отцом мог быть кто угодно, только не Чернобог. Может быть, только теперь ее муж узнал, что он отец ребенка, но что это меняет? Она едва смогла удержаться, чтобы не броситься прочь, показывая всем, как она преданна любимым и несчастна – этого нельзя было допустить, ни за что на свете.

Сварог с высоты своего трона внимательно следил за происходящим. Он знал давно, что между его детьми происходит что-то странное. Только Марена спокойна и весела, но почему так зол Чернобог, почему так подавлен и растерян Белбог. Все это наталкивало его на самые грустные размышления обо всем, что происходило вокруг. Он знал, что не станет вмешиваться и раздувать огня и без того готового вспыхнуть ярко. За последнее время он привык отстраняться от них и оставаться в стороне.

NoNoNoNoNoNo

Когда они молча возвращались к себе, между Белбогом и Живой возникла неодолимая пропасть. Жива заговорила первой, потому что молчать больше казалось невыносимым: – Сын Марены мало похож на ее мужа, – говорила она, с укором на него глядя.

Белбог молчал. Он догадывался теперь, о чем она думает, что может сказать дальше. Жива, измученная подозрениями, решила больше не церемониться с ним.

– Правда, то, что ты отец ребенка? – странно отчужденно при этом прозвучал ее голос.

Он вздрогнул и отвел глаза. Они давно научились понимать друг друга без слов. Но он точно знал, что этого не могло быть, хотя можно ли быть в чем-то уверенным, если имеешь дело с Мареной? Ему противно было оправдываться перед нею, ведь все равно она не поверит этому. Она же поняла, что все кончилось, и им не о чем больше говорить.

От пылкой любви не только огня, но даже дыма не оставалось больше. Жива взяла на руки дочь и прижала ее к груди. Оставалось только ждать того момента, когда Белбог покинет ее и оставит совсем одну.

Белбог не собирался никуда от нее уходить, он никогда не смог бы и года не только века побыть с Мареной, у нее был грозный муж, но мальчик был так хорош. А он хотел выяснить, кто отец ребенка. Если это его сын, то оставлять его в руках Чернобога он не собирался. Но если его отец кто-то из богов или смертных, когда ему нет до парня никакого дела.

Белбог и сам не знал, чему бы ему хотелось больше. Он не знал и не хотел этого знать. Хотя покой в те минуты покинул его сознание, и меньше всего думал он о жене и дочери. Только потом, когда все выяснится и утрясется, он сможет вспомнить о них снова.

Он и понятия не имел о том, как поздно все может оказаться потом.

NoNoNoNoNo

Провожая всех, Марена еще торжествовала. Но на душе

у нее было скверно. Дажьбог, хотя прошло немало времени, все еще не заглянул к ней, а мог бы уже и нагряться в гости – как холоден и равнодушен он был на самом деле. Словно он никакого отношения к этому не имеет. Но все изменится, как только он увидит своего сына. Она была в том уверена.

Хотя он в этом мире пришелец, которого она совсем не знает, и возможно в том мире, откуда он пожаловал, сыновья не играют никакой роли, и ему до своего наследника нет дела. Тогда с этим придется смириться, не стоит долго раздумывать и грустить.

Белбог почти готов признать его за своего, а большего ей и не нужно. Его так просто обмануть. И можно будет придумать какую-нибудь красивую историю. Если бог хочет поверить во что-то, стоит только приложить усилия, и все получится само собой.

Она всегда была достаточно умна и хитра для этого. И обморочит его, если ничего не получится с Дажьбогом, то с ним все пройдет гладко.

NoNoNoNoNo

Чернобог, видя, что Белбог пытается что-то выяснить, зная, что в этом замешана Марена, начал готовиться к главному делу своей жизни. Этот тип и так часто его обходил на поворотах. На этот раз он должен оказаться первым. Хотя он не мог понять, что его волнует, но знал, что он должен украсть Ния и спрятать его от Марены, да так, чтобы она сто лет искала, но так и не нашла его. Он убережет его

от всех ее любовников, которые считают его своим отцом. Чернобог не сомневался в том, что их наберется немало. Если ей так дорог ребенок, она поселится там, где ей и место – рядом с ним в подземном мире, если не захочет – они обойдутся и без нее. Но он не позволит ей больше самовольничать и считаться его женой.

Он был уверен в том, что ни один из так называемых отцов не захочет спуститься в его царства и бороться за ребенка. Он заранее приписал себе эту победу, потому что в его мире они с ним не решаться столкнуться.

Не теряя ни минуты, Чернобог взялся за дело.

Марена предвидела такую развязку, что еще мог придумать ее муженек. Только она не думала, что случиться это может так быстро. Зачем Чернобогу понадобился младенец? Она не могла ответить на этот вопрос.

И ладно, когда он подрастет и возмужает, тогда он и мог его увести, но так сразу, из колыбели – непонятно. Она рассчитывала, что у нее еще будет какое-то время, для того, чтобы предотвратить похищение, но она ошиблась.

Глава 16. Похищение

Когда бес вернулся, чтобы взглянуть на младенца, он сразу понял, кто его отец и отправился к Даждьбогу, чтобы выяснить, отчего тот так равнодушен к своему отпрыску. Это показалось странным даже для него.

– Она не сказала этого открыто, – говорил Даждьбог, после его пламенной речи, – и считает, видно, что я недостойн ее. Вот пусть с ним и остается. Мне нет до нее никакого дела.

И при этом он выглядел таким гордым и независимым, что бес понимал – даже ему не сладить с солнечным богом.

– Ты хочешь, чтобы Чернобог в мире правил? – поинтересовался бес.

– У него не хватит силы и талантов, – усмехнулся Даждьбог, – а оттуда, где он поселился править очень затруднительно, – резонно заметил тот.

Бес должен был с ним согласиться на этот раз.

Видя, что сдвинуть с мертвой точки Даждьбога не удастся, бес решил спокойно удалиться. Ничто его не удержало бы на месте. Он должен был поразмыслить, что еще можно сделать для всех обитателей этого мира и для себя в первую очередь.

Бес вернулся на землю как раз в тот миг, когда там стали разворачиваться главные события. Он узнал еще одну важную новость – почему-то ребенком живо интересуется Бел-

бог, и понял, что Марене как – то удалось заморочить его. Но бесу ли не знать, сколько у нее было возлюбленных, и как коварно она порой с ними обходилась, в этом не было ничего удивительного. Только никому не верилось, что именно он, влюбленный в свою пустую женушку, смог бы хаживать к богине смерти. Конечно, его могли опоить и околдовать. Но верилось в это все равно с трудом. Возникало много вопросов, и бес хотел найти на них достойные ответы. Он сожалел, что не заметил, как рухнула внезапно эта поразительная любовь, хотя у нее оставался не такой уж малый плод – Лада. Когда рождается новое, старое непременно умирает, он знал это с самого начала, и не видел в том ничего удивительного. Но Марена была достойной соперницей, судя по тому, как она все запутала. И бес потирал в те минуты ладони, и искренне жалел Демона. Сидит он там, в одиночестве, ничего не понимает, и ничего не ждет. А ведь только действие, хоть что-то оно значит в этом мире.

Но бес знал, что Демон сделан совсем из другого теста. Возможно, все, что так увлекало беса, ему совсем не было нужно. И он забыл скоро об угрюмом типе, поспешно врубаясь в происходящее, стараясь угадать, разведать и понять, что же в его мире происходит на самом деле.

Он видел, что Чернобог таит что-то и готовится к самым решительным действиям. И хотя бог тьмы был прост, даже примитивен, но от любого можно ждать чего угодно. А с такими надо быть еще осторожнее и внимательнее.

Но пока произошло иное. Марена решила наказать Дажьбога за полное равнодушие к ней и ее ребенку. И когда гордый бог выехал на колеснице своей, она понеслась куда-то прочь, подхваченная черными драконами. Небо потемнело – рассвета в тот час так и не наступило. В Свароге и на земле оставались только силуэты и очертания. Исчезло тепло, сразу же жуткий холод охватил славянские земли. Мир превратился в темное холодное месиво, каким его в самом начале один только бес и помнил когда-то. И как не противился Дажьбог, не стремился остановить упрямых драконов, ничего у него не получалось. Он должен был признать себя пленником. И ждал, пока появится та, которая пригнала этих чудовищ. Вырваться от них самому было невозможно. Он знал, кто все это затеял, но не мог противиться, как ни пытался. Оставалось только попрекать себя за то, что он связался с этой сумасбродной богиней. А если об этом еще и люди узнают, то каким он окажется первым богом – смех, да и только. Но он плюнул на все. О чем говорить и думать, если у него не оставалось выбора. Похищение было проведено в полной тайне и произошло стремительно, даже бес ничего не мог сообразить в начале, а может, не сильно и старался.

Но он точно знал, что надо шевелиться и спасать мир от вымирания. Родившиеся уже при Дажьбоге, люди не могли знать холода, а потому были обречены на погибель. А этого он допустить никак не мог.

Только что толку думать и рассуждать, если надо как мож-

но скорее действовать. Но опередить Марену ему не удалось, и уже не удастся.

– Не стоило недооценивать противника, – рассуждал между тем Дажьбог, – даже Медея, наверное, не была столь решительна и уверена в себе. Но с этим ничего не поделать. Когда по его легкомыслию они уже всего лишились. Хотя не стоило впадать в панику, для тех, кто жил при Дажьбоге, они постараются вернуть его назад, но получится ли у них это? Но пока даже бес не ведал, как ему поступить, только молчаливо наблюдал он за Мареной.

– Очень мило и ловко, – говорил раздраженный Дажьбог, – только ты одна могла такое придумать.

– Только один ты посмел не явиться и не взглянуть на собственного сына. Не моя вина, что для этого мне пришлось проделывать такой путь.

– Что ты наговорила Белбогу, отчего он мечется и забыл про Живу?

– Неважно, что я наговорила ему, но нам с тобой известно, кто настоящий отец Ния, – усмехнулась она.

– Возможно, это и так, но у меня есть дела и поважнее. Если люди замерзнуть и вымрут, нам всем будет одиноко, твои дети перестанут быть богами.

– Появятся новые люди, более закаленные и сильные, чем эти. Но если Ний исчезнет в царстве Чернобога, я не прощу тебе этого, и нынешнее похищение покажется детской забавой.

– Если эту случится – там ему и место, вряд ли Чернобог что-то сделает без позволения Сварога, – спокойно возражал ей Дажьбог.

Марена растерялась и не знала, что ему сказать после этого. И она молчала.

– Долго ты тут меня собираешься держать? – спросил ее Дажьбог, – одной ночи тебе хватит, чтобы потешить свое самолюбие?

Он казался таким грубым и циничным в тот момент, что Марену это не могло задеть за живое, и она отшатнулась.

– Ты чудовище, может мой муж и урод, но даже у него больше чувств. А ты мне не нужен, и никогда не был интересен, даже когда я спала с тобой, – расхохоталась она, – это была только забава, а она быстро надоела. Но этого мало, я сделаю так, что ни одна богиня не приблизится к тебе, ты будешь проклят. Никакой любви ни от кого не добьешься – это самое малое из того, что я могу для тебя сделать, – торопливо прибавила она.

Слишком поздно понял Дажьбог, что он переборщил в беседе с ней. История красавца Аполлона ему была хорошо известна. И никогда бы он не захотел оказаться на его месте. А ведь именно это с ним и должно было произойти на этот раз, если он так надменно и яростно решил противостоять женщине – богине.

Наверное, ни один глупец из смертных не совершил бы такого опрометчивого шага. Он постарался бы что-то испра-

вить, если бы не был уверен в том, что это не имеет никакого значения.

Она исчезла в тот миг, когда он опомнился и хотел открыть рот. На месте Марены в то время уже стоял бес.

– Ты глупее, чем я мог предположить, даже с женщиной ссориться не стоит, а с богиней смерти может выяснять отношения только полный идиот.

Ему можно было и не говорить этого, богу и самому было все понятно. Да в запоздалом понимании мало проку.

Глава 17. На круги своя

А тем временем на земле приносили жертвы Триглаве, зажигали ей костры. И стали умирать после этого слабые и беззащитные. Она благосклонно принимала жертвы. Хотя могла бы на весь мир воскликнуть, что на этот раз она ничем не хотела досадить им.

И они напрасно стараются, и обвиняют ее в том, чего она не совершала. Но ни звука не произнесла Богиня – пусть поступают, как им хочется, она не собиралась перед ними оправдываться.

Но ради общего спокойствия надо было все поскорее вернуть на свои места. Из-за каприза ее вздорной дочери, не стоило разрушать одним махом то, что создавалось с таким трудом. Потому она должна была отыскать Дажьбога и освободить его. И ей самой так давно хотелось взглянуть на этого красавца, из-за которого было столько шума в их чертогах в последнее время. Она знала, что с ним не стоит ссориться.

Не только Триглава, но и Жива, узнав о случившемся, бросилась к башне драконов, в которой и был заперт Дажьбог. Но ей хотелось только одного – предотвратить большую беду и спасти людей, которые не повинны в том, что творится меж их строптивыми богами.

Но Триглава оказалась более расторопной. И когда богиня жизни прилетела к башне на белом и крылатом своем ко-

не и в полутьме отыскала с трудом это странное сооружение. Заглянув туда, она и увидела там самого плененного бога и собственную мать в его объятиях.

– Теперь ночь, – только и усмехнулась Триглава, увидев на сколько она потрясена там, что случилось, пока он людям все равно не нужен, а утром я тебя к ним отпущу. Мне жаль, что я не догадалась раньше украсть тебя у моей сумасбродной дочери.

Она почувствовала себя снова молодой и счастливой. Жива понимала, что все будет так, как она хочет, и она не отпустит Дажьбога с ней до рассвета – об этом можно было и не мечтать даже.

Страсти и утехи в объятиях такого прекрасного создания для нее всегда были важнее всего, и уж тем паче благополучия людей, которых она открыто презирала.

Она незаметно удалилась, понимая, что ждать придется до утра, и просить Марену о том, чтобы она пока не губила несчастных людей. Не в первый раз богиня света и жизни убеждалась в том, что когда касается удовольствия, богини забывают обо всем на свете. Как же бездумно и легкомысленно они себя ведут, но ведь за это рано или поздно наступит возмездие, не может не наступить.

До самого рассвета сидела она в том лесу, где была расположена башня, и смотрела на огонь, который зажег рядом с нею Демон огня. Он появился откуда-то и стал рассказывать ей о том, что происходило здесь в последнее время,

и она внимательно слушала. Он пообещал ей, что такие костры горели уже во многих местах, но она не знала, правда ли это или он просто хочет ее утешить и успокоить.

Она поспешила назад в башню, и вопреки всему собралась вмешаться и убедить Дажьбога вернуться. Люди не могут страдать еще один день из-за страстей, которые разгорелись в их душах.

Но к великой радости ссориться с ними и просить их ни о чем ей не пришлось. Увидев ее на этот раз, они вроде бы даже устыдились того, что происходило. Триглава сдержала свое обещание, ценой ночи страсти он был освобожден из плена, и немного лениво, очень медленно, как казалось нетерпеливой Живе, появился на небесах. Дажьбог ворчал, что из-за них обогреть землю ему придется еще сильнее, чем прежде. Она успела охладиться после его удаления.

Жива ничего не стала говорить матери, она исчезла прежде, чем та успела ее о чем-то спросить. И она жалела о том, что никто не видела, что это она, Триглава, вернула, пусть и немного запоздало, в этот мир Дажьбога. И благодарить ее за это никто не станет, видно. Но она была спокойна и счастлива после пережитого блаженства. Ее старый и нудный муж и в добрые времена никогда ничего подобного ей не дарил.

Он любил беседы, рассуждения о своих возможностях, был уверен, что дает ей и в постели даже больше огня, чем требуется, и не догадывался даже, насколько она страдает

рядом с ним.

Такое даже со смертными мужами случается, а с богами сплошь и рядом. Ее не волновало то, что он обо всем узнает. Даже если ему и не расскажут, а их видела только эта глупая Жива, и тогда по ее сияющему лику он все поймет. Но это ее волновало меньше всего.

NoNoNoNoNoNoNo

Жива в это время помогавшая людям на земле вернуться к жизни, успела позабыть и о коварстве своей сестры и о легкомысленном распутстве матушки. Она глубокомысленно знала, что кто-то должен заниматься делом, когда боги развлекаются. Поправлять чужие ошибки и капризы могла только она. Она спокойно взвалила на свои плечи ношу по спасению человечества. Но для этого она и была рождена – такова ее судьба.

Но когда все установилось, и волноваться больше было не о чем особенно, она решила вернуться к Дажьбогу и попросить его не поддаваться коварству и уловкам, к которым еще не одна богиня прибегнет, чтобы заполучить его хотя бы на ночь. Ей по дороге казалось, что она пошла к нему именно за этим. Но наивная Жива обманывала себя вольно или невольно. Белое облако плыло навстречу яркому солнцу. Оно же светило в тот миг наиболее яростно, слепило даже богов, словно Дажьбог старался наверстать упущенное.

Когда она все-таки приблизилась к нему, она поняла, что не может произнести ни одного слова. Она была пленена

и понимала, что не сможет противостоять его невероятным чарам, она не хотела и раздражать его, зная, как он вспыльчив и непредсказуем.

Богиня услышала только дерзкий смех где-то рядом. Он все видел и обо всем догадался. Ей стало так больно и обидно, что слезы потекли из облака. И полился теплый дождик – это Жива рыдала над своей незадачливой судьбой. Она была слишком растеряна и неумела, и лучше не предпринимать никаких решительных шагов, чтобы не опозориться так, как она на этот раз.

– Не только Дажьбог, но и любой из духов не захочет иметь дело с такой растяпой, – обреченно думала Жива и рыдала, закрыв лицо руками.

Она давно спустилась вниз и рыдала на берегу озера. Но когда Водяной с Лешим приблизились к ней, она поспешно вытерла слезы, и улыбнулась:

– Это так, ничего особенного, ничего не случилось, – говорила она растерянно, и они только кивали в ответ.

– Жизнь не прервалась на земле, но я взглянула на солнце и чуть не ослепла. Дажьбог так яростен в последнее время.

Она растерянно развела руками.

– Ничего, все наладится, – успокаивал ее Леший, – главное, что ты вернула к жизни и людей, и всех нас.

Глава 18. Похищение на земле

А тем временем, пока Марена развлекалась и ярилась в башне Дажьбога, что-то подсказало Чернобогу, что наступил его час, не будет лучше времени для того, чтобы украсть Ния. Кикимора, даже все Кикиморы в мире не были для него в тот момент страшны. Он не собирался размышлять долго, а, пробравшись в покои Марены, где мирно спал ребенок и похитил его.

Все обошлось бы без малейшего шума, если бы та нянька, которая была к нему приставлена, не очнулась в последнюю минуту, и не бросилась за ним следом, совсем потеряв страх. Хотя все ее усилия были напрасны, ему даже на руку было то, что она так поступала, он повернулся и прихватил и ее вместе с ребенком. Не самому же ему с малышом возиться пока он не подрастет и не окрепнет. А первые тени, которые Марена успела привести к нему в подземный его мир, могли только напугать малыша, к этой старухе он уже привык. И она будет за него отвечать и перед матерью, и перед ним самим. Он начал строить дворец для своего сына еще до появления его на свет, и теперь это было прекрасное, величественное здание, самое огромное во всем этом мрачном диком мире.

Когда Кикимора поняла, что отнять у него ребенка не удастся, она уже знала, что возвращаться назад к Марене

не да еще в этот час, ей не стоит. Ждать пощады от Марены не приходилось, и ей спокойнее было какое-то время оставаться в подземном мире, примириться со злодейкой-судьбой, а потом, когда они все успокоятся, можно и вернуться назад.

Она примирилась с судьбой, но как только переступила черту, разделяющую земной и подземный мир, так сразу пусто и тошно ей стало. Душа встрепенулась от ужаса, но выбора не оставалась никакого. Пусть мальчишка подрастет, потом он ее защитником станет, тогда она и сможет снова дома оказаться. Она постарается заслужить прощения у Марены, хотя бы тем, что сохранила и вырастила его, а оплошность ее за века забудется.

Жива может и не простит ее никогда, но это ее меньше всего волновало. До этой богини никакого дела Кики не было.

Так Кикимора, одна из немногих духов успела увидеть то, что предстояло увидеть людям только после смерти. Это был крошечный мрак, какие-то дикие голоса, невесть откуда раздававшиеся, и ужасы, которые подстерегали на каждом шагу, а стоило только зазеваться немного, обрушивались на тебя со всей своей невероятной силой. Она знала, что не сможет прогнать тоску из души своей

NoNoNoNoNoNo

Марена застала у себя дома только встревоженных Кикимор, которые метались, как угорелые, ничего не видели,

и не знал, и им можно было поверить. Ребенок и нянька его бесследно исчезли, словно их никогда и не было. Не трудно было догадаться, кто побывал тут в последний час. Она знала, что это случится рано или поздно. Надеяться на то, что по-хорошему или по-плохому Чернобог отдаст ребенка, не стоило. И она не пошла к пещере, понимая всю тщетность своих усилий напрасных. Она не собиралась всему миру показывать свое бессилие, и рвать истерзанную душу на части тоже не хотела.

Она успокоилась немного, когда узнала от Стрибога о том, что Кикимора вместе с ними, она не стала бросать своего воспитанника. Конечно, он все предусмотрел, только о ней думать не собирался. Тогда и испытала Марена невероятное одиночество. В пустом покинутом замке не было больше никого. Наверное, и Сварог и Триглава, бросившаяся в объятья Дажьбога, и все прочие испытывали тоже самое. Потому они так упорно и рвались к людям. Но с ней было что-то совсем иное. Она никак не могла понять и пережить того, что с ней в те дни происходило. Одна догадывалась, что бессмертие им дано только для того, чтобы понять, что между короткими столкновениями с другими будет бесконечная стена одиночества, она будет все время убивать и калечить душу. И потеряв почти все, что имела, она и впала в отчаяние, и никак не могла пережить ножа в спину от того, кто считался ее мужем еще недавно.

Марена стала оглядываться по сторонам, чтобы приду-

мать для себя хоть какое-то развлечение. Когда на закате Дажьбог проплывал мимо ее чертогов, он решил заглянуть к ней и поразился пустоте, которая там царила.

– Ты немного опоздал, – с грустной усмешкой произнесла Марена, – твой сын стал пленником и сыном Чернобога, и тебе никогда не вернуть его больше из тьмы, уж об этом мой муженек позаботится.

И таким отрешенным и несчастным было в тот миг ее лицо, что ничего не сказал ей Дажьбог, а молча удалился, ощущая свою вину и бессилие перед силами тьмы.

Может, и не было вовсе этого ребенка, – так ему хотелось думать в те минуты, так было спокойнее и проще. Марена могла и придумать его для того, чтобы упрекнуть и побольнее ударить его. И хотела она заполучить его еще на одну ночь. Почему бы и не прибегнуть для этого к хитрости?

Но такое предположение показалось ему нелепым

Глава 19. Жива и Марена

Марена столкнулась случайно, хотя в глубине души ей хотелось этого. В тот момент она показалась тихой и несчастной своей вечной сопернице. И она поняла, что искреннее ее жалеет. И вдруг вспыхнула ярость в душе Марены. **С Живой**

– Ты бы себя пожалела лучше, – усмехнулась она, – у меня будет ребенок от Даждьбога, а у тебя никогда, только Белбог и останется.

Она вспомнила ночь еще до похищения, когда они были вместе, и хотя это трудно назвать ночью любви, но они хорошо проводили время. Оставались друг другом довольны. И она надеялась, что после этого у нее родится дочь, потому что и второго сына Чернобог ей не оставит, но девочка ему не нужна.

Жива, молча, удалилась. Ей не хотелось спорить со своей вечной соперницей. Пусть будет так, как она говорит, не стоит ей перечить. Но для себя она поняла еще одно, может, люди и нуждались в жалости и сочувствии, но боги никогда не потерпят этого. Не стоило показывать ее, если не хочешь оставаться в дураках. И по отношению к богам она не позволит больше себе этого никогда. Приходилось как-то учиться и приспособливаться к этому странному миру.

У меня никого и никогда не будет кроме Белбога, – в этом

Марена права, – рассуждала она по дороге домой. От этого становилось грустно и очень одиноко. Ей очень хотелось свиданий, ночей страсти и романов. Но она понимала, что об этом не стоит и мечтать, она просто не так устроена. Верность, вот то, что было написано на ее судьбе, и она должна нести этот свой крест до самого конца.

Она никогда не сможет изменить, даже если бы и захотела этого. Никто не успокоит ее, не уберезет от горьких мыслей и разочарований. Хотя проще и легче было оставаться с единственным, в простой короткой человеческой жизни, несомненно. Но если впереди бессмертие – страшно даже подумать о том. Никого кроме Белбога. Но их отношения давно и бесповоротно испорчены. Она не сможет ничего поправить, и не станет любить его, как когда-то. Он и хороший и добрый, но этого мало для счастья, – понимала она, к своему ужасу.

Зная, что она не сможет больше поговорить по душам со своим мужем, Жива отправилась к отцу. Куда ей было еще пойти? Сварог пребывал в обычном для себя состоянии – он дремал, и, очнувшись, удивленно смотрел по сторонам ничего не видевшими глазами. Да и что новое для себя он мог увидеть здесь? И только узрев свою любимую дочь, старик как-то преобразился и посмотрел на нее ласково. Он насто-рожился и понял, что с нею было что-то неладно.

– Что тревожит тебя, дитя мое? – спрашивал он рассеян-но, словно в мире не могло происходить никаких значитель-

ных событий, и мир дремал вместе с ним. И она начала говорить. Жива говорила о муже, о муках, ею переживаемых, о мире, который становится все более чужим и непонятным.

– Я не знаю, как мне быть и что делать дальше, – неожиданно призналась она. Она молча ждала его совета. И он заговорил:

– Ты напрасно волнуешься, ты совсем не похожа на Марену, и это прекрасно. Ты и должна оставаться собой, хотя это трудно, очень трудно, но ничего другого не остается.

Жива немного успокоилась после таких ее слов. В глубине души она понимала, что отец только утешает ее. Но он и сам был другим, и никак не вписывался в этот странный мир.

– Белбог не любит меня больше, – говорила она о главной своей беде.

Горе переполняло ее душу. Она помолчала немного и прибавила:

– И никогда не будет любить. Я не знаю, были ли они вместе, но она посеяла в душе моей семена неверия и убила любовь.

– — Любовь все равно прошла бы, – он говорил, скорее всего, о себе и Триглаве, – но с нами остается жизнь. Она всегда значительно больше, чем любовь, и в этом есть своя мудрость. Даже люди с их кратким веком удержать ее не могут, что же о нас говорить.

– Я стараюсь помнить это, только без любви так плохо. И мне хочется родить сына, прекрасного сына. Тогда и моя

жизнь бы переменялась. Она открыла отцу то, о чем даже сама боялась думать.

– Для этого можно и к Дажьбогу пойти, – спокойно, словно что-то обычное, произнес он.

И порывисто на него взглянув, Жива поняла, что это на самом деле можно сделать. Если отец позволяет, то кто может ей запретить. На душе у нее стало легко и весело. Она больше ни о чем не задумывалась, ничего не боялась. Подобие счастья снова вспыхнуло в сознании. Она вспомнила о своей робкой и неудачной попытке обольстить солнечного бога. Но слова отца окрылили ее. Никогда она не будет больше тихоней, пора бороться и действовать так, словно весь этот мир для нее и был создан. Стонать и слезы лить бесполезно. Когда до нее докатились слухи о том, что Дажьбог расстался с Мареной, они разошлись окончательно, она воспаряла духом и поняла, что больше не существует преград.

№№№№№

Марена не обманулась в своих надеждах. Она и на самом деле немного времени провела в одиночестве. От случайной встречи с Дажьбогом, которую даже не запомнила толком, родилась девочка. И стала она богиней охоты и лесов – Зеваной. Она с самого начала не слишком лестно отзывалась о мужчинах, и хотела во всем их обходить и обыгрывать. Узнав все это, возрадовалась Марена

– Этот ребенок будет возмездием для всех предателей богов и мужчин. Она накажет всех, кто посмеет с нами обхо-

даться так, как они до сих пор поступали, она заставить их трепетать и молить о прощении. Она больше не чувствовала себя одинокой и брошенной. Но боясь, что кто-то может похитить девочку, она решила спрятать ее ото всех сородичей. И никто из Кикимор, ее охранявших рта не открывал, и не знали многие из богов на самом ли деле родилась эта девочка и где она может быть. И Леший в том лесу, где рос ребенок получил наказ от самой Марены, чтобы ни один бог, ни один человек или дух не посмел приблизиться к жилищу Яги, где она и обитала с того самого дня, как в этом мире появилась.

– Но если Дажьбог захочет ее увидеть, – упорствовал Леший, который любил солнечного бога.

Он не понимал, почему она к нему так сурова, вряд ли его с Чернобогом можно сравнивать.

– Тебе видно твой лес надоел, – усмехнулась она, – и ты во владениях муженька моего решил леса разводить, смотри у меня, туда легко попасть, и ему Лешие нужны, только потом обратно не просись.

На этой угрозе она и оборвала разговор, угрожающе на прощание, сверкнув своими огромными, черными, как ночь, глазами. Лешего устраивал его собственный лес, и не собирался он в подземельях блуждать, потому не пропустил бы и Дажьбога, если бы тот вздумал сюда пожаловать. Кикиморы, слышавшие этот разговор и хорошо его запомнившие, не собирались даже словечко вставлять. Им это

совсем и не надо было.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Воспитанная в лесу в полном одиночестве Зевана была капризна и непостоянна. Она расправлялась без труда с любыми животными, но больше любила возиться с хищниками. А те, кто вел себя смирно, могли рассчитывать на ее милость, находились под ее покровительством.

Впервые Марена сумела создать вокруг ребенка ореол таинственности. Никто ничего толком о ней не знал, и если духи или охотники случайно ее видели, то старались ничего не говорить друг другу.

И только двум богам до Зеваны не было никакого дела. Первым был Чернобог, заполучивший Ния в свои владения – ему никто больше не был нужен. И вторым был отец девочки – солнечный бог. Он даже не спросил о ней ни разу. Ему казалось позорным то, что он выродил такого ребенка. Словно его за это могли осмеять и изгнать из их мира.

Девочка оказалась умной и злопамятной. Она дивилась тому, что Дажьбог, который, по словам матери, был ее отцом, совсем не обращает на нее внимания. И она запомнила его равнодушие по отношению к себе. Но сама она вольно или невольно тянулась к солнцу. И тем больше к нему приближалась, чем больше хотела отстраниться. Это ощущение приводило ее в ярость. Она совсем изнемогла в борьбе долгой и упорной и с ним, и с собой. Она знала, что если он проявит к ней чуть больше внимания, то она отстранится и ста-

нет его избегать. Но он не делал этого, и маленькой девочке очень трудно было противиться могучему богу.

Ее лелеяла и любила, суровая, очень страшная для многих мать, и не замечал отец, даривший всему остальному миру тепло и свет.

Зевана никак не могла понять, чего больше она получила в жизни – радости или горестей. И сама при этом она несла одним радости, а другим гибель. Она точно знала, что все в судьбе ее будет перемешано. Только первые боги могли позволить себе быть злыми или добрыми. Они же – их дети, были и тем и другими одновременно. И от этого ей становилось все хуже, все тяжелее. И мир казался ей непонятным и далеким. Он мог потом измениться, но пока она принимала его таким.

Глава 20. Схватки и перемирие

Первая богиня, которую встретила на земле маленькая охотница, была Жива. У нее не было никаких важных дел, она много слышала о дочери Марены и захотела на нее взглянуть. Узнав от беса, где та находится, Жива и отправилась в заповедный лес. Она только один взгляд бросила на девочку, но смогла заметить, что та красива, но капризна и заносчива. Глаза ее грустны, что странно для такого юного возраста, а лук она сжимает крепко и уверенно. Она могла выпустить стрелу бы прямо в нее и не промахнулась. Но богиня спокойным жестом остановила ее, и та опустила лук. Вряд ли она причинит богине вред, но не хотелось так начинать их знакомство

– Ты Жива – говорила она, проявляя немалую смекалку.

– Да, я хотела взглянуть на тебя, ведь ты принадлежишь не только к миру живых, но и к миру мертвых.

– Мне тоже хотелось тебя увидеть, – усмехнулась Зевана, – пока я остаюсь в твоём мире, надо знать его повелительницу. Но по всему ее виду было понятно, что повиноваться она не собирается. Слова ее звучали, как вызов.

Они не скрывали любопытства, глядя друг на друга.

Никогда не видела Зевана такой спокойной, рассудительной богини, как Жива. Она так бесстрастно, словно ей ничего не могло грозить в этом мире. Но в грядущем девоч-

ки Жива разглядела какую-то грустную нотку. Пусть у лесов и охотников будут свои богини. И она будет жить на грани жизни и смерти – это правильно.

Жива, почему-то вспомнила, как она сама после Марены пришла к Дажьбогу. Он казался спокойным и приветливым в тот миг. Он мог гордиться тем, что любая из богинь шла к нему сама, но, судя по его виду, значения он этому не придавал.

Главное – у нее будет ребенок, а ведь она об этом даже мечтать перестала. Но в ней не будет грусти, она будет светла и прекрасна, потому ей и нужен был Дажьбог, а не какой-то другой. Зимцерла – так она ее назовет, должна была каждую ночь возвращаться в чертоги своего отца. Жива подарит ей то, что сама не могла получить в свое время – небеса. От такой высоты может закружиться голова, особенно у юного и прекрасного создания. Но мать со временем сможет остудить ее пыл. Глядя на Зевану, Жива думала о собственной дочери.

Они попрощались, но ненадолго. Рядом раздался вопль убиваемого животного, и девочка помчалась туда. Она хотела увидеть и наказать того, кто решился тронуть ее любимых лосей, будь то зверь лесной или человек лютый.

Она обижалась на Дажьбога за то, что он совсем не следит за ней. Марена была уверена, что он не только жесток, но и равнодушен по отношению к близким. Но Жива считала, что если не на нее, то на дочь ему придется обращать

внимание. Пусть все длилось не больше одной ночи, но дети, его дети всегда будут ему близки и дороги, она была в том уверена.

Но Люци, ставший Дажьбогом не должен вести себя так, и об этом она собиралась с ним поговорить в ближайшее время.

Даждьбог на этот раз услышал голос Живы, и ждал появления дочери. Если это доставит ей радость, он готов был снова оставить у себя Живу, решив, что единственная из всех богинь, она спокойна и не капризна, на нее можно положиться.

Но он смотрел со своей высоты на все происходящее, и не собирался принимать каких-то глобальных. Пусть все течет своим чередом – у них еще вечность в запасе.

NoNoNoNoNoNo

А перед Живой появилась ее старшая дочь Лада. Все, чего она не знала сама, ей рассказал ее сын Лель. Она знала, что не только Марена, но и ее мать поднималась в чертоги Даждьбоге и оставалась с ним. И ребенок у нее будет не от мужа, а именно от этого холодного красавца, который всех богинь готов был свести с ума. И она не скрывала своей ярости, хотя редко теряла самообладание.

– Что с тобой происходит? – спрашивала она, – почему ты отказываешься от собственных обещаний.

Лада не могла понять этого и требовала у нее ответа.

Жива спокойно выслушала ее громкие упреки и только

бровью повела.

– Ничего я не стану объяснять, – говорила она

– Но любовь, – не отступала Лада, – я устала говорить им о любви и верности, а что торит моя мать?

– Вот и пусть они тебя слушают, а я не могу и не хочу. Может на их жизнь и хватит одной любви, да и то не всем. Но наша любовь значительно короче нашей жизни, не стоит сравнивать нас и людей.

Жива начинала сердиться, потому что ее дочь не собиралась оставлять ее в покое. Еще не успев родиться, ее ребенок заставлял о себе говорить, ссориться близких людей.

Но Жива торжествовала – она не скрывала своей радости. И Лада понимала, что говорить с ней бесполезно, потому и отошла спокойно в сторону.

Глава 21. Рождение Зари

Напрасно рассчитывала Жива на то, что рождение девочки все переменит в ее отношениях с Ладой. С первой минуты появления на свет Зимцерла только и хотела быть подальше от своей матери. Она так яростно тянулась на небеса, к отцу, что удержать ее здесь было невозможно.

И напрасно доказывала ей Жива, что там пока опасно, она мала и беззащитна, а отцу нет до нее дела. Ничего не хотел слушать и знать упрямый ребенок.. Измучившись, она разжала свои объятия. Она в одно мгновение воспарила и засияла разными цветами.

Даждьбог на этот раз радостно приветствовал свою дочь. И видели все на земле, как сошлись эти двое и обнялись. Самое простое для матери было забыть о ней. Белбог к тому времени тоже перестал обращать на нее внимание. Ничего не обретя, она все потеряла.

– У меня было помутнение рассудка, видно, когда я полюбил ее, – говорил он всем, кто спрашивал его о Живе, – она самое заурядное создание. И не стоит даже вспоминать о том, что связывало их прежде.

№№№№№

А между тем жизнь на земле шла своим чередом. Там были свои духи и свои боги. Мир жил и обустроивался, становился все теплее и уютнее. Белбог в то время обратил внима-

ние на Зевану – дочь Марены, и все время проводил в лесах, в погоне за нею. Он знал, что девица капризна и своенравна, никто ей не нравится, никто не нужен. Но ему хотелось покорить ее, сделать своей раз и навсегда.

Охота за богиней охоты – стала для него единственным и самым заманчивым занятием. И его не смущало то, что остальные с интересом за ним следили и спорили друг с другом, удастся ему это или нет.

И только Дажьбог иронично усмехался, только теперь обратив внимание на то, за чем так пристально следили другие.

– Он совсем из ума выжил, – говорил он вечером Зимцерле.

Но та только загадочно молчала. Она знала, что ее отец никогда не станет вести себя так глупо, он никогда не боялся остаться в одиночестве, но для нее, как и для всех остальных богов в этом было что-то любопытное. Ей и самой хотелось бы оказаться на месте Зеваны. Потому она порой и становилась мрачной и задумчивой.

Дажьбог догадывался, что грусть его дочери как-то связана с глупейшим поступком Белбога, и он понимал, что разгадать женскую душу невозможно. Они были созданы, чтобы морочить голову мужам, и доводить их до бешенства.

NoNoNoNoNo

Жива терпела насмешки из-за мужа своего легкомысленного, и Марена пошла еще дальше – ребенок Дажьбога от-

крыто признанный им, вот что ей больше не давало покоя.

– Ты так старалась для него, – говорила она своей сопернице. – И что из этого вышло? До тебя ему все равно нет дела. Кто вспомнит, что ты была ее матерью? Эти двое были для тебя чужее чужих.

Она сверкнула своими темными глазами и торжественно удалилась. На этот раз в словах Марены правды было значительно больше, чем прежде. Как она могла тягаться с богиней смерти, да еще при помощи Даждьбога.

– Он должен быть наказан за гордыню, за ту боль, которую причинил равнодушием своим, – решила она.

Когда Зевана спросила свою мать о Живе, та только расмеялась.

– Эта тихоня могла очаровать тебя своей кротостью. Не верь ей, нынче она опровергнет то, чему вчера молилась. Разве не она кричала о том, что никогда не изменит своему мужу? Любить можно только одного. Жизнь непостоянна и обманчива. Она и сама себя видно не верит вовсе.

Зевана чувствовала, что ее мать права. Но и в той другой было что-то пленительное и прекрасное. И она готова была досадить собственной матери.

– Моя дочь – богиня весны и тепла, – говорила Жива, – она прогонит зиму с ее холодами. И только за это они должны благодарить меня.

Зевана слышала этот монолог, ей хотелось выйти к богине и как-то ее утешить. Но она не хотела общаться ни с матерью,

ни с этой привлекательной, но лживой богиней.

Зевана видела, что отец ее, принявший Зимцерлу, не обращает на нее никакого внимания. Как же ей оставаться после этого в мире. Но она не могла от него отказаться.

Но она знала, что у каждого своя правда – и у охотника, убившего зверя, и у зверя, который борется за свое существование.

Каждый из богов тоже стоит до конца за то, что он любит.

Глава 22. Спор богинь

Марена считала себя отомщенной. Ее страшно ранило то, что Дажьбог расстался с ней и больше не собирался признавать ее, но и с Живой произошло тоже самое.. Правда, она тосковала и о нагло похищенном сыне Ние. За все это время она видела его только дважды. В первый раз они случайно столкнулись в лесу мертвых, перед пещерой Чернобога. Куда она привела одну из людских душ.

Она почему- то решила, что сама должна довести эту душу до пещеры, хотя ничего особенного в ней не было. А потом она поняла, что не безымянная душа что-то могла значить, а встреча с сыном, о которой она ничего раньше знать не могла.

Всадник в черном плаще на черном коне, от него исходил поразительный свет – он сразу привлек ее внимание, но она и подумать не могла, что это мог быть ее сын.

Он пристально взглянул на нее и усмехнулся.

– Ний – прошептала богиня, – как же долго я не видела тебя.

– Ты могла бы сделать это раньше, если бы спустилась в мир отца, – бросил он ей упрек, – но все это время тебе до нас не было дела.

Вся спесь и гордость Дажьбога, весь его холод, умноженный на подземную тьму, проступили в сыне ее при их первой

встрече. Она не хотела мириться с этим, но он был взрослым, она ничего не смогла бы изменить. Марена даже и вины своей не чувствовала, хотя он все время пытался ее в чем-то обвинять. Почему ее сын относится к ней хуже, чем муж и возлюбленный? Вот чего она никак не могла понять после их встречи. Победа была только мгновенной, от поражения не уйти больше никуда.

NoNoNoNoNoNo

Лада знала о том, как скверно живут ее отец с матерью, и решила примирить их. Меньше всего ей хотелось, чтобы они поступали, как Марена с Чернобогом. Она готова была на части разорваться, но не допустить такого. Но эти двое не только не собирались быть вместе – даже слушать друг друга они не хотели, так далеки и недоступны казались.

И тогда она убедилась еще раз, что любовь, в которую она так верила, не нужна людям и богам. Все совсем не так красиво, как она думала сначала.

– Что может значить любовь там, где власть имеет самое главное значение? Она только пустой звук. Никто не будет на нее обращать внимание.

Лада тосковала. Она не знала, к чему еще можно приложить свои силы и что следует сделать. Она и рождена была после многих, и никогда не сможет опередить тех, кто появился раньше. Потому все чаще задерживалась она на земле. Но на людей, с их кратким веком надежды было еще меньше. И не стоит думать о том, что происходит в мире так

уж серьезно.

Конечно, не стоит очаровываться, и искать там какого-то утешения, но без него она тоже не могла оставаться. Но все в мире непрочно, ничего не может быть вечным. Но над людьми у нее власти было больше, она решила переменить их реальность, насколько это будет для нее возможно.

Но и тут скоро стали происходить странные вещи. Девушки, познавшие любовь, вдруг впадали в отчаяние, порой жизнь кончали самоубийством. Так среди духов появились первые русалки. А парни, подобно Дажьбогу, получившие любовь такими гордецами и негодьями становились, что к ним и подступиться было невозможно. Но здесь она могла что-то поправить и сделать.

И еще одна странная вещь приключилась с богиней на земле – она ощутила себя всемогущей и могущественной, кажется, реки и горы остановить могла бы, но иногда становилась слабой и безропотной, слезы лила, хотя толком не понимала, что же ей так скверно становилось. И показалось, что в мире так много слабых и обиженных, там много не хватает радости. Мир померк, стал серым и невзрачным. Откуда потом находил он силы для того, чтобы подняться и расправить плечи. И вело ее туда только одно – она хорошо понимала, что если уйдет, скроется в Свароге, мир этот, пусть и светлый внешне, станет мрачным и темным, каким он и был до ее появления.

И когда Жива смотрела на нее с гордостью, она понимала,

что не сможет так просто уйти и бросить все на произвол судьбы. И снова бралась она за дело, работала, не покладая рук, сколько хватало сил и терпения.

Белбог притомился от беготни за Зеваной. Она казалась неуловимой, а он был слишком стар для того, чтобы за ней угнаться.

.И ему оставалось только прохладиться и оставаться на том свете, где и любви не было, а без нее невозможно оставаться.

И тогда он словно очнулся, забыв о ней, взглянул на весь мир. А он оказался таким ярким и прекрасным, что оставалось только сожалеть о том, что до сих пор он не видел и не замечал всего, происходившего вокруг.

Глава 23. Зимцерла

Белбог долго боялся взглянуть на ту, которую родила ему его жена, ему казалось, что весь мир потешается над ним. Он будет дико хохотать, когда поймет, что он возиться с дитем того, кто так вероломно и нагло его обманул.

Но девочка показалась ему такой радостной и приветливой, что все его страхи и волнения тут же исчезли. От них не осталось и следа.

Она знала о безответной любви седовласого бога к капризной Зеване, и решила, что покажет этой девице, как надо обращаться с людьми. Если что-то и смущало ее – усмешка Дажьбога.

– Ты прекрасна, ты будешь приносить столько радости, никому не станут они устраивать таких праздников, как тебе, – говорил Белбог, ощущая себя пророком. Ему казалось, что весь мир должен был обратить свои взоры к этому юному созданию. Узнав ее ближе, он готов был даже простить вероломство Дажьбога. Может быть, в этом обмане есть какая-то правда, если ему удалось сотворить такое. Он был уверен, что вознагражден за свои мучения.

Когда Кикимора рассказала Зеване, что он обласкан гордичкой Зимцерлой, та была удивлена до крайности.

– Она все делает мне назло, – скривила свои губки Зевана, – хочет досадить.

Ей и в голову не могло прийти, что сестрица ее меньше всего думала о ней в те минуты. Она вознеслась высоко и не замечала тех, кто копошился на земле. И тогда она решила кое-что исправить и предстала перед Дажьбогом. Тот взглянул на нее отчужденно, но это только придало ей еще больше злости.

– Можешь не радоваться, только слепец вроде тебя не замечает, что твоя ненаглядная доченька в этот миг любезничает с Белбогом, а другие его и близко к себе не подпускают. И потому, как странно побледнел он, она поняла, что он и на самом деле ничего о том не ведал.

– Убирайся, я не хочу видеть тебя, ничего ты от меня не добьешься, – в ярости повторял Дажьбог.

И не то его обидело, что Зимцерла посмела обратить внимание на него, а то, что Белбог считает его равным себе.

Но он решил не замечать и этого – лучше ничего не видеть и не слышать. Зевана не увидит его гнева, не сможет управлять им.

Он вспомнил о ее матери, с которой до того самого момента не сталкивался. Вот у кого характер. А он надеялся на то, что та обо всем забудет, и вернется к нему в башню, чтобы пасть в его объятия. Но ни разу она не подошла к нему, не приблизилась даже. Если бы это произошло, он бы отверг ее. Но этого не случилось. А вот девица его ведет такую странную игру. И он должен гадать, что с ней происходит.

Непонятно, как бы завершились отношения Белбога

и Зимцерлы, если бы туда не поспешила Лада. Она понимала, что должна спасти отца от девицы, не сделав его еще большим посмешищем.

Зимцерла с интересом и вызовом взидала на богиню любви. Она понимала, что так подозрительно странно себя ведет. Но она сделала вид, что ничего не понимает. И сын ее Лель следил за всем происходящим, жалея только о том, что он не может пронзить ее сердце любовью к своему деду.

Этого коварства матушка ему ни за что не простит. А жаль, можно было проучить этого странного типа. Пусть бы тогда подумал о том, как бросать ту, которая любила по-настоящему и гоняться за девицами, которые никогда не смогут ни любить, ни ценить. Он привык наказывать людей за их глупость и просчеты. Но понимал, что не сможет так поступать с богами.

Когда она рванулась за отцом, бес возник рядом с нею:
– Ты не особо-то горячись, никакой любви без весны не бывает, и те, кто замерзнут от холода, вряд ли о тебе думать станут.

Бес остужал ее пыл, заставляя думать о том, что самой ей было неприятно.

Белбог последовал за нею, и она понимала, что оказалась в дурацком положении. Она понимала, что любовь может творить страшные злодеяния, с ней в мире становилось еще хуже и страшнее, чем без нее.

И когда в отчаянии уходила Лада, Дажьбог выехал к ней

навстречу и остановился перед нею. Ему давно хотелось поближе взглянуть на богиню любви. Но все это время они были далеки. И вот столкнулись.

Она смотрела яростно, он – насмешливо. Она готова была бросить ему обвинение во всех смертных грехах, но знала, что он отметет их все, не задумываясь, и она молчала. Не стоит начинать беседу, если из этого ничего не выйдет. Так, храня молчание, они и разошлись в разные стороны.

Но Лада понимала, что если бы столкнулись они при других обстоятельствах, помани он ее за собой, она и пошла бы, и подчинилась.

Хотя потом проклинала бы и себя, и весь мир. Что же это за прекрасное чудовище, откуда оно взялось? Какая власть у него была над богами и людьми.

Но богиня любви не боялась быть отвергнутой. И Лада понимала это. Она все меньше хотела оставаться среди богов, все больше стремилась к людям, там, где она была выше и прекраснее всех. Там можно укрыться от всех и почувствовать себя настоящей богиней. Как хорошо, что у них есть земля.

Глава 24. Сомнения

Славянские боги оживили землю. Столетиями исчислялась жизнь некоторых из них. Но часто все менялось. Кто-то из них становился первым, кто-то уходил в небытие. Но тогда зла в этом мире было не много. Его удавалось уравнивать с добром, и оно было наказуемо.

Люди испытывали любовь, надеялись излечиться, надеялись на защиту небес, боялись наказания за поступки не слишком красивые. Все обретало какие-то законы и очертания. Но что-то изменилось в душе Лады в последнее время. Она все чаще стала задумываться о том, что в запретной любви есть своя прелесть, и прекрасна не только чистая любовь. Не всегда одной любви хватает на век человека, часто он вообще поступает вопреки ей, и встречает ее позднее, когда уже и женат, и пережил что-то важное в жизни своей.

И он тянется невольно к тому, что не принадлежит ему. И богиня охоты юна и прекрасна, она увлекает за собой многих смертных. Она вспомнила о том, как упрекала мать, когда должна была родиться Зимцерла, и чувствовала, что во всем права.

Так бродила в раздумьях богиня по лесам, когда наткнулась на Зевану, убившую огромного медведя. Чудовище дернулось и свалилось на землю.

– Он думает, что сильнее меня, глупое животное, – усмех-

нулась она, – но ему неизвестно, что не обязательно быть огромным и мощным, но если в руках оружие, то и слабый становится сильнее.

– Ты могла избежать этого, – упрекнула ее Лада, – мне жаль это глупое животное.

– Могла, – согласилась Зевана, – но ему больше не захочется заигрывать со мной. Для разнообразия можно быть и добренькой, но нынче не хочу, а медведей в моем лесу и без этого достаточно, они рождаются для того, чтобы их иногда убивали. А многого ли ты со своей добротой добилась? – поинтересовалась она. – Они тебя в грош не ставят, и требуют всего, что вздумается. А с людьми так нельзя. Они понимают только силу и власть.

Лада не стала ей возражать. Она удалилась, еще раз взглянув на тушу медведя.

– Моя любовь не защитила даже этого зверя. Да что зверь, если я даже саму себя не могу защитить от нападков, – и слезы потекли по ее щекам. – Радости так малы, а страдания так велики.

Она подумала о том, что могла бы оживить погибшее животное, но не стала этого делать. Может, побоялась, что ни люди, ни боги не поймут ее. Если все животные, ими убитые, будут воскресать, они умрут от голода, а они привыкли есть мясо.

И тогда бес, которому стало жаль богиню, появился перед нею и решил с ней поговорить.

– Не стоит так убиваться, ты не должна все на веру принимать. Боги и должны то мириться, то враждовать, иначе скукотища начнется смертная. Все дело в том, как на это вещи посмотреть. Если ты сдашься еще до всего, то никакой победы никогда не будет, но постарайся быть на высоте. Любовь не так слаба, если у ее богини не отпускаются руки.

Он и сам поразился своим речам. Но как-то ее надо было поддержать. Что осталось от бога огня Сварога – одна почти бесплотная тень. И так может быть с каждым из них. Конечно, боги не умирают, на разве обязательно испустить дух? Можно стать и живым мертвецом. Это когда от огня ничего не остается.

И произошло главное – силы вернулись к ней. И богиня любви обрела новое сознание. Она не могла отступить перед дерзкой девицей. Сгоревшая дотла, она снова воскресла в одно мгновение.

Глава 25 Мольба о празднике

В мире иногда наступает скука. В один прекрасный миг они поняли, что нужно встряхнуться.

– Им просто необходим праздник, большой и радостный, – про себя решил бог, и сообщил о своем решении всем.

И стали говорить о боге, который появится, чтобы изменить этот мир, устроить для них сначала испытание на прочность, а потом – праздник. Но они смотрели друг на друга и ждали, пока это сделает кто-то другой, а не он сам.

Люди стали понимать, что их боги соперничают между собой, и очень удивились этому. Иногда они просили о том, чтобы боги утихомирились. Дажьбог уже был далек от всех и перестал быть первым. Брошенную им власть должен был подобрать кто-то другой.

У Живы появился ребенок. Его отцом был тоже Дажьбог, хотя никто не знал, как его удалось уложить на этот раз на свое ложе. Но родился хорошенький мальчик. Его назвали Усладом. Он и должен был строить этот праздник.

И он сразу же понял, что от него требуется. И говорили они о грядущем пиршестве, для него готовили самые лучшие угощения и ничего не жалели.

И грянул праздник. Столы стояли в центрах поселков их. И чего только там не было, какая сладостная музыка играла. Услад верховодил всем, что происходило на земле и в небе.

сах. Мальчик казался таким могущественным, что не стоило будить Лихо, пока оно спит. Не стоило трогать малыша. Но с людьми ему было спокойнее.

– Праздник пройдет, все будет как прежде, – успокаивали себя остальные.

Проницательная Зимцерла, много видевшая и знавшая, предупредила отца о грядущих переменах. Но Дажьбог только усмехнулся. Его никто не мог испугать, и уж тем более этот малец. Он станет его посланником и верным помощником, тем, кем стал Гермес для Зевса.

Не может человек сделать праздник главным делом своей жизни. Это не может продолжаться долго. Дажьбог не собирался тревожиться. Ему недосуг было заниматься серьезными размышлениями.

До самой полночи пировали люди. Потом они зажгли костры, и верили, что их отец небесный Сварог, поможет им очиститься от скверны, это убережет от страшных болезней и от зверя любого. А когда разгорячились, они летали над огнем и стали плясать до упаду. Они решили омыться и охладиться немного. И купание им казалось таким прекрасным обрядом.

Усад выбрал себе самую юную и прекрасную из девиц и увлек ее за собой в лес. Остальным же только оставалось подчиниться их воле и последовать за ним. И Белбог был с какой-то красавицей, и седина его исчезала в то время. И даже Ний вышел из своего подземелья, хотя в душе его

было темно и мрачно. Но нашлась самая отчаянная из девиц, которая сама пошла в его объятия. Другие боги и богини оставались среди людей. И все, кто участвовали в этом, до конца запомнили все, что там происходило.

Это был первый праздник на земле, настоящий, яркий, веселый праздник, которому не было равных в этом мире. Потом все стало повторяться, но этот оказался самым первым.

А потом самые подробные рассказы они детям своим передали. И тем тоже хотелось пережить что-то похожее.

Часть 2 Небеса и Земля

Глава 1. Ночь на Земле

Отшумел на рассвете праздник. Утомленные, но счастливые люди отправились по домам. Как мало они видели чего-то кроме страхов. Они поняли, что могут жить совсем по-другому. Они пришли в этот мир не только для того, чтобы бояться всего на свете, они должны были радоваться и веселиться. И жизнь показалось совсем иной с той самой минуты. И каждый из них с радостью вспоминал маленького бога, который все это для них устроил.

На том празднике в первый раз был и сын Лады Коляда. Он стал ему первым помощником. Он казался безгрешным и не хотел, чтобы боги совращали земных женщин. Но при этом он веселился не меньше других. И Лада радовалась тому, что они действовали заодно.

Но и Лада еще не могла переступить через свои правила. Прощаясь с ними, они обещали прийти к людям снова. И каждое лето появлялся праздник пышный и праведный.

Яростно возмущались этому только Чернобог и Марена, во всем обвиняя юных богов, заводивших свои порядки и подыгрывавших людям. Ничто не могло их успокоить. Но мир изменился, он больше не был прежним.

Но еще одна новость не могла не порадовать их. Они говорили, что Жива решила помочь людям жить как можно дольше. Она обучила врачеванию сына Лады – Хороса, все боги знали, что он станет богом врачевания, и станет лечить их от многих хворей.

– Она считает, что люди должны жить дольше, – усмехнулась Марена, – как будто от этого ей станет легче. И что ты мне прикажешь делать?

Но Чернобога это не волновало. Ему так надоели эти тени и суета. Он знал, что с каждым разом их будет становиться все больше, и забот прибавится. Путь Жива лечит своих людей и любит их ими.

– Ты не понимаешь, – возмутилась Марена, – они забирают у нас власть, так они совсем потеряют страх, и нас в подземелье загонят.

Она не подумала о том, что Чернобог всегда там и находился, его некуда было загонять. А о ней он пещься не собирался.

NoNoNoNoNoNo

Жива решила утвердиться в мире людей довольно странным способом. Она хотела помочь им избавиться от недугов. Делом этим заняться должен был юный Хорс. Но только с ее помощью он мог с этим сладить.

И тогда по ее просьбе он отправился на землю и излечил первого больного. Правда, для этого ему пришлось приложить немалые усилия. Но он не жаловался, а упорно трудил-

ся. И у него все получилось.

И когда люди возликовали, увидев, что от хворей можно излечиться, и не обязательно сразу уходить в мир предков, модно ещё пожить в этом мире. И тогда он испытал приятное чувство, но задумался о том, радость ли долгая жизнь.

– Все очень просто. Марена думает, что она стала всесильной и сможет забрать всех, кого захочет. Она не сможет этого сделать и должна считаться с другими.

Но юному богу не понравилось то, что он стал игрушкой в чужих руках, и то, что такая слабая и уязвимая богиня, как Жива, была за его спиной, его тоже не очень вдохновляло. Но Жива настроена была на долгую и серьезную работу, и не считалась со всеми его капризами. Она убеждала его в том, что чем дольше люди будут на земле, тем им будет лучше. Хорс убеждался, что заниматься врачеванием неприятное и неблагодарное дело, и будь у него какие-то возможности, он занялся бы совсем другими делами.

Словно желая убедить его в обратном, отправила его Жива в дом к воеводе. Там умирала его единственная и любимая дочь. Несколько мгновений смотрел юный бог на обезумевшего от горя отца, на прекрасную, но такую бледную и неподвижную девицу. И когда Марена уже приготовилась забрать ее душу с собой, прекрасный юноша преградил ей дорогу. И девушка встrepенулась и поднялась с постели. Такой наглости не ожидала от него даже богиня смерти.

– Оставь ее в покое, она моя добыча, – услышал он гроз-

ный ее голос.

– Ты успеешь прийти за ней, когда она станет старой и невзрачной и никому не будет нужна, – говорил он спокойно, и ощущал свою силу. Марена не сможет его обмануть.

Ничего другого ей делать не оставалось, не драться же с мальчишкой на глазах у всех. Да в глубине души она была с ним согласна.

NoNoNoNoNoNo

Когда Марена осталась одна и собралась забыть обо всех обидах, она стала рассуждать здраво, и понял, что у нее появился достойный соперник и нешуточная опасность. И вспомнила она о тех славных временах, когда не было в этом мире молодых и шустрых богов.

– Жизнь усложняется, – думала она сердито, – надо просто найти какой-то выход, но постепенно положение наладится.

И не желая, больше сама возиться с душами людскими, она направила туда богиню Мерцану.

– Пора тебе за дело браться, дитя мое, Хорос так же молод, но успел уже так много сделать. Поступай, как хочешь, но пусть он в тебя влюбится, только после этого получится что-то настоящее.

– Мы можем покорить любого из богов если не силой, то лаской и хитростью. А с влюбленными намного легче бороться.

Мерцана ничего не ответила, но она молча согласилась

с матерью. Да и сама она давно обратила внимание на этого красавца.

Глава 2. Влюбленность

Марена радовалась тому, что дочь ее так быстро согласилась с ее предложением. Но сразу же влюбилась она в юного бога, как только увидела его и забыла обо всех наказах матери своей, о том, что должна быть с ним очень строгой. И почувствовала Марена, что это враги ее не дремлют и в покои его оставлять не собираются. Тогда свое бессилие она и ощутила. Напрасно она сетовала на Живу. Потому что это были проказы бога влюбленных Леля. Он так давно не видел юных влюбленных, что хотел только одного, поскорее внушить им любовь друг к другу.

– Не смей поддаваться ей, эта ведьма сведет тебя в могилу или покажет, что такое мир без любви, когда все утопает в лютой ненависти, – говорила Жива, обращаясь к Хоросу.

Но и Марена не оставалась в стороне:

– Не смей оставаться с ним, ты хочешь обо всем забыть из-за этого противного мальчишки. Он не стоит того.

Но мир менялся, он уже не мог оставаться прежним.

№№№№№

Мерцана не знала, как ей поступить и кого слушать. Она боялась оставить свою мать, не могла перечить ей, зная о ее нраве. Но и помыслить о том, что она расстанется с Хоросом, тоже не могла. Сердце ее разрывалось на части.

Если даже опасности, о которых она твердила и были на-

стоящими, то и они не пугали ее, странная решимость в те минуты владела ее душой. Мир, в котором оказались молодые влюбленные, был прекрасен, и ни с каким другим несравним.

Жизнь и Смерть на этот раз столкнулись, схватились не на шутку.

Видя, что не слушает ее Мерцана и всей душой рвется она к своему возлюбленному, решила Марена запереть ее в самый дальний и глухой замок. И хотя ей самой пришлось в те дни управляться с умиравшими, но она пошла на это, да и людей, покидавших этот мир было еще не так много на свете.

А богиня смерти металась по башне и думала о том, что рано или поздно ее возлюбленный появится рядом с нею и откроет все засовы, но время шло, а он все еще не появлялся. Мерцана стала подозревать, что и с ним могли поступить строптивные и бессердечные боги так же жестоко, и он находится в плену у грозной ее матери. И только когда до нее добрался бог любви Лель, она поняла, что печали ее были напрасны.

– Любовь не всегда выдерживает все испытания, – осторожно заговорил он, – случаются и предательства и отречения.

Он говорил туманно. Но она поняла, что возлюбленному ее ничего не угрожало. Он просто от нее отказался под давлением со всех сторон.

– Он просто хочет жить и не вмешиваться в спор богинь, – подтвердил ее догадки печальный Лель.

– Видно, я не настолько хороша, чтобы за меня можно было с ними бороться, – с грустью, почти со слезами говорила она.

Нечего было на это ответить Лелю. Надо было просто примириться с тем, что Хорос был слабым, а потом и жестоким. Она призвала свою мать, и рассказала ей обо всем.

– Освободи меня, больше нет нужды держать меня тут. Я не посмотрю в его сторону, не буду помнить о нем.

Марена внимательно вглядывалась в лицо своей дочери. Ей вовсе не хотелось быть обманутой. Но она пока еще и не была способна на такое.

И она, наконец, приняла решение и даже разоткровенничалась:

– Любовь не так уж плоха, – говорила Богиня Смерти, вспоминая о чем-то своем, – но она очень быстро заканчивается, для нее порой даже человеческой жизни много, а что уж о нас говорить. И остаются только одни воспоминания. Но после одной приходит другая любовь, не стоит о ней грустить, – тут же прибавила она. Но не стоит влюбляться очень сильно, тогда и страдать не о чем будет.

Освободив свою непокорную дочь, Марена умчалась прочь, потому что у нее было очень много дел кругом. Она так ничего о себе и не поведала. Всегда лучше вовремя остановиться, чтобы потом не о чем было жалеть.

Хорос и на самом деле появлялся то здесь, то там, но выглядел он потерянным и отрешенным в те минуты, словно сам превратился в призрак. И никто не мог понять, что с ним такое могло приключиться. Он ни о чем не знал, ничего не помнил, или только удачно притворялся.

А объяснялось все очень просто. Он выпил кубок воды из реки забвения, не надеясь на свою стойкость, и подмешал в этот кубок разных трав ядовитых, которые для людей смертельны были, но и для богов немало значили.

Счастливые дни и любовь напрочь изгладились из его памяти, а когда он снова столкнулся с Марцаной, то больше ничего не мог припомнить. И только Лель, так пытавшийся дознаться до причины его равнодушия, наконец, понял, что стрелу свою на этот раз он потратил напрасно. И хотел доброе дело сделать, а только грусть и печаль в душах их поселил. Но он убедился в том, что тот, кто что-то делает, всегда так вон оказывается в проигрыше.

Глава 3 Проделки беса

Прошло какое-то время, все окончательно утихомирилось, от запретной любви, к которой было приковано внимание, не оставалось и следа. Будто в летний полдень, замерла жизнь на земле и в Сварге. Осталась она в поразительной своей неподвижности. В такие минуты, наверное, можно было задумать какой-нибудь потоп, но бес пока думал о другом. Он решил, что нужен еще один бог, тот, который станет главным для князей на земле. Размышляя, он все больше приходил к выводу, что на этот раз получилось не так, как на Олимпе – из Дажьбога Зевс грозный и могущественный не получился. Он не оказался лучше и сильнее своего предшественника. Но жизнь окончательно замрет, если не будет соперников. А допускать этого им совсем не хотелось. И понял он, что этим людям нужен свой бог, задиристый и боевой, тот, кто и сам не будет спокоен, и другим успокоиться не даст, чтобы они не померли от скуки, готовы были броситься в сражение.

А так как он должен был быть связан и с богами и с людьми, но только с избранными, то и будет он княжьим богом. Так думал бес, когда он в очередной раз собирался на Олимп. Где еще можно было отыскать более подходящее место для этого.

Но к тому времени все боги там уже дышали на ладан.

Хотя в этом мире всегда найдется тот, кому захочется продолжить жизнь в новом мире, забыв про умиравшее царство. Пока он точно не знал, кто именно ему нужен, но был уверен, что на месте с этим обязательно разберется. И предчувствия его не обманули. Как только он подошел к Олимпу, взглянул на новых и старых его обитателей, понял, что ему нужен не приметный помощник Зевса, отвечавший за молнии и другое грозное его оружие. Его называли Перуном. К нему и подкатил бес со своим деловым предложением.

.И стал он рассказывать о славном мире, в котором есть все, инее хватает только такого боевого парня, как он.

– А что, среди своих они не могут его найти? – поинтересовался Перун.

– Есть, конечно, где их не бывало, только все они тебе в подметки не годятся. Тебе даже воевать с ними не надо будет, они только и ждут, пока появится тот, кто и возглавит их легион.

В последнем своем утверждении и сам бес был не до конца уверен, но, видя грозный Перунов облик, убеждал себя и его в том, что так дела и обстоят.

Еще несколько раз обращался к нему бес, но по тому, что он ему не отказывал яростно, можно было догадаться, что рано или поздно он согласится и отправится в неведомый мир. И будет он не хуже Олимпийского. В этом он не дал повода усомниться.

В мире была такая тишина и пустота, что никто не заме-

тил не появления беса, не того, что он ведет какие-то переговоры. И даже когда он сложил оружие и сообщил Зевсу о том, что отправляется в путешествие, и скучно ему сидеть на одном месте, тот возражать не стал и согласно кивнул ему в ответ. Он спросил его о том, когда тот возвращаться собирается, но ответа ждать не стал – ему не было до этого никакого дела. Долгое прощание – большие слезы.

И бесу оставалось по пути убедить Перуна в том, что там никто к нему не посмеет так относиться, он узнает, что такое слава и почет, как могут любить в этом мире. Власть его там будет безграничной.

Перун по дороге расспрашивал о том, что и как там устроено. А так, как путь был неблизким, то многое успел ему бес рассказать. И знакомым показался ему мир, когда он в него вступил. Он радовался тому, что там так много богов, они мало-мальски все и без него сделали.

Бес понимал, что ему пришлось сначала Сварога отодвинуть, потом Дажьбоге, но Перун будет с ними до тех пор, пока будет этот мир жив и невредим. Он понимал, что даже среди богов все рождаются, живут и умирают, но если думать о финале, то ничего и начитать не стоит. Пусть все идет так, как и должно было быть. Он будет помогать новому богу во всем.

NoNoNoNoNo

Перун, приближаясь к Сварогу, смотрел то на землю, то на небеса. И видел он небесные замки всех богов. Он увидел

дворец самого Сварога и не скрывал своего удивления. Тут была не окраина и не глушь. Внешне мир этот казался даже очень приличным. Он сомневался в том, что бес рассказал ему правду, но сам убедился в том, что так это и есть. Он мог рассчитывать на свой скорый триумф. Правда, бес прибавил, что он может покинуть этот мир в любой миг, если ему что-то не понравится. Но оба они знали, что гостем он пробудет недолго. Он был изначально создан для этого места, тут и останется навсегда.

Глава 4. Изгнание из Сварога

Весть о появлении нового гостя, могучего и таинственного, сразу облетела всех. Но никому из богов ничего не было известно о том, кто это на самом деле, оставалось только гадать о том, что же произойдет, что будет дальше. Воцарилось странное молчание, ожидание казалось очень утомительным. Марена, и прежде не так часто там появлявшаяся, предпочитала оставаться на земле или в пещере Чернобога. Но вдруг она неожиданно вернулась, и все узнали о том, что у нее родились близнецы - Славен и Керр. Все сошлись на одном, что это были дети Дажьбога. Хотя никто не мог понять, каким вином ей удалось его опохмелить, какими зельями приворотить. Но он согласился снова лечь с ней на ложе. Но дети были доказательством того, что это произошло. Дажьбог ничего не отрицал, он просто молча взирал на все со своей высоты, до своих и чужих детей ему не было дела. Она должна была оставаться с ними и никому не могла доверить своих отпрысков, да и не рвался никто помочь грозной богине. В тот момент она и увидела только что прибывшего и все еще выдававшего себя за гостя Перуна. И созрел в голове ее дерзкий план. Она решила уговорить его остаться с ними, и быть не просто гостем. Она понимала, что у него есть все для того, чтобы стать первым среди равных. Потом он не забудет о ее помощи и поддержке, это всегда важно для

тех, кто только утверждает, и возможно она со временем станет его женой верной и любимой.

О чем они тогда говорили, никто узнать не мог, но оба оставались довольны. И все понимали, что Марена затевает что-то важное и надеется получить побольше для себя и своих детей.

Марена понимала, что ей пришлось пойти против отца своих детей, не обойдется без каких-то неприятностей, но этот союз стоил того, она не могла от него отказаться, и приняла единственное, самое важное для себя решение.

На пиру, когда Сварог приветствовал своего таинственного гостя, и скорее из вежливости спрашивал его о том, откуда он прибыл, и понравилось ли ему тут, Марена решила, что ее час пробил и заявила о том, что именно сейчас он и останется с нею и займет то место, которое добровольно оставил Дажьбог.

– До сих пор никто бы не решился на такое, – говорила она, не скрывая своего торжества, – но нам нужен верховный бог, тот, кто будет грозен, силен и дерзок. До сих пор его не было среди нас, теперь он появился.

Она видела, как поднялся со своего места и пошел прочь Дажьбог. Но он не произнес ни слова, словно не его судьба решалась в тот миг. И только ребенок в колыбели, кажется, это был Славен, горько заплакал. Она знала, что мальчик сам не успокоится, но не пошла к нему.

Уход Дажьбога и плач Славена удивили всех собравших-

ся, которые никак не могли понять, что будет дальше. И наступила мертвая тишина.

Даже для самого Перуна слова коварной богини стали неожиданностью, но ощутила она себя очень уверенно. И понимала, как и все остальные, что у него не было соперников в этом мире

Так Перун перестал быть гостем и стал хозяином на славянских землях.

№№№№

Как и все боги, дети Марены выросли очень быстро. И глядя на юного самовлюбленного Славена трудно было представить, что это тот самый младенец, который безутешно орал, в тот миг, когда Перун стал у них главным и воинственным богом, таким взрослым и сильным он теперь казался. Но был он еще коварным и вспыльчивым. Он нагрубил Сварогу и решил больше не считаться с ним, и это сыграло свою роль. Старик, недовольный появлением Перуна и поведением Марены при этом, решил отомстить его матери, хотя и считался самым миролюбивым из богов, но иногда и у него терпение кончалось. И когда Славен, что-то натворил, а Услад с Купалой в один голос стали на него жаловаться, он яростно сверкнул очами и вынес свой приговор, прозвучавший неожиданно даже для него самого.

– Отправляйся на землю, хватит тут прохлаждаться, там твое место. Раз ты такой горячий и прыткий, вот и обустрой ее, покажи, на что ты способен, а потом и вернешься, когда

что-то полезное там сотворить успеешь, а если ничего из тебя не получится, то там и останешься навсегда.

Парень оторопел, ничего подобного он не ожидал, и противоречить ему было бесполезно. Мир переменялся для него в одно мгновение, такое бывает и среди богов.

Марена оторопела и никак не могла понять, что же ей делать дальше. Она понимала, что он лишал ее сыновей бессмертия. И она не смела за помощью даже к Дажьбогу обратиться после своего дерзкого предательства. Она оказалась безоружной и бессильной. И вспомнился ей рев младенца в момент предательства – ничего хорошего не мог он тогда предвещать, это понятно. Но понятно было и то, что за предательство придется заплатить. И ее час настал.

Она знала, что Перун не сможет ей помочь, он и сам еще был в очень шатком положении и не успел сделать чего-то выдающегося. У него уже были победы вместе с русичами, но и поражений было не меньше.

– Идите на землю и ищите себе подходящее место, но пусть оно будет подальше от глаз моих, – запомнили они все слова Сварога.

Марена корчилась от злобы, впадала то в ярость, то в бессилие и понимала, что она не так сильна, как привыкла думать, а в мире их наступают черные времена. Она помнила, как взглянул на нее Славен в тот миг, и отвернулась, она не хотела, чтобы он видел ее глаза.

– Ты станешь первым князем среди них, – говорила Жива,

довольная тем, что все так повернулось.

– Перун всегда будет на твоей стороне, – услышал он голос матери, это она могла ему обещать.

Она знала, что это слабое утешение, но никакого другого не было, пусть хоть об этом помнит. Она пыталась найти хоть что-то хорошее во всем творившемся, но у нее в те мгновения это плохо получалось.

Но очень скоро произошло в Свароге и еще одно событие. Как только все боги узнали, что сыновья Марены должны покинуть небеса, Орей и Скиф, сыновья Живы, решили, что боги просто обошли их, и объявили на пиру неожиданно о том, что они тоже отправляются на землю.

Пришло время обмереть Живе, но все произошло стремительно, они не слышали ее слов, она ничего не могла сделать в них. Сварог не стал их уговаривать остаться, он и сам был оскорблен тем, что происходило, и ничего не хотел больше делать, они и не слушали его совсем.

Когда Жива обратилась к нему с мольбами, чтобы он образумил ее глупых детей и заставил их остаться, он не стал делать этого, и только указал Орею на лучшие земли на берегах огромной реки.

– Это и станет твоим миром, а мы будем помогать тебе с небес. Тот поблагодарил его и отправился прочь. Так и закончилась эта странная история, дети Живы, и дети Марены оказались на земле, это должно было рано или поздно случиться, они должны были присоседиться к людям и стать их

князьями.

Никто не мог с ними тягаться, да и не было желавших сделать это. Так и появились славянские и киевские земли, названные так в честь сыновей богов. Сколько веков прошло с того времени, сколько воды утекло, а память об их земной жизни осталась.

Глава 5. Перун с нами

В те дни, когда четыре сына богов оказались кто вольно, а кто невольно на земле и стали там княжить, Перун все еще чувствовал себя чужаком в Свароге, хотя никто его не притеснял, и он оставался первым, не нужно было бороться и сокрушать своих врагов. Он сразу убедился в том, что это боги не были воинственны, но и подчиняться ему они тоже не захотели. Он чувствовал, что за спиной его что-то не то творится.

А они никак не хотели мириться с тем, что власть перейдет к чужаку, случайно к ним залетевшему. И понимал он, что помогут ему окончательно утвердиться князья на земле.

Но еще Славена убедила мать его Марена в том, что именно Перун станет богом для князей, и настаивала, чтобы он о том не забывал. Тому оставалось только доказать князьям, что это так. И они вместе с ним крушили непрошенных гостей, смевших на их просторы ворваться.

Появляясь в своей колеснице внезапно и оставляя после себя только пожары и такой гром, что земля готова была рухнуть, и среди ночи молчания, освещала черноту небесную так, что светло становилось, словно дней, так отмечал свое появление здесь грозный бог воинов и князей Перун. И понимали бывшие соперники их, что беда тому, кто окажется на противоположной от славян стороне, не уйти им с поля

сражения живыми, ни за что не уйти. И только прах оставался от тех, кто недавно совсем был жив и невредим еще.

Но и те, кто на стороне Славена сражались, быстро зауважали его, и стали понимать, что с ним намного легче и проще воевать и побеждать им будет, чем без него. Они чувствовали, что прошли мирные времена, только огонь и схватки остались у них за плечами.

Дажьбог, до сих пор равнодушно наблюдавший за происходящим, смотрел теперь на него с раздражением, и сам дивился тому, как умел завести его Перун.

И однажды, когда Перун метал гром и молнии по непокорным, в тот момент он бросился на него и странно отпрянул в сторону. Такова сила была у того, словно он еще и великим чародеем казался.

И странная тень в тот момент заслонила солнце, хотя оно еще оставалось на небесах, но показалось многим, что жар его навсегда пропал. И люди, все это видевшие, не к Дажьбогу мольбы свои обращали, а к Перуну самому. Они стали просить, чтобы он не гневался и оставил им солнце.

И он сжалился над ними, но при этом усмехнулся дерзко, ощутив всей душой свою первую победу. Они стали понимать сразу кто тут сильнее и могущественнее, и знали, что не посмеет Дажьбог связаться с ними.

Бог войны утвердился в мире солнечных богов раз и навсегда.

Славен в те дни заложил храм Перуну в своих владени-

ях, нашел жрецов и приказал приносить жертвы обильные. Он все время пытался понять, чем может закончиться такая схватка.

И был сооружен огромный кумир около княжеского двorca, и земли эти с той поры стали называться славянскими. И малые князья в округе подчинились Славену, узнав о могущественном князе и о Боге, которому он служил, они решили, что должны следовать за ним. Им не хотелось быть разбитыми по одному, исчезнуть где-то без следа.

NoNoNoNoNo

Первая победа Перуна не осталась незамеченной и в Сва-роге. И богини сразу потянулись к нему. Первой среди них оказалась Зимцерла. Она незаметно оставила своего спутника – Дажьбога и стала все чаще появляться рядом с новым богом. А потом и воинственная Зевана внимание на него обратила. Так началось многовековое соперничество между ними.

Внимательно следил Лель – бог влюбленных, за этим поединком богинь. Он уже изготовил стрелу для того, чтобы выпустить ее в тело одной из них и решить собственную судьбу, а потом и позабавиться немного. Но он понял, что усилия не стоит тратить напрасно, они влюблены и без его вмешательства, надо было поискать ту, которая ничего не чувствовала. Пусть появится еще одна богиня. И решил он неожиданно для себя, что ею должна стать его мать – богиня Лада. Сначала он и сам не мог понять, почему именно

на нее пал его выбор.

Но потом он понял, что она нуждается в нем больше, чем остальные. И он все для нее сделает.

Стрела пронзила душу Лады, и она почувствовала, что мир странно преобразился. Она чувствовала невероятную любовь к новому богу. И это было и тревожно и сладостно. Радостью в один миг наполнилась жизнь ее. И ей показалось, что все было прекрасно как тогда, когда она первой пришла в этот мир и открыла его для других.

Лель с усмешкой наблюдал за такими переменами и творил свои проказы по-прежнему, не задумываясь о том, что происходило с ними со всеми. Но скоро Лада поняла, что не все так прекрасно. Она уже видела ясно, что ей придется бороться и с искушенной в любовных делах Зимцерлой. А потом еще и с девственницей Зеваной, готовой схватиться за оружие. Она подозревала, что кто-то просто устроил для нее ловушку, в которую она так просто и попала.

Она разозлилась на Леля впервые за все время, куда только пропала ее снисходительность?

Он встретил ослепительной усмешкой ее гнев.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил он сердито, хотя все видел и понимал.

– Ты должен ответить за свои поступки, – настаивала богиня.

– Ты рада тому, что произошло, но боишься, что не сможешь победить этих двух девиц, но это уже не моя вина.

Но ты напрасно ко мне бросилась, не со мной тебе бороться надо, а с ними.

Лада давно уже размышляла, а не только чувствовала, и она не знала, можно ли верить ему или он только свою игру странную ведет.

– Я не стану за него бороться, – выпалила она.

– Вот и замечательно, – услышали они голос Зеваны, к ним приближавшейся.

Лада вспыхнула еще больше. Она была уверена, что это Лель столкнул их, хотя тот удивлялся ее появлению и делал вид, что ему ничего неизвестно.

Она готова была обвинить его во всем, что в этом мире происходило.

Охотница снисходительно усмехалась, такой слабой и беззащитной Лада не ощущала себя никогда прежде. Но ей ничего не оставалось, только принять ее вызов.

NoNoNoNoNo

Люди, впервые услышав о Перуне, пришли в восторг, оттого, что у них есть такой могучий и яростный бог. И только взглянув на Дажьбога, они немного утихомирились. Если он обидится и не вернется назад, тогда настоящая беда и случится с ними.

Тогда грозный Перун не сможет уберечь их от голода и холода.

Глава 6. Размышления Дажьбога

Сам же Дажьбог почувствовал в тот момент усталость и решил передохнуть. Он ощутил особую радость из-за приближения счастливых и беззаботных деньков, надеялся, что все еще может перемениться. Они вспомнят то, что в свое время он для них сделал. В любом случае он не собирался лишать их тепла, потому что привык светить и не собирался гаснуть, но ему хотелось поугадать их немного.

Он понимал, что во многом сам виноват, был самоуверен и дерзок, и даже подумать не мог, что они могут быть не на его стороне. Он не знал, как трудно бывает удерживать власть.

Привязанность людей быстро и бесследно проходит, они не только Сварога, подарившего им огонь, но и его самого забыли без труда.

Но обида оставалась очень сильной, и погружался он в свои горестные раздумья. Вечный его соперник не задумывался о том, что он может разрушить мир, пока он хотел только одного – добиться своего, но что будет потом? Об этом знала только Мокошь, но никто из них не решился бы обратиться к богине судьбы.

Соперничество богинь, длившееся очень долго, оборвалось неожиданно. Счастье улыбнулось четвертой, а не тем трем, которые за него боролись. Когда Зимцерла и Зевана

о чем-то спорили на одном из пиров, и готовы были друг друга отправить в мрачные владения Чернобога, Перун поднялся, и сообщил о том, что берет в жены Леду – богиню войны и ужаса. Она оставалась в своем снежном дворце на краю света, и сама еще вероятно о том не ведала. Она была обижена на весь мир за то, что вынуждена там оставаться, и он решил, что лучшего союзника ему не найти.

Все три богини повернулись в тот миг к Марене. Они понимали, что без нее тут не обошлось. И она улыбнулась им, подтверждая их догадки.

Но не для того, чтобы угодить Марену женился Перун на Леде. Ему нужна была такая помощница для исполнения дерзких его замыслов.

Зимцерла была хороша, но она чаще всего оставалась с Дажьбогом, он мог жениться на ней, чтобы досадить сопернику, но не хотел потом все время гадать изменяет она ему или нет. У богини – девственницы вероятно нет возлюбленных, но кто может поручиться, что она не будет их иметь потом, еще больше, чем эта, да и слишком близка она к людям. И когда Марена назвала ему имя своей воинственной дочери – повелительницы метелей, он понял, что это лучший выбор.

NoNoNo

Пир между тем продолжался. Но теперь какая-то тень пробежала между ними. Но от прежнего веселья не оставалось больше и следа.

Лада почувствовала себя в тот вечер самой несчастной в мире, все шло совсем не так, как ей того хотелось.

Глава 7. Новые лица

Последнее происшествие в Ирии – женитьба Перуна на дочери марены больше всех взволновали Живу. Она поняла, что должна позаботиться о своих дочерях и сыновьях. Она не допустит того, чтобы Марена снова одержала победу. Когда Дажьбог взглянул на нее, то понял, что она приняла какое-то решение и не ошиблись.

– Я отдам ему первым помощником нашего Радегоста, – сообщила она.

– Это еще зачем? – удивился Белбог.

Он понимал, что жена его не оступится от принятого решения.

– Он станет глазами и ушами Перуна и не позволит обидеть своих. Он сделает все, что от него зависит, – задумчиво говорила она.

– А если он не станет с тобой считаться? Не забудь, что вы в область Марены вторгаетесь.

Но она не собиралась отступить так просто, это было не в ее правилах. И она верила в то, что у нее все получится.

№№№№№№№№

Перун, навеки связанный с Мареной, даже не поверил глазам своим, когда узнал, что Жива пришла к нему.

– Пусть так, он будет моим помощником, они станут поклоняться охраннику городов русских.

Все узнали о том, что Радегаст станет охранником городов русских. Леда, уже привыкшая к тому, что она его жена, попыталась возразить и сказать, что им не нужен сын Живы. Но он только усмехнулся на негромкие слова ее и сверкнул очами.

– Он останется с нами, и я не потерплю возражений.

Ей вовсе не хотелось этого, но она должна была примириться с тем, что творилось вокруг. Но не так просто отступила богиня, она пообещала себе, что все сделает, чтобы парень убрался в один прекрасный момент, и час ее торжества скоро настанет.

Но она и не представляла себе, как трудно ей будет бороться с сыном Живы. Ей от него защищаться придется, да еще как. И совсем не обязательно она выйдет победительницей из этой схватки.

А между тем в мире утверждался бог всех бурь Стрибог, без которого не было никакого движения – он порой казался таким яростным и лютым, что ни одно создание не смогло бы перед ним устоять.

Но Перун пытался обманом завладеть его плащом, в котором и таилась его сила невероятная. Он еще не подозревал, что снять с него этот плащ было невозможно, а справиться с ним тем паче. Хотя потом кто-то сказал, что его можно намотать на посох, тогда бог и окажется смиреннее самого незначительного ветерка. Но надо было тогда все время следить за тем, чтобы при малейшей возможности он не вы-

рвался, погром и крушение будет полным, он в ярости неписанной все сметет с пути своего.

Немного позднее к нему присоединился старый бог Бури Посвист, он оставался с самого начала неразлучен с юным Стрибогом, и Солнечным богам ни Белбогу ни Дажьбогу служить не собирался. Они никогда не смогут оценить его так, как следует. Он тут же оказался среди свиты Перуна, потому что ощутил его силу и власть.

Перун порадовался и принял их благосклонно, он набирал силы и становился почти всесильным. И он понимал, что должен со времени с ними сладить, потому что сила такая была не шуточной. Он знал, что может случиться, если рядом будут два своенравных и непредсказуемых создания.

Белбог и Дажьбог, видя, как их противник набирает силы, не могли не волноваться. Они никак не могли пронять, что нужно предпринять, чтобы противостоять им. Они молчали, и не понимали, как и что надо делать.

– Пусть они воюют сами с собой, а там будет видно, – отвечал он.

Пока еще из мира вечного мрака не показывался и загадочно молчал Чернобог вместе с помощником своим Нием. И те и другие надеялись, что он присоединится к ним, и устроит этим противников. Но он должен понимать, что если окажется среди сильных, то они подчинят его себе, а он никогда и никому не собирался подчиняться. И проигрывать среди слабых он тоже вроде не собирался, так что же делать

станет? Вероятно, появится еще одна третья сила – и она окажется одна против всех.

NoNoNoNoNoNo

В те времена Перун только слышал о богах тьмы, но все еще к ним не приближался даже. Он догадывался, что именно под землей таится сила, способная со всеми расправиться. И не знал он, как с этой силой совладать, что предпринять можно, чтобы она как – то утихомирилась.

Он вспомнил про яростного Аида, когда тот похитил Персефону, и чуть не погубил собственный мир. То же самое могло случиться и тут. Тогда уже никто не сможет спасти этот мир.

Им нужны были воины и герои, без них все рухнет в одночасье. Но пока никакого героя тут не было и в помине.

Глава 8. Проделки Кощея

Мы слишком много внимания уделяли богам, и почти не смотрели на землю, где появились создания очень интересные.

Откуда появился этот юноша, не знал даже бес. Он тогда тоже богами из Ирия увлекся. А на землю смотрел мало. И когда юноша пропал неожиданно, бес наткнулся на страшного старика. И казался он таким противным, что даже бес отшатнулся, что же о других говорить? И показался он ему никчемным, таким, которого и пристроить ни к чему нельзя было. Но сам Кощей вовсе так не считал. Он верил, что в мире этом без него никак не обойтись.

Он знал, что в Книге Судеб записано было, что отправится он в царство Чернобога в самое ближайшее время, но пока он еще тут оставался, должен был какой-то след в этом мире оставить.

Одна из знакомых ведьм научила его холодом сковывать этот мир, а вторая – людей и даже чертей в камни оборачивать. Но с чертями он связываться не собирался. От них потом беды не оберёшься, вон их как много в этом мире, а вот людей морозил он с огромным удовольствием.

Но уже тогда знал Кощей, что чары его не особенно прочны. Как только Дажьбог видел все его безобразия, и пригревать начинал, так ничего от них и не оставалось, слов-

но и не колдовал он совсем. А то и спаситель какой появлялся, поцелует девицу, и все, она уже жива-живёхонька. Он знал о таком изъяне колдовства своего, но не отчаивался, даже малый срок побыть в каменном виде и этого для наказания достаточно, а ведь он не был злым, скорее обиженным немного на судьбу и на весь остальной мир.

Когда он на глазах у жениха превратил его невесту в камень, парень сбежал от него без оглядки. Кошечья это позабавило немного. Конечно, найдется какой-нибудь парень, который из этого камня вырубит девицу, потом заставит ее оживить. Но это наверняка случится не так скоро. И возможно та девица будет даже краше, потому что в этой не было ничего особенного, он только сослепу на нее и позарился.

Но именно он и заготавливал камни, из которых потом вырубать станут скульптуры. Он для них впрок материал заготавливал.

Так рассуждал он и легко все делишки свои оправдывал. И любовался на те камни, которые уже в огромном количестве вокруг валялись – все девицы, которых ловил он, не хотели с ним оставаться.

Но чем больше противились они, тем чаще таскал Кошечья девиц в свой замок, он прямо одержимым стал, и остановиться никак не мог. И замков каменных безобразных настроил он немало. На всех девиц, сколько бы ни стащил – хватит. Некоторые из замков и глазу человеческому невидимы были и казались миражами. И он всячески запутывал тех, кто

собирался освободить невест своих. Появлялись воздушные замки, и они быстро передвигались и уносились куда-то прочь. Так и гонялся бедный жених за призраком, а Кощей в тот момент за ним наблюдал да посмеивался, да пугал, разных зверюг ему на пути подсовывал, иногда и Горыныча пускал по следу. Так и длилась эта игра иногда и до смерти самой. Если богатырь не призывал на помощь какого-нибудь могущественного богатыря или до Яги самой не добирался, то все для него плачевно заканчивалось.

Но и в настоящие его замки порой невозможно было добраться. К каждому из них на досуге строил он замысловатый лабиринт. И если от голода и холода не помрет там освободитель, то зверюга ужасная сожрет его.

Никто не знал, где Кощей таким хитростям научился, то ли на остров Миноса заглянул он, то ли еще куда попал. Нельзя сказать, что сам Старик был хитер, только и самому разумному из противников его не удавалось добраться до выхода, а может, и не было никакого выхода из Кощеева лабиринта, кто его знает.

Но если Кощей видел, что кто-то на верном пути стоит, то тут же лабиринт и переделывал, да так, что верный путь в один миг тупиковым и оказывался. Тогда и оставалось только лбом в стенку упереться ему. Так и гибли добрые молодцы напрасно. Но до конца они верили, что это другим не повезло, а с ним все иначе будет, да не бывало еще такого пока.

Постепенно у Кощея появилась такая дурная слава, что люди стали приносить жертвы своим богам и просить их разобраться с ним. И пришлось тем посмотреть на то, что там он творит. Ужаснулись добрые да справедливые боги. Поверить не могли они в то, что такое возможно, но он даже и не отпирался и не оправдывался.

Видя, что взялись за него не на шутку, притих на какой-то срок Кощей. Он вовсе не так силен, как ему того приписывают. Он решил переждать, потому что месть – это то блюдо, которое желательно холодным подавать на стол. За долгие века он научился выжидать и строил планы на грядущую сокрушительную победу. Он даже исчез на какое – то время в одном из своих призрачных замков, и дремал несколько веков, накапливая силы и мудрея. И видел во сне грядущие схватки в этом мире.

Узнав, что обидчика их и след простыл, люди возрадовались и принесли щедрые дары своим богам. Они теперь знали, что у них есть надежная защита. Но и Кощей в своем призрачном замке думал – думал, и додумался до большего. Он видел, как много богинь развелось за это время в Свароге. И решил, что теперь и ему можно богиней обзавестись. А чем он плох, за это время сил набрался, он себя еще покажет. И как завелась в голове его такая мысль, так и не покидала она его больше.

Глава 9. Происшествие в Свароге

Кощея в те дни не покидала мысль о том, что в объятьях его непременно должна оказаться богиня. Снова и снова он к мысли той обращался.. Но возникла загвоздочка – он никак не мог остановиться ни на одной из них, сколько ни старался. И у каждой он находил какие-то изъяны. Одна была слишком воинственна, другая – наоборот слишком нежна и беззащитна, у кого-то были поклонники и мужья грозные, кто-то недостаточно молода.

И так он расстроился, что готов был оставить свои помыслы, да и сам в царство Чернобога отправиться. Шло время, а он ничего не мог решить. Но охота пуще неволи, и рвалась его мятежная душа то к одной девице, то к другой снова и снова. Но решение Кощей принял. Он остановился на отвергнутой Перуном и предавшей Дажьбога Зимцерле.

Решив, что ни тот ни другой не станут за нее заступаться, он и остановился на ней. А то, что люди не дождутся весны и рассвета, это его совсем не волновало. Да и не думал он о том вовсе. Выбор Кощею показался очень даже удачным. И он принялся за дело. И вдруг ему очень захотелось отомстить людям, которые по мнению Кощея всегда и во всем были повинны. Они сами к нему с мольбами явятся. Так он и устремился к богине весны. Он обдумал все хорошо, и взвесив, приготовил самый дальний и призрачный замок.

И понял Кощей, что на этот раз у него все получится.

Он полон был решимости и готов со всем миром войну вести, если в том будет необходимость. И об одном только не задумывался Кощей, о том, что в это время сыновья богинь уже отправились на землю и поселились среди людей. А это оказалось опаснее, чем он мог считать сначала.

И если еще вчера все проказы сошли бы ему с рук, то теперь ни Марена ни Жива не допустят, чтобы весна не наступила. И он будет вести опасную игру, в которой невозможно победить. Об этом пока Кощей не подозревал, потому и бросился в сражение обреченное на провал.

Как ни в чем не бывало, кокетливая Зимцерла появилась на небесах и стала говорить с Дажьбогом о том, что скоро весна, тогда и будет для них раздолье. Ее собеседник в те дни был еще более молчалив, чем обычно. Слишком хорошо помнил он, что она готова была броситься в объятия Перуна. И бросилась бы, если бы он сам в тот момент не увлекся снежной воительницей, и она не осталась бы одна. Ей некуда было деваться, и она на нем остановила свой взор. Но что было бы, если бы Перун на нее взглянул.

Зимцерла знала о его обидах, но была уверена, что он забудет обо всем и будет с ней рано или поздно. Мало кто еще согласится терпеть все его капризы и вздорный характер. Но ничего другого не оставалось ему.

С этими мыслями она и возвращалась в свои чертоги, когда кто-то накинул плащ ей на лицо и небрежно схватил по-

водок. Она понятия не имела о том, кто это мог быть. Плащ противно вонял какой-то серой, так, что можно было и задохнуться, но она не могла смириться с происходящим, хотя руки были сильными и цепкими. И она понимала, что не сможет вырваться.

Она не могла даже кричать, старалась не дышать, надеясь, что это как – то ее уберезет. Но она не могла понять, в каком месте теперь находится. Только оставалось верить, что найдется тот, кто захочет спасти ее от этого разбойника. Ей так хотелось узнать, кто набрался такой дерзости и расправился с ней. Она вспомнила рассказы о противном старике, который ворует молодых девиц прямо от женихов. И она подумала о том, что это и может быть тот старик, а почему бы и нет. Он устал от смертных и решил развлечься с богиней. Ей стало еще хуже. Одно дело оказаться в руках Улада или Леля, но не в объятых старикашки. И она снова стала мечтать о Перуне. Уговорила себя, что ему надоела противная Леда, и захотелось настоящую девицу. Она покапризничала бы какое-то время, а потом бросилась бы в его объятия, и все сделала бы, чтобы он забыл о проклятой своей жене. Она не убедила его в этом. Но если он захочет на ней жениться, и никто не решит его спасти от нее? Она попала в ловушку, из которой невозможно было выбраться. Какой она была беспечной. Но почему до сих пор ее никто не воровал, как она могла теперь на что-то надеяться.

Глава 10. Пленница

Напрасно так плохо думала о своих богиня Зимцерла. Они сразу же увидели ее исчезновение. Вот только никак не могли понять, куда она делась, кто мог ее похитить.

Стрибог был смертельно обижен за то, что подозрение на него на первого пало, да еще там, где он ни в чем не был замешан. Дажьбог был убежден, что она сама где-то спряталась и просто на глаза им не попадает. Перун не сомневался, что обижена она на него, потому и исчезла. Он готов был бросить жену свою и броситься на поиски исчезнувшей. Понятно было, как нужна была всем богиня весны. Но он сомневался и терялся, и никак не мог решиться.

Но и люди, и боги часто не там и не тех ищут. Когда все были под подозрением, о Кощее так никто и не вспомнил, потому он и пребывал какое-то время в безмятежности. А боги, каждый из них надеялся на другого, думал о том, что именно его сосед и отыщет пропавшую богиню и вернет ее в этот мир.

Кощей огляделся в своем замке, и заставил пленницу проснуться. Она чуть не лишилась чувств, когда увидела, что все дурные ее предположения оправдались.

В замке было темно и сыро, пахло плесенью, мышами и пауками. Кощей на нее сначала страшно рассердился, а потом сильно обиделся. Но потом решил ей все-таки

отомстить. Он запер девицу одну, а сам решил вернуться к остальным и посмотреть, что они там без него делают.

И не дрогнуло холодное сердце его, когда он покидал странные эти места. Он наказал слугам верным, как им следовало обращаться с Зимцерлой, чтобы она не сгинула где-то в неведении. Но он еще раз убедился в том, что никто и ни в чем его и не подозревает вовсе.

Зимцерле такое и в страшном сне присниться не могло, да и не снилось сроду. Она только все время ждала, что появится кто-то, и уж если не из великой любви к ней, то ради спасения мира этого, все-таки вернет ее туда, откуда она была так нагло похищена. Она ждала, и ждать оказалось не так долго, как думала горестно сначала. Но пока не появлялся даже сам Кощей, и страх никак не отпускал ее души.

Слуги-тени исполняли все ее капризы тогда, но они казались такими неуловимыми и бесплотными, что она шарахалась от них в испуге все время.

Она никак не могла себе представить, что могла оказаться в таком замкнутом кругу, и не покидать этих мест ни днем, ни ночью. Пропал счет времени, она была уверена, что не сможет больше веселиться и радоваться жизни. Тогда и появился снова Кощей.

Он был всем доволен и даже весел. И торжественно сообщил ей, что все даже и не подозревают, где она может находиться.

Конечно, он мог лгать, только она видела, что, скорее все-

го он говорит правду, потому она отошла в тень и молча взирала на мучителя своего.

Он злился и ярился снова, когда первая радость улетучилась.

– Ты не умрешь, но ты навсегда останешься со мной, – пообещал он ей, и собирался сдержать обещание.

Но он чувствовал, что и ему радоваться нечему. Но когда они узнают, что происходило на самом деле, то и ему туго придется.

NoNoNoNoNoNo

А боги все гадали, где ее можно найти. Это коснулось Услады и Купалы. Они первые поняли, что без нее будет вечной зима, и они не дождутся тепла. И праздники в зимнюю стужу никто устраивать не станет.

В тот момент они изловили беса и стали его вдвоем пытаться. Но вскоре поняли, что и он ничего не знает и знать не может. Бес молчал, словно язык проглотил, даже не повизгивал, только пятился от них, да копытами махал. Но разве ему станет легче, если никогда не настанет весны, и морозы останутся вечными?

В Свароге установилась странная тишина. Ее можно было назвать мертвой. Хотя они шевелились, что-то делали, куда-то спешили. Но все было только видимостью.

Глава 11. В ожидании перемен

А время текло своим чередом, приближалась весна, люди и не подозревали о том, что на самом деле происходит на небесах. Но они чувствовали, что там что-то не так. Тревога нарастала.

Купала сердито ворчал:

– Они слишком изнежены, мы только о них и заботимся, и храним, и веселим их без меры, а давно пора забыть и делом заняться, их надо закалять, чтобы они были готовы ко всему.

– Может, мы с тебя и начнем закалять? – усмехнулся Услад, – нам и самим не меньше, чем им хочется повеселиться и порадоваться. Не стоит уныние наводить.

И они взглянули оба на мчавшегося мимо Перуна. А что если от него все беды и уныние и исходит?

Он тут начинал все менять и странным каким-то казался. Сколько раз им Дажьбог рассказывал про Зевса, к которому на Олимп частенько заглядывал. Они знали и про скандальную и страшно ревнивую Геру почти все. Ничего не помогало ей, снова гнался Перун за девицами и богинями, и остановиться никак не мог. И Перуну история эта известна была прекрасно. И надо у него поискать пропавшую девицу.

Они еще долго припирались, решали, кому надо во дворец Громовержца проникнуть. Но пока не проберутся и не убе-

дятся, что его там нет, до тех пор и успокоиться не смогут. И пора было действовать.

Бросили жребий, ему они всегда безоговорочно подчинялись, идти пришлось Усладу. Он бы не решился против жребия восстать. За ним последовал и Купала, чтобы убедиться, что он пошел туда, куда и следовало. Услад просил Сварога о том, чтобы тот не позволил ему столкнуться с хозяином этого сооружения, ни с его ледышкой – женой. Но всякое могло случиться, оба они знали, что старик не прислушивается к их просьбам. А если наоборот поступить захочет, тогда берегись, хотя пока не о чем было переживать.

Услад потом станет рассказывать обо всем, если сможет выбраться назад, и не будет похоронен в подземном мире вместе с Зимцерлой. А они все окажутся в очень затруднительном положении. Ведь она могла туда и добровольно отправиться, тогда и спасать ее вовсе не обязательно. Но об этом лучше и не думать.

NoNoNoNoNo

Во дворце стояла подозрительная тишина. Хозяина там, видно, не было долгое время. Ему показалось, что шаги его под сводами очень громко звучали, и сколько раз мечталось сорваться с места и бежать без оглядки. Но он не мог стать настоящим посмешищем. Вероятно, кто-то его все-таки услышал. Едва ему удалось спрятаться, как какая-то тень мелькнула в сумраке коридора. Рассмотреть ее было невозможно. Но и она затаилась и ждала чего-то

– Зимцерла, – вырвалось у него, словно бес его дернул так кричать. Но по шелесту платья он смел думать, что это она. И когда из укрытия вышла величественная Зевана, было уже поздно. Она испепелила его своим взором.

– Отчего ты ищешь ее в моем дворце? – спросила она, не скрывая презрения.

А потом, словно о чем-то догадавшись, замолчала, и стала пристально вглядываться. Она видела, что всему Сварогу известно то, о чем она понятия не имела. А что если ее грозный муж тут скрывает свою возлюбленную?. Она узнавала о том последняя. И стала яриться.

– Хорошо, я помогу тебе, – услышал Услад, – если она тут, то мы ее отыщем, и ты уведешь ее с собой. Но мой муженек не должен знать, что я тебе помогала.

Он поздновато догадался, о чем могла подумать воинственная богиня. И он понял, что если они и найдут Зимцерлу, то им всем троим несдобровать, а если не найдут, то гнев свой она на него обрушит. Но надо хоть что-то делать. И он побрел за ней.

Зевана металась по самым потаенным местам, тьмой окутанным, куда раньше может и не заглядывала никогда. Услад едва за ней поспевал, и только дивился, как бесконечна тьма, и пытался понять, сколько же еще им блуждать придется. От разъяренной богини веяло жутким холодом, он так устал без света и ласки. А ему еще надо было придумать, где можно от Перуна укрыться.

Пока его спутник обследовал тьму, Купала томился перед дворцом. Когда кто-то положил тяжелую руку на плечо его, он вздрогнул и повернулся.

– Что ты тут делаешь? – послышался голос Перуна.

Купала только слышал его, но никак не мог поднять глаза на грозного бога, с которым шутки плохи.

– Да так, решил взглянуть на то, что тут творится.

Но обманывать он не научился, Перун сразу понял, что тот что-то от него скрывает.

– И что интересно ты искал тут, – не унимался Громовержец.

Надо было как-то все объяснить, чтобы он не наделал беды страшной.

– Девица одна была тут прекрасная, она меня сюда и привела ненароком, а сама пропала куда-то.

– Уж не моя ли женушка? – стал наступать тот, он мог думать только об одном.

Купала потерял дар речи. Может быть, Перун и не любит свою жену, но уж не позволит он ему морочить голову и на смех выставлять. Нет, он не собирался, не хотел быть уличенным в связи с Зеваной вовсе. А он и не подумал о том, он вообще не о чем не думал, когда за что-то брался. Перун не спускал с него глаз.

– Ты хочешь сказать, что украл ее и спрятал в моих владениях? Я не верю, что ты решился на такое. Ведь все мы

на вас с Усладом в последнюю очередь бы подумали.

Он молча взирал на собеседника. Все внутри у Купалы дрожало, но он силился еще не выдавать себя. А Перун вроде бы ему поверил, тогда выходит, что он и сам не воровал Зимцерлу. Но что ему делать и куда подевался Услад? И надо бы Купале незаметно уйти, хотя он и не мог бросить своего друга в беде. Но он может помочь ему выкрутиться. Но все никак не утрясалось.. И не успел он еще перевести дыхание, как Услад и появился тут, как тут. Он было бросился назад, но поздно, Громовержец успел его обнаружить.

– И ты тут, как же без тебя могла спрятаться Зимцерла, – еще больше ярился он, и вы на меня все спереть решили, добры молодцы.

Он ярился все сильнее. Зевана же все еще продолжала поиски во тьме, она видела, что Услад сбежал от нее, но не остановилась. Она верила, что отыщет девицу, тогда все они еще увидят ее и поймут все, что происходит теперь с ними. Но слезы текли по ее щекам. Она считала себя самым несчастным созданием в этом мире.

Глава 12 Ссора супругов

Услад и Купала отправились якобы привести назад Зимцерлу, а на самом деле им хотелось улизнуть подальше. Все должно было скоро раскрыться. И им не хотелось бы оказаться в том самом месте. А Перун в свои чертоги пошел, чтобы перед праздником отдохнуть. Они должны будут благодарить его, потому что он вернет им Зимцерлу. Он думал о приятном, и не догадывался, как все обстоит на самом деле. Он еще не ведал, что отдохнуть ему не придется. Явилась его жена в слезах, и вид у нее был несчастным, почти обреченным. Она готова была кинуться на него.

– Что с тобой, и кто туда бросил тебя, – не удержался Громовержец.

– И ты еще спокоен, мало того, что ты там девиц прячешь и развлекаешься с ними, так я должна ответ держать? – вопила она и не могла остановиться, так велика была обида.

– Где это я развлекался? – удивленно переспросил он, и понял, что она его обвиняет в похищении.

И хитрецам удалось как-то убедить в том его жену.

Как все старо в этом мире. Они пришли сюда искать Зимцерлу, и решили, что его женушка в том поможет. Видно праздника ему еще подождать придется не один день. И тогда он так яростно захохотал, что затрепетали стены старого замка.. Но как все могло против него повернуться? Вот этого

он понять никак не мог.

– Как легко тебя облапошить. Самое лучшее, это во всем меня обвинить, конечно, – возмутился Перун.

Она не собиралась ему верить, он ярился и думал, как ему наказать Купалу и Услава, как с ними расправиться.

А друзья между тем старались убедить друг друга, что они не там ее искали вовсе.

– Он обрушится на нас, – Усладу казалось, что он никогда больше не сможет радоваться.

Всегда случается что-то, когда хочется доброе дело сделать.

– Он не тронет нас, потому что сам тогда будет дурак дураком, – успокаивал его Купала.

NoNoNoNoNo

Зевана не появилась в его спальне, она решила бросить вызов мужу. Но Перун даже и не очнулся, он спокойно спал, когда она пробралась к нему. Она же думала, что он находится в объятиях Зимцерлы. Ей осталось только удивиться тому, что ничего такого она не узрела. И она поняла, что он ни в чем не виноват, это она глупа. Но пока признаваться в том она не собиралась, пусть пройдет еще какой-то срок, прежде, чем она успокоится окончательно.

В тот миг Сварог и стал тревожиться о том, что много прошло времени, а Зимцерла все еще не появлялась и не давала о себе знать. И надо было искать ее, иначе все завершится бедой. Он говорил о том, что никого ругать не станет, толь-

ко пусть они воротят ее назад. И все-таки призвал он внука своего Даждьбога.

– Что ты хочешь от меня? – спрашивал его тот.

– Ты должен смотреть и слушать внимательно на то, что там твориться, – наказывал ему Перун. – Мы отыщем ее, иначе всем будет худо.

Но провожая Даждья, Сварог пожалел о том, что нет у них Геракла и Персея своего, насколько проще было бы с ним. Он обязательно должен быть, особенно если сами боги не могут за себя постоять. Но где взять героя, в негероическое время в негероическом мире.

И так грустно стало Сварогу, так он своей старости и немощи устыдился. И бессмертие ему наказанием настоящим показалось. И хорошо, что никто не мог видеть его в такие минуты, печальное это было зрелище, ничего не скажешь.

А Триглава в то время пела что-то тихонько, плела интриги и в другой замок от него переселилась она. Но это даже порадовало его – так будет лучше. Он же должен был терпеть и мириться с происходящим. У каждого своя судьба.

Глава 13 Подвиг Дида

Дажьбог, как и остальные постарался покинуть мир Сва-рога. Но он понимал, что в одном тот прав – надо разыскать Зимцерлу. И обратиться он решил к бесу. Если тот ничего не сможет, то все на него можно будет спереть, а если поможет, никто потом разбираться не станет, кто и что сделал для него. И стал он спрашивать того, о том, что в этом мире происходило тогда. Но тот, как только к нему бог обратился, поставил их в тупик. Не понять, не разобрать, знает ли он что-то, ведает ли вовсе. И так, и сяк подходил он, а узнать ничего не мог, как ни старался.

– Может он мысли мои крамольные подслушал да теперь издевается? – размышлял дарящий свет.

Но понимал тот, что от беса ничего он не добьется, сколько бы ни старался. И обиделся, и разозлился он:

– Пусть весны не наступит, если даже бес ломается, почему я должен что-то делать для них? А девице это слишком много чести, если она решит, что вокруг нее вертится.

Равнодушие взяло верх над всеми другими чувствами, и на мгновение загоревшись, он потух. Зато тут же появился Дид.

История его пришествия в мир была самой загадочной и непонятной. Когда он тут объявился, как выглядел в тот момент, этого не ведала ни одна живая душа. Но все с пер-

вого мгновения обратили на него внимание. И воспылал он яростной завистью ко всем подряд и стал всех ссорить. Он похитил у Сварога священный огонь и запалил пожар на земле, его едва смогли потушить. Но стал всем доказывать, что Сварог это сделал сам. А потом просто позабыл. Он напрасно клянчил у Леля любви, но ничего не смог добиться в тот раз. И только оставалось думать о том, как юному богу отомстить. И даже Ладе, которая тогда стала женой Перуна он завидовал и все сделал для того, чтобы она мучилась от ревности, напоминая ей бесчисленные истории о предательстве. И она страдала, то молча, то яростно ссорясь со своим мужем. А Дид уже бежал дальше, и там, где он появлялся, была страсть, зависть, ссоры.

Сначала ему это очень даже нравилось, потом казалось забавным, но вскоре надоело. Мало что у него получалось. А все остальные боги, кроме Сварога его не праздновали.

И тогда он решил, что надо бы и добро совершить. Но это оказалось вовсе не так просто, и подходящего дела никак не находилось. Но постепенно в мире все менялось. И когда он узнал о тревогах Сварога, то понял, что должен отыскать Зимцерлу и показать остальным на что он способен. Вот с этими помыслами и оставался Дид в те дни. Только одно было плохо – он не знал, где должен ее искать.. И уж если Улад и Купало чуть не оказались в объятья у Перуна, то с ним и худшее случиться может. Но и это не остановило его. Он оставался в дурном настроении и никак не мог понять,

что еще можно сделать. Но желание что-то сделать было велико, и он места себе не находил. И в своем упорстве шел все дальше и дальше.

Но со временем Доля стала ему помогать.

– Чтобы они приняли меня серьезно, – говорил он, – я должен из кожи вылезти, но вернуть им Зимцерлу, тогда они поймут, что я существую, и перестанут смотреть на меня, как на пустое место.

И так ему это понравилось, что больше ни о чем он думать не хотел, только о спасении богини. И решение пришло само собой, как только он немного напрягся. Он понял, откуда дует ветер, что следует сделать.

– Они не видят упорно Кощея, – размышлял Дид, – но тот, кто прославился. Ворую девиц на земле, почему он не может и там воровать?

И таким простым показалось ему это решение, что возликовал он внутренне, потому что догадался о том, что произошло на самом деле.

И было еще одно, они были друзьями по несчастью. Он тоже страдал от невнимания и одиночества. И Кощей, возможно, ему будет больше доверять. Он и не догадается, что Дид собрался искать Зимцерлу. И оставалось только перехитрить злого старика. И тогда он станет главным героем в Ирии на какой – то срок.

Дид тайно торжествовал, готов был парить над землей от восторга, но пока никому ничего не говорил.

– Этот старикан даже не догадывается, где она находится, – говорил ворону Кощей, когда они забрели в тот самый замок, где была Зимцерла.

Но он сам привел сюда Дида, потому что ему хотелось, чтобы ее нашли втайне. Он подсказывал и показывал им, где она может быть, только они не видели и не слышали ничего.

– Старику нет до этого дела, все напрасно, – убеждал он себя.

И ему показалось, что все его усилия были напрасными. Но тогда и пронеслась песня над их головами.

Глава 14. Неожиданность

Кощей вздрогнул и взглянул на Дида. Но тот, как ни в чем не бывало (может он оглох) тасовал кости.

Он стар и глух, как тетерев, что же с него взять, – с досадой подумал Кощей. И не возникло подозрения в том, что не все так просто, как ему кажется. Пение смолкло.

– Он слишком глуп, – думал Кощей, и далеко разошлись слухи о том, что я воровал девиц, и ничего в том нет особенного.

Потом они поспешно простились, но тоже не показал вида Дид, что его что-то волнует. А волновало его многое. Остратки ради стоило перевести девицу в другой замок, благо их не один был еще у него. Но какая разница, если Дид о чем-то догадался, то он найдет и вернет ее. Если нет, то хлопоты окажутся напрасными. И с этими мыслями он удалялся в свои покои. Пока не было особых причин для волнения.

№№№№№№№№№№

– Она здесь, – и это было ясно по молчанию Кощея, по едва скрываемому его волнению. Он может препятать богино, но важно убедиться в главном – это он виновник происходящего, вот половина дела и сделана уже.

И так хорошо и покойно стало от мысли этой, так приятно на душе, что готов он был и петь и плясать, чтобы как-то выплеснуть свою радость.

Подождав еще какое-то время Дида, Кошей узрел, что тот глух, ни о чем не догадывается. Никаких тревог и намеков пока не было. Вот и можно жить и не тужить.

Но произошло еще подозрительное что-то. Дид медлил и хранил страшную тайну. Никому, ни одному существу не мог он довериться, никого не мог позвать на помощь, а ведь одному не справиться с таким трудным делом. И хотя Кашей был стар, но наверняка посильнее его самого будет, а в открытую схватку идти с ним не было никакого желания. Надо что-то похитрее придумать, чтобы самому оставаться спокойным и невредимым.

Тогда, не найдя себе помощника, и боясь, каждого, кто мог покуситься на его славу – Дид отправился сам туда, не знаю куда, чтобы принести то, не знаю что. Но он и догадываться не мог о коварстве бога Продо, который давненько за ним следил, многое знал, о чем-то смекал и что-то очень хорошо видел и слышал.

Странный тайный союз Кашея и Дида навел его на мысль о том, что один из них скрывает какую-то тайну, а второй следит за хитрецом, только вот кто есть кто?

Обследовав жилище Дида, и убедившись, что там нет ничего интересного, чего и стоило ожидать, Продо решил не спускать с него глаз, чтобы потом не сожалеть и не остаться в дураках. Ждать пришлось долго, бог коварства и лжи извелся от ожидания и нетерпения, уж слишком осторожен был старый Дид. Порой он начинал сомневаться, что суще-

ствуует какая-то ему неведомая тайна.

Может он и вовсе бы отступился, если бы в тот миг Дид, выждав удобного момента, не нравился в старый замок.

Бог коварства и зависти еще больше, чем Дид хотел прославиться, утвердиться среди богов. Ведь они все время сторонились и гнали его прочь, считали, что ничего хорошего от него ждать не стоит, ничего доброго он сделать не может.

Но Продо не родился таким. Он был хорошим в самом начале. Просто однажды юноша понял, что богов слишком много, внимания и любви Лады на всех не хватить. Они не смогут на небесах все ужиться, кто-то окажется впереди, остальным придется тесниться за их спинами.

Он совершал добрые поступки, но этого никто не замечал, тогда он и начал изворачиваться и лгать. И странное дело, но только обманутые и разъяренные, стали его замечать, если не любить, то бояться. Это было уже что-то. Самая отчаянная его лож привлекла внимание Перуна. Он заметил усмешку на устах Громовержца, не понял, порицает или одобряет его тот, но это было уже что-то.

Тогда и понял Продо для чего он был приведен в этот мир, ничего другого ему просто не оставили те, кто пришли сюда раньше.

Коварство и ложь вот что стало смыслом его жизни, это помогало ему утвердиться в мире, отказываться от него грозный бог не собирался. Он уже достиг многого, но далеко не всего, чего ему хотелось. Вот теперь, он следил за ста-

риком, чтобы убрать в подходящий момент того с дороги. Пусть его по-прежнему опасаются другие, когда все раскроется.

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

Даже не подозревая о том, что творит, Дид привел его в тот самый замок, и Продо понял, что ему там нужно оставаться.

Убедившись в том, что Кашея нет на месте, Дид проник во дворец. Но каково же было его удивление, когда он понял, что подобно Зимцерле, он и сам оказался там заперт. Дверь тяжело захлопнулась за его спиной, и открыть он ее не смог – ловушка, чего еще можно было ожидать, когда тайно приходишь в гости?

Продо же решил добраться до Зимцерлы и утащить ее с собой, пока его соперник будет блуждать по лабиринтам замка. Но он слишком долго возился, пока запирал дверь, чтобы Дид не выбрался. Появился Кашей – хозяин понял, что без него тут что-то творилось, только никак не мог понять, что именно.

Продо затаился в каком-то углу и стал ждать. Он был значительно моложе и сильнее Кашея, но пока не собирался с ним связываться, потасовка ни к чему хорошему не приведет, его обвинят во всем. Нет, он думал о том, как незаметно поскорее отсюда убраться. Но выходить с пустыми руками тоже не хотелось. Потому он по-прежнему таился и упорно старался хоть что-то придумать.

Дид почувствовал, что дверь снова открывается, только не знал, радоваться ли ему или прятаться и скрыться с глаз того, кто сюда за ним пожаловал. Он понимал, что кто-то его выследил, двигаясь по его следам. Он готов был рвать и метать, но ничего не мог поделать.

Дид в последний момент успел спрятаться, но ненадолго. Удивившись тому, что дверь заперта, Кашей понял, что тут кто-то успел побывать, и первым делом бросился в покои к своей пленнице. Она мирно спала на своем ложе, кажется, ничего не видела и не слышала. Тогда он снова закрыл эту дверь и стал обыскивать замок, стараясь угадать, кто и где мог от него укрываться. Незванный гость не смог бы сбежать от него так быстро.

Так скоро Кашей и обнаружил Дида в его укрытии. А тот еще попался в ловушку, расставленную в темном углу. Это был один из тех капканов, когда стоило непрошеному гостю пробраться в замок, чуть раньше или позднее, он оказался бы в тисках. Все зависело от упорства и смекалки пленника, но Дид выбраться не смог..

– Конечно, кто еще мог шастать по моему замку, – ухмыльнулся Кашей, – только ты, старик, думаешь, что сможешь меня перехитрить и без моей помощи освободишься и сбежишь, глупец, а то черти тебе не рассказывали о том, что тут творится? Все умника из себя строишь? А я не стану тебя освобождать, чтобы потом снова с тобой не возиться,

вот и сиди теперь тут.

Дид понял, что Кашей не шутит. И ему придется оставаться в ловушке, куда он сам себя загнал. Он заслуживал наказания за свою дерзость, но ведь не такого. От бессилия хотелось выть, словно дикому зверю, но он молчал из последних сил.

– Но я не один тут наведывался, – вспомнил о странном происшествии Дид, ему хотелось как-то отвлечь своего тюремщика.

– Это я понял, кто тебя запер тут? – стал наступать Кашей. Он не сомневался, что старик вольно или невольно притащил с собой еще кого-то. Слишком многие интересовались тем, что творится в замке у Кашея..

– Сам бы хотел знать о том, – огрызнулся Дид.

– Значит, еще кто-то знает о моей тайне и пожалует сюда, и угораздило же тебя тут побывать, башка твоя дурная.

Кашей оглянулся, приняхался, но ничего подозрительного так и не обнаружил.

– А может он только мне отомстить хотел, – не сдавался Дид, признавая, что у него немало врагов набралось.

– Да кому ты сдался, чтобы мстить тебе, нет, им моя Зимцерла нужна, а не такой старый черт, как ты. Но я позабочусь, чтобы ни одна живая душа до нее не добралась.

Видно было, что он не собирается освобождать старика из ловушки, в которой тот продолжал томиться.

Так вот порой и происходит, когда во что-то вмешиваешь-

ся, не думая о том, что может приключиться.

Пока Кашей метался по замку и раздумывал, что ему делать с пленницей, Дид сокрушался о своей судьбе. Его снова поднимут на смех боги. А если кто-то и отыщет пропавшую девицу, так это будет вовсе не он, а кто-то другой. Вот так и бывает, старался он больше всех, но победит тот, кто появится последним, доделает все, что им не удалось.

Глава 15. Молодые боги

Молодые боги отвлеклись от своих привычных дел – это произошло из-за того, что исчезли не только Дид и Кашей, но куда-то девался и Продо – в мире творилось что-то необъяснимое. Никогда прежде столько богов не пропадали сразу.

Об этом говорили, едва встретившись Услад с Купалой. Кажется, круг их упорного поиска в тот момент должен был сильно сузиться. Они догадывались, где нужно искать Зимцерлу – конечно в дальних чертогах Кашея.

Но почему же прежде они о том даже и не думали?

Открытие было обидным, они сознавали, как много времени потеряли, и могли оказаться у разбитого корыта, как любил говорить Услад.

Но тут же к ним присоединился непонятно откуда взявшийся Коляда. Вот все вместе они и отправились искать девицу-красавицу, разве не им суждено было вернуть богам и людям радость и счастье, а для себя благодарность и почести получить?

Продо, знавший значительно больше, чем они, удивился тому, как точно они выбрали путь, и незаметно отправился с ними туда, откуда недавно ему пришлось спастись бегством. По дороге он смекал, как украсть девицу, когда боги ее освободят. Он решил, что найдет на них сон, а пока они будут спать, он и прибудет в Сварог, и объявит о том, что

сам все сделал без чужой помощи. Он уже видел себя героем и освободителем, и гордился своей смекалкой и силой. А кто еще мог придумать такое, заставить этих юнцов служить верой и правдой грозному богу.

Но все, что хорошо бывает в помыслах, вдруг совсем иной стороной оборачивается на деле, вот и на этот раз, как только они приблизились к первому замку-призраку, он тут же и исчез. Кашей приготовился на этот раз к встрече основательно.

Может замок и оставался на своем месте, но ни они, никто другой не смогли его отыскать, сколько не старались... Да, непросто им придется, рано радовались наши добрые молодцы.

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

Время летело неумолимо быстро. Ничего они не могли отыскать, как ни старались. Зимцерла томилась в плену, а боги только злились, и проклинали похитителя.

Но и Кашей понял, что он разоблачен, терять ему больше нечего, вот и продолжал играть с ними в прятки, пока его не вызвали на пир к Сварогу и не наказали за самоуправство.

Наконец три молодые бога и пока не разоблаченный Продо остановили на солнечной полянке своих коней и стали советоваться, что им дальше делать надо.

– Как бы быстро мы не мчались, нам не угнаться за призраками – они всегда будут впереди. Надо что-то другое придумать.

– Да что же мы сможем придумать? – спросил у него Коляда.

– Помочь нам может только Дажьбог, – как неприятно было бы считать себя победителями и освободителями, но нам без него не обойтись. Нам придется за помощью к нему обратиться.

– Мы забыли про него, – отвечал Коляда, а кто нынче помнит, что он был верховным богом, и останется им, даже когда нас уже не будет. А ведь он нас даже ни в чем и не упрекнул тогда, вот и пусть он докажет свое превосходство перед Перуном, к которому мы все теперь благосклонны.

Только краем уха услышав эту речь, Продо прочился прочь, если они заговорили о Дажде, то ему тут больше ничего не светит, но зато в другом месте – у Перуна, он сможет получить что-то, если вообще хочет как-то во всем этом участвовать.

Пока троица ехала и спорила легко можно опередить их и Даждя и первым перед Перуном оказаться.

Всей кожей чувял Продо, что там сила, а значит и правда, вот он там и будет, с проигравшими оставаться ему хотелось меньше всего.

Перун и он победят, обогнав троицу и их равнодушного бога.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Пока молодые боги пребывали в метаниях и поисках, люди в ожидании прихода весны не сильно тревожились, они

пекли жаворонков, готовили разные вкусные угощения, меду варили. Все это приносили в храмы Услада, Купалы и Коляды – не хотелось обижать ни одного из богов и беду кликать.

Они просили, чтобы весна была теплее и радостнее, чем бывшая в прошлом. Как же хотелось понежиться на солнышке, ведь праздники так прекрасны и желанны после долгой стужи. У многих не хватало сил их дождаться, кто-то умирал от бессилия, но остальные рвались вперед.

– Бедные люди, – усмехнулся Купала, – они так хотят весны и тепла, как же мы можем сказать им, что на этот раз всего этого может и не случиться?

– Мы не можем так с ними поступить, – отвечал ему Коляда, когда они наконец достигли чертогов Даждьбога.

В тот момент, когда Даждь запустил их в свои владения и молча выслушал все, что они ему хотели сказать, Продо уже стоял перед Перуном в другом дворце и рассказывал ему, путаясь и сбиваясь, что все боги обыскались Зимцерлу. Если Перун не поторопится, то Даждь снова возьмет над ним верх, тогда ему не выбраться наверх, он всегда будет только вторым, и хорошо если вторым. Велес тоже не уступит ему своего мира, хотя и кажется он добрым и ласковым.

– Ты говоришь об этой троице добрых молодцев. Но как им можно верить, если они искали ее в моем дворце. Они только делают вид, что ищут, а я не собираюсь за ними гоняться, и не хочу стать посмешищем. Вот Сварог позабавит-

ся, когда узнает, что мы все тут устроили, пока он неустанно трудится.

Продо и подумать не мог о том, что ему придется объясняться так долго. Но он был упрям и терпелив, и когда Перун узнал, что Кашей вместе с Дидом пропали, и их пришлось запереть в Кашеевом замке, то Перун переменялся, стал понимать, что это не просто суета сует. Продо шел по верному следу, и надо проверить, что творится в Кашеевом замке. Но он никак не мог решить, что ему нужно делать – броситься за ними и ворваться в замок или отправить туда кого-то другого. Спешка никогда ничего хорошего не давала.

Громовержец странно растерялся в последнее время.

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

А тем временем Сварог в своих покоях отдыхал после упорного труда – никто не мог заменить его в небесной кузнице, а дел становилось только больше. Чем больше он творил, тем больше следовало сделать еще.

Он только теперь заметил, что мир странно переменялся. Зимцерла так нигде и не появилась. Все двигалось к концу света, к бесконечной зиме, а покрытый снегом и льдами мир быстро перестанет существовать, в том он не сомневался, никакого небесного огня не хватит, чтобы его обогреть, и даже огня подземного будет мало, если не наступит весна, и Кашея не удастся снова под землю загнать.

Если молодые боги не поторопятся, то потом будет поздно. Он слышал о том, что Продо был у Перуна, и они навер-

няка захотят вмешаться. Тогда получится, что и его все труды были напрасными. Когда ему удалось поговорить с прорицателем, зашедшим к ним на пир, тот сразу сказал, что на пути у его мира будет три страшных препятствия. Как первое, так и второе и третье могут оказаться последними. Тогда и можно забыть о своем творении.

– Ты можешь остановить каждое из них, но не только от тебя это будет зависеть, – говорил белый старик, – гибель богов – вот что ждет и этот мир, но в твоей власти сделать так, чтобы это не наступило как можно дольше.

Теперь Сварог чувствовал, что он стоит у первого рубежа. Если они переживут все это, то останется еще два испытания, и хорошо бы дожить до третьего, а потом всякое может случиться.

Надо идти вперед и двигаться до конца, потому что дорогу может осилить только идущий.

Глава 16. Коварство Лады

Даждьбог долго позволял себя уговаривать. Но он понял, что для него это так же важно, как и для остальных. Тепло не дойдет до них, если не наступит весны. Они позабудут о нем, и он перестанет быть богом. Допустить этого он никак не мог. В последний миг, опомнившись и передумав, он решил все бросить и одним движением своего волшебного жезла остановил движение Кашеевых замков.

Боги смотрели на это действие спокойно и удивленно. Они и не подозревали, что у него было такое могущество. И не важно, какой волшебной силой обладал сам жезл, он и сам мог действовать на свой мир.

Вторым движением он заставил исчезнуть все призраки, в которых любому было так легко запутаться. Перед ним оставался только один замок – настоящий, он не мог пропасть из вида. Там и была Зимцерла и сам Кашей, и плененный им Дид.

Когда Продо вместе с Перуном наконец добрался до него, все уже кончилось. Кашей напрасно пытался спрятать свой замок, запутать следы, сделать его невидимым. Его чары были так слабы, что ничего не получилось. Он исчез мгновенно, а потом появился снова. Даждь легко и просто противостоял старику и вышел из этого поединка победителем.

Перун тоже мог бы вступить в поединок, но слишком мно-

го глаз было устремлено на него. Он не мог действовать под этими пристальными взглядами. Продо неожиданно лишился его поддержки и остался совсем один.

Даждь все еще удерживал замок на месте в зоне видимости. Он отбросил Кащея как можно дальше, чтобы тот не путался под ногами и не мешал ему действовать..

– Остальное делайте без меня, найдите Зимцерлу и разбудите ее, это не так сложно.

Сам он отправился прочь, словно его тут и не было.

NoNoNoNoNoNo

Боги ворвались в замок и освободили пленницу. Она лежала на ложе странно бледной и потрясенной. И только от прикосновения перстня Велеса она пробудилась, оглянулась вокруг.

– Мне казалось, что я никогда не вырвусь отсюда, но он не посмел меня даже пальцем коснуться..

Потом боги услышали вопли Дида. Пришлось притащить туда брыкавшегося Кащея, чтобы он раскрыл хитроумный капкан. Это было сделать вовсе не так просто, как думали сначала. Дид так обессилил за это время, что пришлось перекинуть его через коня и так и отправиться в путь. Он даже не противился этому, потому что знал, что не удержится в седле.

Он только тихо ворчал о том, что с ним поступили жестоко, и его почтенный возраст не заслуживает такого обращения. Но юные и прекрасные боги не слышали ворчания ста-

рика, они сделали свое дело и теперь могли гулять смело. Весна наступит в свой срок – это самое главное.

Даждьбог следил за ними и улыбался. Хотя они ни разу даже не вспомнили того, кто так здорово помог им недавно. Но он не сердился на них – главное, что дело сделано. А вот Кашей не был так великодушен и спокоен, как Хранитель света. Он не мог понять, как этим юнцам удалось снова его перехитрить. И почему они его вроде не заметили, даже в плен не взяли, словно бы он пустое место, а не грозный бог холода и смерти.

Равнодушие ли победителей ранило Кашея или было еще что-то, но все казалось такими обидным и горьким, что хотелось выть как зверю дикому от досады. Ему оставалось только укрыться в своем замке еще долгое время, оставался он в одиночестве и тоске зеленой. Это и казалось ему невыносимым. Они должны были бегать вокруг него, исполнять любое его желание, а вместо этого он теперь был тише воды и ниже травы, да еще и девицы прекрасной, хотя и печальной лишен.

До весны совсем не оставалось времени. О нем они успели позабыть.

Но не только Кашей, и богиня Лада почему-то не радовалась освобождению и появлению Зимцерлы. Она ревновала и злилась, видя, что девица затмила всех и даже ее саму, а это трудно перенести даже богине Гармонии. Значит, только тот, кто нарушает какие-то правила и может быть в центре

внимания – это несправедливо и очень обидно. Когда люди на земле стали праздновать наступление весны и освобождение Зимцерлы из Кашеева плена, Лада ничего не сказала даже своей любимой дочери Живе и гордо удалилась.

Ее не было на том празднике. Весна без любви казалась какой – то странной и даже немного печальной. Но веселившемся от души люди и боги заметили это не сразу.

– Еще одна хочет быть украденной, хочет, чтобы ее уговаривали, – усмехнулся Купала, когда все шумно выбирали себе невест и жен.

– Ну и пусть пока мы без нее обойдемся, а потом Лада сама вернется, никуда она не денется, – говорил ему Услад.

Ему, как и всегда, досталась самая очаровательная девица. И только Коляда хотел броситься за Ладой, но его окружили берегини и он сразу же влюбился в одну из них, и забыл о богине. Напрасно Лада ждала – ни один из молодых богов не последовал за ней, даже верный Лель не бросился ее искать, он играл на своей флейте какие-то то веселые, то грустные мелодии и оставался вместе со всеми.

– Они уверены, что могут обойтись без любви, – размышляла богиня.

Она ждала, Лада всегда умела ждать.

Весенняя ночь оказалась очень короткой, особенно для тех, кто самозабвенно предавался страсти. Но влюбленные не сердились на Зимцерлу и Дажьбога. Они радовались тому, что все получилось, наступила весна. И не стоило тре-

вожиться, печалиться, пугать своим унынием и нытьем прекрасную девицу. Весна продолжала радовать всех, кто жил, верил и любил в те дни.

Глава 17. Старые обиды

Не только богиня Лада исчезла и решила не появляться в те дни среди богов, духов и людей, забывших о ней и не даривших ей своих блинов и жаворонков.

И Славен – первый князь на земле не испытывал ни радости, ни веселия, особенно в ту ночь, когда другие боги спустились к людям и решили пока с ними оставаться. Он грустный, порой мрачный, словно темная туча, вглядывался в светлые, счастливые лики молодых богов, ходил вокруг веселившихся. Сразу видно, что душа его надорвалась от горечи и обиды.

Никто не убережет его от разочарования. Они оказались выше его, а Славен, сброшенный на землю только и мог теперь заискивать перед ними. А ведь были времена, когда они и посмотреть в его сторону боялись, знали каким дерзким и коварным может быть старший сын Морены. Он мог взлететь в один миг так высоко, что до него и не дотянуться, но этого не случилось, на его беду.

Волхв говорил ему не раз, что эти земли, в честь него будут называться славянскими, от самого Волхва пойдут все чародеи на свете, и они немало сделают для этого мира.. Но от этих слов он только кривился, и понимал, как мелко и ничтожно все, что происходило на земле с ними.

Когда, навестив его, Морена поведала об исчезновении

Зимцерлы, он даже порадовался, зная, что на мир падет мгла и зима будет долгой и страшной. Если даже он исчезнет, этот мир, то сам Славен все забудет и вернется снова на небеса. Тогда и от позора его больше не останется следа, пусть исчезнут славянские земли, ему до этого не было дела.

Но Зимцерла нашлась, они все не дали миру погибнуть, князю Славену только и оставалось направиться на княжеский пир, и никак не мог Славен заставить себя радоваться тому, что происходило вокруг.

Славен заметил, что никто не жаждет даже приблизиться к нему, сказать пару слов. Это разозлило его еще сильнее. Но одна из берегинь все-таки сказала, что его искала богиня лесов Зевана, и очень хотела с ним встретиться. Он напрасно искал ее, но служанка робко сказала, что богиня принесла и оставила младенца. Яростно сверкнули глаза Славена:

– А это еще для чего?

– Это сын богини, он не должен погибнуть.

– Если он сын богини, то не равняй его со смертными, он не погибнет никогда, – резко произнес князь. Девица бросилась прочь.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Славен усмехнулся.

Вот и подарок на праздник. Пусть все думают, что во дворце появился сын богини, но он не сомневался в том, что этого ребенка родила вовсе не богиня-девственница. Она бы никогда не принесла ему своего ребенка. Видно кто-

то из девиц рассказал богине о связи с ним, или просто уговорил отправить к нему ребенка, надеясь, что здесь ему будет лучше.

Так в мрачном его дворце, порога которого не переступала ни одна из наложниц, и появился младенец.

Князь продолжал считать свое жилище капищем для бога, а не княжескими палатами, но и в капище порой появляются брошенные дети. От своего сына Славен отказываться не собирался, и, судя по предсказаниям, парень этот станет чародеем – а это важно для него. Только нужно следить, чтобы он не стал его врагом, и не поднял меч, а то и колдовские чары против отца своего. Об этом ему еще в Свароге твердили богини, даже Мокошь сама о чем-то намекала. Но им нужен был герой, иначе скоро и с Кашеем справиться никто не сможет, если пока удалось отбить Зимцерлу, то в следующий раз он вместе с Нием придумает что-нибудь такое, что и весна не наступит.

Ребенка он сразу назвал Волхвом в честь старика, который помогал ему в самом начале из последних сил. Вот теперь ему и придет на смену этот сильный и упрямый малыш. Но врагом или помощником он станет для людей, это пусть они сами решают потом, когда настанет его срок покинуть землю и отправиться в Пекло к Нию.

Так решил свою судьбу Славен, назад в небеса он возвращаться не собирался, уж лучше у Ния во тьме, чем рядом с Перуном на небесах.

Но настроение у князя изменилось. С появлением младенца он понял, что сможет еще что-то сделать для этого мира, или хотя бы отомстить ему за своего унижение и изгнание. И кто бы мог подумать, что такую перемену в его беспутной жизни совершит любимая дочь Перуна – Зевана.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Никто из богов и богинь не удивился тому, что Зеваны все еще не было на празднике, хотя он подходил к концу.

Сама же богиня услышала пронзительный детский крик, когда двигалась к замку Славена. Кричала женщина. Она решила, что кто-то из ее любимых волков напал на несчастную. Но никакого зверя, даже духа его не было поблизости. В траве же каталась молодая девчонка, которая должна была родить ребенка, уж в этом богиня не сомневалась, не в первый раз помогала вместе с рожаницами таким девицам. Но на этот раз та была в одиночестве, и ничего ей не осталось делать, как остановиться и помочь несчастной. Ей хотелось, чтобы появилась Жива или Леля и помогли ей, но ждать она их никак не могла. Вот и приняла на руки ребенка, и завернула его в свою нижнюю юбку, ничего другого не было под руками.

Мальчик был таким большим и красивым, что сразу ясно, не пахарь был его отцом, скорее всего Коляда или Ярила провели с этой бабой сладкую ночь, вот и появился он на свет

Но женщина умирала, богиня не сразу это поняла, а когда

поняла, было уже поздно. Она только твердила, что нет никаких родных.

Если бы за спиной у нее не появилась Морена (когда зовешь Живу, ее черная тень появляется охотнее и быстрее, то Зевана оставила бы младенца себе)

– Неси его к Славену, это наш внук, – заявила она, и, наконец, ведала, о чем говорить.

Спорить с Мореной не стал бы никто, а Зевана и подавно, она подчинилась, и с младенцем направилась в замок старшего сына Морены.

Зевана не хотела ему оставлять малыша, с которым у нее столько было связано, она оглянулась на Морену, которая следовала за ней, и поняла, что не стоит хитрить. От этого всем будет только хуже. Богиня решила, что найдет себе другого ребенка, мало ли что в лесу еще случиться может. Этот пусть остается со Славеном, она будет видеть, как он растет и мужает.

Так на руках у служанки в княжеском дворце малыш и остался. Морена решила, что не станет пугать глупую девицу, и тоже удалилась незаметно.

Глава 18. Праздник без Лады

Зевана оглянулась вокруг и удивилась, не только в лесу, где она оставалась с младенцем, но и тут, на празднике Лады нигде не было видно.

Может ее задержало что-то случайное, но не слишком ли много случайностей для одной ночи? Она догадывалась о том, что там было что-то другое. Как странно то, что такой праздник проходил без богини Любви и Гармонии. Но почему заметила это только она одна? Остальные даже и вида не подали, а ведь в первый раз за все время не было с ними Лады. Но как же скверно выглядит страсть без любви, какие все чувственные и грубые и далекие, люди так окончательно испортятся, пройдет немного времени.

Нет, и не может быть той красоты и величия, которая появляется, когда любой царит в этом мире. Они все стали ей совсем не интересны. Она решила взглянуть на Славена. К нему пришла служанка, богиня знала заранее, о чем эта девица будет с ним говорить. Но как в тот миг переменялось его лицо, какой внутренний свет озарил его в одно мгновение. Словно он увидел что-то таинственное и прекрасное.

Он должен был обрадоваться, хотя эта весть заставила его глубоко задуматься. Он даже не заметил, как три молодых бога забрали трех самых прекрасных девиц и с ними удалились. Но он не откликнулся, когда одна из девиц его позвала.

Зевана решила, что с ним все в порядке и перестала за ним наблюдать. Она могла отправиться прочь.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Богини Лады по-прежнему не было на празднике. Но она хотела отомстить счастливой и беззаботной Зимцерле. Когда перебрала всех богинь, которые могли ей в том помочь (ей не хотелось признаваться, что сама она к происходящему была причастна), то Лада остановила свой взор на дочери Морены Мерцане.

Для ее мести трудно подобрать кого – то более подходящего. Все подозрения падут на нее. И хотя союз богини любви и богини смерти на первый взгляд казался чудовищным, но Лада решила, что один единственный раз она обратится к ней за помощью, больше такого не повторится.

Но разве нам не ведомо, как часто любовь шла рядом со смертью, именно от такого союза и рождались самые печальные и самые прекрасные в мире истории, которые оставались в веках..

Но все это произошло гораздо позднее. Тогда же Лада в первый раз обратила свой взор к Марцане. Она кратко рассказала этой темной девице, что нужно было делать и как поступать.

Потом, говоря о Ладе все утверждали, что любовь не может быть коварна, она добра, терпелива и справедлива, но сами они, да и мы с вами убеждались, что она может оказаться какой угодно. Она приносит часто не меньше горести, чем

радости.

Бес знал и понимал больше, чем глупая и злобная Марцана, которая только и думала о том, что Морена все переложила на ее хрупкие плечи, а сама давно забыла обо всех делах, только и ведет какие-то странные игры.

Она сердилась, видя, что богини о ней вспоминают только тогда, когда им что-то от нее нужно, пользуются ее добротой и услугами, а с ней и не считаются. Вот об этом она и говорила с бесом, решив, что не Лада ей это внушила, а она сама придумала это злодеяние.

– Я уничтожу все их посевы, тогда они повеселятся на своих праздниках, когда от голода пухнуть начнут.

Бес знал, откуда дует ветер, но решил быть настойчивым, он бросил ей вызов, зная, что никто другой на такое не решится.

– Хорошо, – рассуждал он вслух, – тебе все это удастся, но что будет потом, ты подумай об этом.

– А ничего не будет, пусть рыдают и умоляют меня, чтобы все наладилось, стало прежним, – самодовольно заявила она.

– Это если выживут, а если нет, то и молиться некому будет, – разметил он ненароком.

Услышав такие речи, Лада вздрогнула. Она не ожидала, что бес так нагло вмешается в происходящее, сначала просто хотела отшвырнуть его прочь, но не надеялась, что он так просто убежит, исчезнет. Будет противиться, тогда вообще трудно от него что-то ждать. И весь мир узнает, что она за-

тевает.

Она решила разобраться с ним позднее, а пока надо о деле подумать.

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

Бес нюхом чуял, что не стоит идти против Лады в открытую. Он один против богини любви, да еще и богини смерти в придачу – это уже перебор. Но для чего существуют окольные пути? Он не собирался отступать и сдаваться. Пусть они творят свои черные дела, и думают, что непобедимы, но как они запоют потом, когда убедятся, что ничего у них не вышло.

Тогда он и привел на засеянные поля первых духов – Домовых. Они всегда были добряками и отзывались, куда бы он их не позвал. Он заставил их зорко охранять посевы, чтобы никакие морозы, никакие слуги Стрибога не могли их уничтожить.

Как ни старался грозный бог ветров. Как не носился он без устали по полям, но они были покрыты каким – то странным дымом, холод висел над ними, но на землю опуститься никак не мог.

Он плюнул в сердцах, понимая, что не исполнит обещания, данного богиням, да и помчался дальше, пусть сами с этими духами борются, сколько захотят, а у него и других дел полно.

Глава 19. Лада одна

Так постепенно Лада осталась одна.

– Люди не умрут от голода, – с грустью подумала Лада.

Хотя она ведала обо всех стараниях Стрибога и не могла понять, почему ему так ничего и не удалось сделать. Тут была какая-то странная тайна, о которой она не могла догадаться, хотя похоже, разгадка была близка.

Но кто посмел обмануть ее, может это Марцана обманулась в последний миг, но ей не хотелось верить, что кто-то просто взял и предал.

От бессилия богиня все больше злилась, уходила в тень, убеждаясь, что предатели кругом, и они торжествуют. А тут и Марцана – юная богиня гибели, ворвалась к ней:

– Скажи мне, ты понимаешь то, что происходит, отчего она решила, что может поступать, как вздумается?

– О ком ты твердишь? – удивилась Лада, не зная, можно ли ей доверять. Что она ведает, и почему так сердита?

– Я говорю о матери, она бесится оттого, что мы с тобой заключили союз, она все время твердит, что я не должна доверять тебе, но разве так можно жить?

Лада сразу заметила, что девица бесхитростна, но за ее спиной стоит кто-то сильный и властный, хотя и старается оставаться незаметным.

Странно, что она сама о том прежде не думала, ведь это

могла быть ее мать – в последнее время Морена ушла в тень. Но богине коварства это и не могло понравиться – то, что они пытались забыть о ней.

Но Лада думала о другом – могли ли они бороться с ней, особенно если она была так сильна. Надо сделать вид, что ничего не случилось, ведь и сама Лада вела себя странно в последнее время. Но злодеяния ее каким-то образом раскрылись, и даже Белбог, всегда благодушно настроенный, не удержался и стал упрекать ее в том, что она оказалась такой беспечной и жестокой.

– Любви в мире и без того так мало осталось, а если и ты черным богиням помогать станешь, что с нами со всеми делается?

Она понимала, что он прав, и только бессильно махнула прекрасной рукой, прося о пощаде.

– Все мы совершаем промашки, а что тут сделаешь, как знать, что правда, а что кривда.

Он только молча улыбался. Искушение отомстить кому-то, ревность, зависть, – разве боги не переживали все то же, что позднее они передадут и людям. Вот тогда он и попросил у Сварога, чтобы тот населил мир разными духами.

– Их должно быть много и разных. Иначе нам не управиться с людьми, – твердил Белбог, которому до всего было дело. Богини тоже могут капризничать и заблуждаться, вот пусть духи и защищают людей.

Бес поддерживал его очень горячо, ему давно были ми-

лы эти создания, а когда они останутся на земле, то всем будет спокойнее, потом с них и спросить за людей можно будет. А он станет управлять ими, и хотя дело это хлопотное, но разве бес с ним не справится? Да очень просто справится.

Мир становился со временем все многограннее и сложнее, и это было забавное и интересно. Он заглянул к Полевикам, которые в то время делили между собой поля, а Лешие уже отправились в леса, и старались выбрать себе самые лучшие, так и пошло все плодиться и множиться.

Надо было посмотреть, кому из них достались озера – ведь это очень важно, когда Змеи начнут захватывать воду, то им надо будет давать отпор.

Работы тут было немерено, но если появились духи, то и ему со всем с этим будет легче и проще управиться.

Как говорит кот Баюн – глаза боятся, а руки делают, – это он для людей придумал, но и для духов тоже подходит. Можно будет не торопиться везде поспеть, копыта его стираться перестанут, и будет он с высоты созерцать на то, что вокруг творится.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Когда устройство мира и разведение духов было в полном разгаре, не только Лада, но и другие боги поняли, что им не так просто стало действовать, как бывало в старые и добрые времена.

Они сами не заметили, как оказались перед невидимой преградой, все как-то осложнилось в один час. Они поняли,

что землю захватил маленький и рогатый тип. А они еще помыкали им и не ставили в расчет, вот и доигрались. Хорошо смеется тот, кто смеется последним, а это наверняка будет бес.

Глава 20. Взгляд на землю

Пока бес занимался благоустройством на отвоеванных у Хаоса землях и насаждал ее всевозможными духами, любовно их сотворив и выращивая, следя, чтобы они нормально размножались и приносились пользу каждый на своем месте, он смотрел, чтобы было их именно столько, сколько нужно для дела, а между тем жизнь шла своим чередом, весь мир менялся на глазах.

Везде появлялись внезапно разные духи, но чего-то ему для полного счастья все-таки не хватало. Он задумчиво бродил около реки, и чувствовал, что там чего-то тоже не хватает для полного счастья.

И вот тут пред ним и раскрылась странная картина

Юная и прекрасная девица, а может молодая женщина – издалека трудно было разглядеть, бросилась с обрыва. В тот миг, когда воин замер над пропастью, она была уже в воде и пошла на дно. Кажется, у него недоставало храбрости за ней отправиться. Было довольно холодно, да и вода ледяная. Может девица попугать его собралась, и тонуть она во все не собиралась.

Но разбираться бес не стал, на глазах у насильника она превратилась в русалку, и не потонула, а осталась с прежним лицом и руками, только вместо ног у нее был хвост, который помогал ей плавать. Но почему не обрадовался этот человек,

почему в ужасе он отшатнулся.

Бес решил проверить и подошел ближе к девице – может быть, что-то страшное случилось. Он внимательно взгляделся в девицу. Если не считать хвоста, она казалась самой обычной, и только пристальнее взглядевшись, он понял, что так испугало мужика – она была такая бледная, белая, что любой испугался бы, от этой белизны красота казалась зловещей.

Сам он на все насмотрелся, а вот человеку узреть, как живая девица превратилась в русалку, для этого надо было мужество иметь. Но пусть помучается немного, пусть снится она ему глухими ночами, может тогда поймет, что силу свою богатырскую не везде применять должно. А эту девицу он уже никогда не забудет, озеро стороной обходить станет. А неведомая сила все равно будет толкать его к этому гиблому месту все время.

Бес готов был признать, что на этот раз шутка получилась скверная, даже сам поморщился немного, но Водяному того озера девица так понравилась, что он попросил сотворить ей подружку, и не одну, а несколько.

– Мое царство преобразилось, – говорил он, – теперь и жизнь будет течь по-другому, только ты уж постарайся, милочка рогатый.

Ничего против таких стараний бес не имел, он и поведал заклятие, при помощи которого любая утопленница могла русалкой сделаться.

– Только она сама к тебе прийти должна, если ты станешь

девиц во время купания к себе насильно тащить, то как у того воина, ничего у тебя и не выйдет сроду, – предупредил бес Водяного.

Он прикинул, что Водяной может увлечься не на шутку, и тогда бед с ним не оберёшься, а бесу лишние хлопоты совсем не к чему.

Водяной радовался, что такую тайну открыл, на все был согласен. А впереди у него было немало времени, наверняка еще немало девиц прибежит к нему, ища спасения от надоедливых женихов, от позора какого, от Кашея, любившего их воровать, от самого Змея Горыныча.

Он приготовился ждать и воспользоваться заклятием, которое ему открыл бес. Они оба остались довольны друг другом.

Бес радовался, что Водяному понравилась дева – его неудачное творение, а тот получил все, чего ему не хватало.

Если кто-то и не был доволен новыми порядками на воде – так это Морской царь – он твердил, как заведенный, что после появления сотни водяных, да еще и русалок, которые размножаются, как грибы после дождя, у него забот точно прибавится. А кто может справиться с такой оравой, да еще поддерживать порядок на бескрайних водных просторах?

Долго пришлось бесу убеждать и уговаривать его, принять слуг верных. Если он поведет дело правильно, то не труднее, а легче ему станет жить на белом свете.

– Все должно быть разумно, они станут делать то, что ты

потребуешь, а ты лежи только на солнышке, да указания дай, и смотри, чтобы правильно исполняли, я тебе еще посланников дам дюжину, если сам бегать и летать не желаешь.

Царь Морской от посланников пока отказался, но понял, что со всеми остальными придется как-то уживаться, убирать и прятать он их не станет. Да в глубине души он давно согласился с бесом. Ведь настоящему царю нужны слуги верные и примерные. Стал царь морской преодолевать созданные бесом трудности, и вскоре так преуспел в этом, что без всех Водяных жизни и не представлял. И как он прежде мог без них обходиться?

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

Расправившись с водами и водяными, понимая, что Зевана чувствует себя в лесах вольготно, он решил ограничить ее власть.

Старички – добрячки возникли почти во всех лесах сразу. Они должны были следить за этим хозяйством, за животными и птицами. Хотя на вид они казались маленькими и добрыми, но это только видимость, на самом деле они были могучими. И грозные львы, и свирепые вепри, и коварные лисы, все чуть раньше или позднее подчинились Лешим. Те, кто подчиняться не хотел, просто стали держаться от них подальше. Так в мире лесов был наведен какой-то порядок.

Зная, чем закончится бунт Царя Морского, прозорливая Зевана решила пока не замечать новых своих помощников и охранников. Но притеснений им от нее никаких не бы-

ло точно. Мирно и тихо продолжалась жизнь в лесах. Все пришло в порядок. Иногда, когда богине становилось грустно и скучно, она ради развлечения пыталась проказничать. Но Лешие объединялись и давали ей отпор. Так и стала ясно, что один в поле не воин, если даже ты и богиня.

Глава 21. Заговор Домовых

Когда был наведен порядок на небесах и на воде, а поля уже заселили Полевики, то черти переключились на людей.

И там ждало нашего беса интересное открытие. Черти посоветовались и решили, что дома людей должны надежно охраняться, потому что пожар, другой человек, еще какая беда может в одночасье разрушить все, что создавалось годами.

Вот и за детьми нужен глаз да глаз, а они по меркам духов, росли слишком медленно, не один год пройдет, прежде чем они встанут на ноги и смогут что-то сами сделать. Надо было каких-то духов туда определить. Хотели сначала чертей в жилища к людям поселить, но те наотрез отказались. Они привыкли быть вольными и независимыми, и никак не хотели неустанно следить за людьми, да еще все время оставаясь с ними рядом – это уж слишком.

Бес посмотрел на их хитрющие физиономии и понял, что они все сделают для того, чтобы их вернули назад в лес, руки-ноги поломают, людей изувечат, а вернуться к себе снова, потому что вольному воля.

А тут и выяснилось, что в некоторых домах уже появились обиженные, что-то и кому-то стали доказывать.

И тогда, чтобы все это утихло, и позвал бес душу первого хозяина того самого дома, и попросил его последить за тем,

что у него в доме без него творится. А тот самый Дух и остался там, уже уходить не захотел.

– Домовой, – у нас есть Домовой, – верещала Кикимора, влюбленная в этого человека, когда еще он был жив, и за ним она с радостью последовала без оглядки.

Бес понял, что должен поступить так и с другими духами, а что им в Пекле прохлаждаться, пусть в своих домах остаются.

Они были, конечно, особенными, на других духов, никогда не бывших людьми, не похожими, но все-таки они были духами. Да и людей знали лучше, понимали, как с ними управляться нужно без всякого труда и забот.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Домовых становилось все больше, бес успокоился только тогда, когда у каждого жилища уже был свой хозяин.

В один прекрасный миг, бросив клич и собрав всех Домовых на лесной поляне, бес строго-настрого наказал им, чтобы они следили за людьми, не позволяли им забываться, и были верными помощниками.

– Уж если за богами нужен глаз да глаз, то с этими еще труднее. Каждому из вас не так уж много людей достанется, справитесь, а если что-то не так, чертей на подмогу получите.

Последнее не понравилось Домовым, они уже успели узнать чертей неплохо, но разве не на это и надеялся бес.

– Люди пока неразумны, коварны и злы, а вы не просто

за печкой лежать должны, да мух считать, а все знать, все разуметь, и не дай, Велес, что-то страшное со всеми с вами случится – приключится.

Он поднял палец вверх и посмотрел на небеса. Там плыли облака, где-то далеко обитали, ссорились и мирились боги, но Домовым было ясно, что до них высоко и далеко, а бес всегда был рядом, до него рукой подать, и звать не надо – сам явится. Он все видит и все знает.

Если кто-то из Домовых и возмущался, то очень тихо, так, что никто его слышать не мог, а остальные и вовсе помалкивали. Бес, знавший всех духов, этими был доволен.

Домовые остались довольными тем, что он для них припас в этом мире.

Правда, им все больше досаждали Кикиморы, расположившиеся рядом, в тех же домах. Но без них, когда Кикиморы куда-то отлучались, Домовые уже скучали. Постепенно поняли, что с ними плохо и суетно, а без них еще хуже, и как-то примирились.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Разве можно углядеть за всем хозяйством сразу? Вот тут – то и случилось первое недоразумение. Без внимания пока бес оставил Банников. А так как любое сооружение пусто никогда не бывает, кто-то да туда проберется и там останется. А в бане почти как в доме были печки, вода и огонь и много желающих оказалось там поселиться.

Кто-то из чертей уверял, что без бани он и дня прожить

не может. И хозяйство это оказалось удобным. Люди там появлялись довольно редко, в строго отведенное для мытья время. А в то время когда они туда и нос не сунут, можно было пировать, принимать гостей, и постепенно там стали появляться Домовые с самими скандальными характерами, которые с людьми ужиться никак не могли. Забросив дома, с Кикиморами разругавшись, они и спешили бани занять, кто кого опередит.

Там стали происходить такие пирушки, такой шум да гам, что постепенно люди стали пугаться да шарахаться от них, никто туда больше не ходил. Так постепенно все и налаживалось в этом мире.

Странники, застигнутые ночью около бани, никогда там не оставались, они готовы были под открытым небом мерзнуть, но не ночевать там.

Так бес и обнаружил особую группу духов, с которыми он сам не справлялся порой, такими противными и скандальными они оказались.

И Банники стали охранять добродушных Домовых и дружили и с лесными духами, которые часто к ним заглядывали. Банники же успели усвоить, что и сам черт им не брат, вели себя дерзко и независимо, иногда их приходилось наказывать, но до всех руки беса не доходили. Сколько раз они бросались головешками в людей, в ярости бани сжигали, и сказать было трудно. А порой с чертями дрались так, что только клочки шерсти летели прочь. Все побитыми, поломанными

оказывались. Но доставалось не меньше и им самим в этих потасовках. Но глядя со стороны, могло показаться, что это их только веселило, никаких хлопот им не доставляло..

Хозяйство в поселках у людей разрасталось, а у беса и по-давно, и всегда находилось, что можно изменить и исправить, главное, чтобы это было во благо. Никто бы не пострадал из-за происходящего, и стало всем не хуже, а еще лучше.

Бес, окинув взглядом сотворенное, понял, что не хватает одного последнего штриха.

Глава 22. Труды и дни

Бес решил, что предусмотрел он все или почти все, но духов уже было так много, что девать некуда, и только сам он оставался в одиночестве.

Это было несправедливо, вот и стал творить Мефи еще и мелких бесов, черти все-таки были ближе к людям, а ему хотелось себе помощников создать.

Все это было рискованно, если Банники такими суматошными оказались, что же ждать от бесов? Были они достаточно мелкими, самый большой из них не доставал ему до плеча, но это – то и было самым страшным, маленьким всегда проще и бегать и прятаться. Нет, с чертями их путать никто не собирался. Но вот и следить за ними оказалось не так просто.

Но коли уже сделал, выпустил в мир, то, что теперь напрягаться и волноваться, надо было наоборот как-то с ними выживать и уживаться.

Остальные духи поняли, что все усложняется с появлением бесов.

Коли с одним Мефи никто из них не решился бы связаться, то тут и говорить не о чем. Но со временем, как и всегда, бывало, все немного успокоилось и утряслось.

Нашли они надежное и дальнее болото, там расположились, и хотя ленивы они были до невозможности, но все-та-

ки все было терпимо.

Нашли они болота, тихие омуты, где-то с чертями там перепутались, залегли надолго, добраться до них было почти невозможно, дозваться их никому не удавалось, только когда Тугарин однажды на них свалился, только тогда они и опомнились на миг.

Водяные и Болотные, там, где они появились, считали, что не стоило будить Лихо, пока оно спит, вот их никто и не тревожил.

Время проходило в тишине и покое, но ведь это должно было им надоесть рано или поздно. Но когда им надоело спать, и одолевала жажда бурной деятельности, тогда на них не было удержу, приходилось волчком вертеться, что-то предпринимать.

Они готовы были взбудоражить всех духов, загнать в угол, из того угла не выпускать. Но одна была беда, перепутались они с чертями, стали всех так называть, и ничего с этим не сделать. Но достать до них духи не могли, оказались они в полной безопасности, за чертой чувствовали себя спокойно.

Никто, даже сам бес не мог знать, где они находятся, где их можно искать. Вот и чувствовали они себя вольными и беззаботными.

И сам всегда годившийся этим, бес никак не мог пережить, когда еще у кого-то такое же право появлялось. Только примирился он и махнул рукой на все случившееся.

Пойманные им и собранные из всех укрытий бесы должны были исполнить все его требования. Но они обещали и себе и всем, что в следующий раз не позволят собой понукать. Спрячутся так, что никто их отыскать не сможет. Но так же думал и бес, он не собирался позволять им вольничать, зорко следил за тем, что творится.

NoNoNoNoNoNoNoNoNo

Боги внимательно наблюдали из Сварога за теми переменами, которые совершаются на земле. Многие были недовольны тем, что творится. Они не понимали, для чего там нужно столько духов, что будут с ними потом делать.

Но приходилось примириться с тем, что там творилось.

Только Дажьбог со своей высоты за ними равнодушно наблюдал, и не было ему никакого дела до того, что творилось.

Люди, боги, духи, все они одинаковы и ничем друг от друга не отличаются. Всем нужен свет, тепло, они не смогут без него обойтись. Стоило ему исчезнуть, и все они будут звать его назад.

Но если кто-то относился к бесу с сочувствием, то это был Сварог – он понимал, что именно бес им подарил весь этот мир. Это значило, что ничего не исчезнет со временем.

Бунт был ему чужд. В каждом новом деле надо было просто найти что-то хорошее. Какое дивное состояние – покой, бессмертие и вечность проще пережить именно в состоянии покоя. Но надо было верить, что со временем они перебесят-

ся и поймут это сами.

Бес решил больше не увеличивать число духов. Он обратил свой взор к людям, понимая, что там самые главные его проблемы и возникнут. Но сразу стало ясно, что людям нужны помощники, которые будут все время с ними, станут врачевать их тела и души, ведь при ранении оно порой даже остановить кровь сами не могли, должен быть кто-то знающий и умеющий.

Вот набрав их из обычных людей, нужно обучить и передать им секреты врачевания, трав и растений. Тогда они смогут спасти кого-то.

Так впервые возникла мысль о волхвах и колдунах.

Глава 23. Выбор колдунов

Дело оставалось за малым – выбрать колдунов и чародеев, которых люди потом назовут волхвами, уважать и почитать станут больше, чем князя самого, но и бояться будут больше. Ведь князь просто сильнее и богаче других, но его можно свергнуть и отнять богатства. Они же будут обладать теми сокровищами, которых отнять невозможно – они приблизят их к богам самим. Долго думал, гадал, рядил бес, и решил он, что это будет тот самый ребенок – сын князя Святослава – первым из них.

Его недавно принесла Зевана на княжеский двор, сам князь в честь куда-то пропавшего старика назвал его Волхвом, вот и пусть оправдывает свое громкое имя. Пусть он прославится и решит, во благо или во зло употребить свой дар. Но бес уже думал о том, что колдун не должен оставаться один, нужен еще кто-то, чтобы помочь ему в том, и он решил послать второго.

№№№№№№№№

Для забавы или из каких иных соображений, но вместе с княжеским сыном он решил учить обычного мальчишку, потом посмотреть, что из этого получится. Хотя бес понимал, какое грозное оружие он дает в руки мальчика, но ведь риск в данном случае был вполне оправдан.

Бес замечтался, представив себя в человеческом обликии.

Он понимал, что чуть раньше или позднее эти двое узрят мир духов и мир богов. Каким прекрасным и многогранным должен им казаться такой мир, представить это было не просто, но бес постарался.

С Волхвом все было просто, с мальчишкой из простого семейства сложнее, все они казались пугливыми и несмышлеными. Не верилось, что из кого-то из них может получиться что-то стоящее.

Мефи решил отложить это до лучших времен, пока не выводит какая-то баба подходящего парня. Но пока рождались колдуны, обратил свой взор бес на жен и дев славянских.

Тут долго искать не пришлось. На окраине села жила женщина сильная и выносливая. Она с самого начала отделилась от других, знала все травы, могла помочь кому-то, правда, ее никто не боялся, ведь зла она не несла, вреда не причиняла. И звали ее Яга.

Бес давно наведывался к ней без страха, прикинувшись волхвом, рассказывал, чего он от нее хочет получить. Она так пристально на него смотрела, что казалось, разглядела и сущность его под чужими одеждами.

Это не смутило его: пусть видит все, лишь бы помогала ему, когда нужно.

– Мудрость уединения требует, – заговорил он, – я нашел для тебя избушку подходящую в дремучем лесу, сделал там все, что нужно. На берегу озера лесного и будешь жить.

Почти насмешливо смотрел на нее бес. Но это ее не сму-

тило и не испугало совсем, а он бы страх почуял сразу. Так Яга сдала экзамен на ведьму.

Неделя ушла на то, чтобы объяснить ей о травах все, рассказывал ей бес и о ядах всяких, которые в малых дозах лечебными были.

Баба оказалась на диво смышленной, ей не надо было ничего повторять два раза, и как он прежде не замечал, что жены к колдовству больше расположены.

Бес не мог на Ягу нахвалиться, да и собой он был доволен в те смутные дни.

А в граде в те дни все заметили, что старуха, к которой они так часто хаживали прежде за помощью разной, исчезла куда-то. И когда померла дочь воеводы, так и не очнувшись от своей болезни неведомой и страшной, то многие бросились на поиски, но Яга словно сквозь землю провалилась.

Тогда стали они Хоросу щедрые дары приносить, просили отыскать старуху, чтобы лечила она их по-прежнему.

Хорс сжалился над ними, когда у воина заболела любимая жена его, и тот с ног сбился, так не хотелось ему с ней расставаться, то отправил он его в лес, к избушке, о которой в те времена еще не знали и не ведали.

Каково же было удивление бедняги, что он понял, что их потерянная Яга там и прячется, а может просто живет и не тужит.

Когда воин возвращался назад с травами и мазями разными, то благодарил своего бога за помощь. С той поры тро-

пинка в лесную чащу, куда прежде не хаживали, стала знакома многим.

Хотя опасались многие, ведь всякое могло случиться, там и духов и зверей немало было, но все-таки шли, чтобы помочь своим близким. Но сколько они не звали старуху, не просили вернуться на прежнее место, не согласилась она, говорила, что тут ее место, тут она и останется навсегда.

Но именно лес, и эти деревья, и духи давали ей силу, которую она не могла получить в поселке у них.

Все, кто в последнее время навещал Ягу, как самую главную тайну сообщали остальным, что старуха там была не одна, с ней оказалась какая – то странная девица. Никто не мог сказать, откуда она, из поселка ни одна девица не пропала. Но пришла, разыскала избушку, и у Яги прижилась. А та научила ее всему, что знала сама.

Так первая ведьма, в лесу, который в ту пору еще не был заповедным и появилась. Власть ее уже тогда была немаленькой, а со временем и вовсе должна была стать громадной. Вот так все и поменялось в мире, который только рос и развивался в те давние времена

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

А было все так, родила какая-то дева ребенка, и такой страшной и странной ей показалась девочка, что прятала она ее ото всех в какой-то лесной избушке, слезы лила, не могла понять, что с ней станет, когда сама она уйдет из мира или замуж за кого выйдет.

Когда же слухи о том, что Яга нашлась до нее дошли, то и отправила она туда бедную дочь свою. Когда та оказалась в избушке, девица исчезла, словно ее и не было, а девочка пред Ягой и рыжим котом (а это был Баюн) и оказалась.

Девочка пробовала убежать из домика, но неизменно возвращалась, потому что не могла найти дорогу домой, потом она перестала убегать – смирилась.

– Если мать родная бросила меня, то буду я тут жить, – думала не по годам разумная девочка...

Кот вдруг заговорил человеческим голосом, и сообщил ей, что это самое лучшее, что с ней могло случиться, еще немного и все ей завидовать станут...

И не обманул ее кот ученый, он вообще никогда никого не обманывал.

Глава 24. Избушка Яги

Ажбета осталась в избушке на берегу озера, кот был все время с ней, она скоро убедилась, что жизнь в лесу, интересная. А когда смогла видеть и Лешего и Берегинь и Русалок, то и вовсе стала радоваться всем, что происходило с ней в это время.

Девочка очень быстро стала там своей. Никто пугать ее пока и не собирался. Но Яга тоже с улыбкой вспоминала о том, как Ажбета гордо заявила когда-то:

– Я потерялась, но не думаю, что моя матушка станет искать меня, ты же не прогонишь.

Кот так смотрел на старуху, что та махнула рукой, да и позволила ей с ними остаться.

– Оставайся, – только и отвечала она

И Ажбета осталась.

Она вспоминала, какой просторной ей тогда показалась маленькая избушка, сколько всего там интересного было, но главное, конечно, кот Баюн, никогда прежде не видела она такого рыжего, прямо огненного кота, вот и радовалась, что они встретились вдруг. Но тут же на нее взглянула какая-то птица с огромными глазами, таких прежде она не видела.

– Это сова, самая мудрая из всех птиц, – еще птенцом она оказалась у меня с тех пор и не улетает, – говорила старуха, словно желая ей показать весь мир, который был тут.

Волк наведалься в избушку позднее, и Ажбета тогда побледнела, но он оказался таким славным парнем (волк и на самом деле был не простой а заколдованный), что Ажбета тут же прониклась к нему доверием, и они быстро стали неразлучными друзьями.

Это вам не иноземная сказка про бедную Красную шапочку, которую говорят такой же волк слопал. Наш девочками, да еще ведьмами не питался.

– Волк будет охранять нас, – при первой встрече говорил кот Баюн, – у людей есть собаки, а у нас вон такой волчище.

№№№№№№№№№№

Ажбета была не слишком послушным ребенком, но кот и волк вместе приглядывали за ней, и никакой беды ни тогда, ни потом с ней не случилось, хотя и могла бы быть беда.

Через несколько недель та самая женщина, бросившая ее, тайком пришла к избушке, чтобы взглянуть на свою дочь, посмотреть, что с ней стало, но когда она увидела волка рядом с ней, девочка с ним спокойно разговаривала, то не смогла к ней приблизиться.

Вот и побрела она назад, понимая, что все у ее дочки ладно, только у нее словно бы душу вынули, так скверно было и тяжело. Она не знала, что баба Яга ее видела и только головой покачала – какими неразумными бывают непутевые девицы.

Девочка в тот вечер рассказывала, что едва не утонула в болоте, когда побежала за красивой бабочкой, но волк ее

спас, оказался там, где она попала в беду.

– Это тебе будет наука, – говорила Яга, – нельзя никому доверять, особенно красивым и беззащитным, всегда надо быть начеку, никакой волк не спасет нам, если мы сами о себе не позаботимся.

Так и прижилась Ажбета в том самом лесу, который со временем стал считаться заповедным.

Глава 25. Встреча с богиней

Старуха словно ждала чего-то или кого-то. Она должна была рассказать и волку, и коту и ведьме о том, что совсем скоро тут появится богиня Зевана.

Но рассказать не успела, и возвращаясь с волком с прогулки, Ажбета ее и встретила. Сначала волк заволновался, даже зарычал, когда почувствовал чужой дух в их лесу.

Девочка увидела столб какого-то странного света. Хотя в полдень солнце добиралось даже сюда, но это был особенный свет, он был каким-то нежным и струящимся. Она невольно зажмурилась и оглянулась вокруг, открыв глаза через миг. А там уже стояла богиня.

Она слышала рассказы о них и прежде, но видела в первый раз такую неземную красоту. Наряд ее, лук и стрелы в руках, все говорило о том, что перед ними не девица простая, неземной была ее красота.

Незнакомка что-то говорила волку на языке, которого Ажбета не могла понять, но такое сладкозвучие вокруг лилось, что она заслушалась, и чуть не упала.

Богиня, заметив, как покачнулась девочка, невольно улыбнулась и что-то сказала зверю. Он оглянулся и взглянул на Ажбету. Потом волк говорил, что теперь Зевана (она не сразу запомнила это имя) останется с ними и станет во всех лесах со всеми животными управляться.

Богиня уже попрощалась с ними и скрылась где-то, словно ее и не было, но она была, и этой встречи маленькая ведьма не смогла бы забыть никогда.

– Пусть берегутся охотники, и все, кто без спроса захочет в наш лес наведаться, теперь они узнают Зевану в ярости, она никого в обиду не даст, – по дороге говорил невесть откуда взявшийся кот Баюн, он поспешил туда, где пути ведьмы, волка и богини пересеклись.

– Зевана, – только и произнесла Ажбета, когда они вернулись к Яге

– Вы все видели богиню охоты? – удивленно спросила та, – чего же ты приуныла?

– Она так прекрасна, так ослепительна, – ведьма даже не скрывала зависти, – мне никогда не стать такой.

– Она богиня, а завидовать богам – пустое дело, – усмехнулась Яга.

Так она и избавила Ажбету от странных чувств. Ажбета побежала к озеру, чтобы искупаться, она почувствовала себя маленькой и беззащитной,

Волк и кот издалека смотрели за ней.

– Почему ты ее не останавливаешь? – удивился кот.

– Она сама должна одолеть эти слабости, иначе мы запомним с ней потом, что будет когда она Ладу встретит? – спросил волк, который, как и все они, уже встречал богиню не раз, и глаз от нее не мог оторвать.

Но бес, который появился неожиданно, не был настроен

так добродушно и философски.

Русалка появилась на поверхности озера, в тот момент, когда Ажбета спокойно плавала. Ажбета застыла на месте, и не могла двинуться к берегу, так была поражена. Какой же она была страшной, от чувства зависти к богине в душе ее не осталось и следа.

Яга издалека следила за тем, как ее животные вместе с бесом закаляли и воспитывали девочку. Но жизнь шла своим чередом, все в этом мире было, как и всегда.

Часть 3. Земля и небо

Глава 1. Проделки Ажбеты

Жила была маленькая колдунья в заповедном лесу, и звали ее Ажбетой. Каждый день казался ей необычным, очень интересным.

Когда она поняла, какой таинственной и удивительной может быть жизнь, то убедилась, что никто не сможет ее отправить назад к людям, которые бывают то злы, то бестолковы, никак с ними не сладить.

А может она просто была рождена для такого места, как заповедный лес, и другого никакого не хотела знать.

Даже когда к ее учительнице Яге приходили люди, которых она знала и не знала, она становилась замкнутой и угрюмой, хотя они больше не смеялась над ней и не жалели ее, как прежде.

Но ей не было дело до них. Люди давно стали ей неинтересны, она удивлялась, когда видела, как старуха с ними возится, старается им что-то объяснить и показать, помочь каждому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.